

Российский
центр научной
информации

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 № 2 (121) апрель – июнь 2025 года

Основан в 1995 году

Учредитель

**Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский центр научной информации»**

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.В. Квардаков, В.Н. Фридлянов

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119991, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rcsi.science

Russian Centre
for Science
information

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 No 2 (121) April – June 2025

Founded in 1995

The Founder

**Federal State Budgetary Institution
Russian Centre for Science information**

Chief editor V.Ya. Panchenko,
Deputy chief editors V.V. Kvardakov, V.N. Fridlyanov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova,
G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119991, Russia
Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3121)
E-mail: rovir@rcsi.science

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОЛОГИЯ КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Шмонин Д.В. Междисциплинарное и конфессиональное: теология в конкурсном контексте	9
Бажанов В.А. Теология в Российском фонде фундаментальных исследований (исторические предпосылки и опыт выполнения грантовых проектов)	19
Кропачев Н.М., Третьяков А.В., Соловьёв А.А., Шмонин Д.В. Ценностно-правовые аспекты развития государственно-конфессиональных отношений, теологии и религиозного образования: к 30-летию работы Совета при Президенте Российской Федерации по взаимодействию с религиозными объединениями	25

ТЕОЛОГИЯ, ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ: АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аринин Е.И., Маркова Н.М., Лютаева М.С., Сибирцева Ю.А., Кильдяшова Т.А., Голенко В.В. Проект «Теология (богословие) и религиоведение в России: между медиа и диалогом экспертов»: опыт и перспективы	37
Кривовичев С.В. Феномен жизни в естественных науках и теологии	48
Курдыбайло Д.С. Слово Бога и Книга Природы в фокусе человеческого познания: предварительные замечания о периоде поздней античности	59
Светлов Р.В. Античные истоки рациональной теологии. Опыт исследования в рамках проекта РФФИ	71

ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ И ЦЕРКОВНОЙ ТРАДИЦИИ

Афанасьева Т.И. Ярославский часослов как уникальный памятник древнерусской литургической письменности второй половины XIII века	82
Костовска С.К., Галкина Т.А., Герцен А.А., Иванов С.В. Храм и ландшафт: разработка и верификация типологии культовых сооружений по критериям места, эпохи, события	91
Хондзинский П.В., Малышев А.В., Ячменик В.А. Современное изучение древней латинской церковной традиции	105

СОВРЕМЕННЫЙ ИСЛАМСКИЙ ДИСКУРС В ФОКУСЕ ТЕОЛОГИИ

Ибрагим Т.К., Ефремова Н.В.

О возрождении философской теологии фальсафы
в реформаторско-модернистском дискурсе 115

Магомедова П.А.

Аспекты исследования религиозного (исламского) дискурса
в полиязыковом пространстве 122

БИБЛЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Селезнёв М.Г., Луппова А.А., Шуляков Л.В.

Структура рассказа о творении мира в первой главе книги Бытия 134

Сизиков А.В.

Книга Иисуса, сына Сирахова, и проект академического библейского перевода 144

Поддержанные научные проекты конкурса

«Теология в контексте междисциплинарных научных исследований» 154

CONTENTS

THEOLOGY AS A SCIENTIFIC DISCIPLINE

Shmonin D.V. The Interdisciplinary and Confessional: Theology in Competitive Context	9
Bazhanov V.A. Theology in the Russian Foundation for Basic Research (Historical Background and Practice of Implementing Grant Projects)	19
Kropachev N.M., Tretyakov A.V., Solovyov A.A., Shmonin D.V. Value-Based and Legal Aspects of Development of State & Confessions Relations, Theology, and Religious Education: on the 30 th Anniversary of the Council for Coordination with Religious Organizations under the President of the Russian Federation	25

THEOLOGY, HUMANITIES AND NATURAL SCIENCES: ASPECTS OF RELATIONSHIP

Arinin E.I., Markova N.M., Lyutaeva M.S., Sibirtseva Yu.A., Kildyashova T.A., Golenko V.V. Project: "Theology and Religious Studies in Russia: Between Media and Expert Dialogue": Experience and Prospects	37
Krivovichev S.V. The Phenomenon of Life in Natural Sciences and Theology	48
Kurdybaylo D.S. The Word of God and the Book of Nature in the Focus of Human Knowledge: Preliminary Remarks on Late Antiquity	59
Svetlov R.V. Ancient Origins of Rational Theology. Research Experience in the Project of the Russian Foundation for Basic Research	71

THEOLOGICAL STUDIES OF CULTURE AND CHURCH TRADITION

Afanasyeva T.I. The Yaroslavl Book of Hours as a Unique Monument of Ancient Russian Liturgical Writing of the Second Half of the 13 th Century	82
Kostovska S.K., Galkina T.A., Herzen A.A., Ivanov S.V. Temple and Landscape: Development and Verification of the Typology of Religious Buildings According to Place, Era, Event	91
Khondzinsky P.V., Malyshev A.V., Yachmenik V.A. Modern Study of Ancient Latin Church Tradition	105

MODERN ISLAMIC DISCOURSE IN THE FOCUS OF THEOLOGY

Ibrahim T.K., Efremova N.V.

On the Revival of the Philosophical Theology of Falsafa
in Reformist-Modernist Discourse 115

Magomedova P.A.

Aspects of Study of Religious (Islamic) Discourse in Multilingual Space 122

BIBLICAL STUDIES

Seleznyov M.G., Luppova A.A., Shulyakov L.V.

Structure of Creation Narrative in Genesis Chapter 1 134

Sizikov A.V.

The Wisdom of Jesus, Son of Sirach, and the Project of Academic Bible Translation 144

Supported scientific projects of the competition

"Theology in the Context of Interdisciplinary Scientific Research" 154

ТЕОЛОГИЯ КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Д.В. ШМОНИН*

Междисциплинарное и конфессиональное: теология в конкурсном контексте**

Индекс УДК 2
Код ГРНТИ 21.41.61
DOI: 10.22204/2587-8956-2025-121-02-9-18

Каждая традиция, нашедшая своё выражение в теологии, имеет своё вероучительное ядро, аксиоматику, выходящую за пределы науки, а также догматическое учение и более широкий спектр доктрин, дисциплин и т.п., рационально излагающих и раскрывающих традицию. Российский фонд фундаментальных исследований, который наряду с Российским научным фондом в 2019–2020 гг. провёл работу по включению теологии в число научных направлений, поддерживаемых в рамках конкурсов, инициировал первый и, на момент публикации статьи, единственный в российской практике государственной поддержки научных исследований специальный конкурс по теологии – «Теология в контексте междисциплинарных научных исследований» (2021–2022), подведению итогов которого посвящён этот номер журнала.

В статье проведение упомянутого конкурса рассматривается в контексте развития теологии как отрасли знания в современной России.

Ключевые слова: теология, исследования, конфессии, проекты, православие, ислам, иудаизм, протестантизм, буддизм

Межрелигиозный консенсус и государственная поддержка. Начало развития теологии как отрасли знания в современной России

Старт современному этапу развития теологии был дан в конце 2012 г. Вскоре после Патриаршего совещания «Теология

в вузах: взаимодействие Церкви, государства и общества» (28–29 ноября 2012 г.) на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви было артикулировано решение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла добиваться внесения теологии в номенклату-

* **Шмонин Дмитрий Викторович** — доктор философских наук, директор Института теологии Санкт-Петербургского государственного университета, заместитель координатора секции «Теология» Экспертного совета по философии, социологии, политологии, правведению и науковедению РЦНИ, председатель Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России по теологии.
E-mail: d.shmonin@spbu.ru

** Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 125040204733-3.

Ил. 1. На заседании экспертного совета ВАК по теологии. Сентябрь 2018 г.
(слева направо: Т.К. Ибрагим, Е.И. Пивовар, Д.В. Шмонин, Л.Ф. Кацис)

ру специальностей научных работников. Предложение Предстоятеля Русской Православной Церкви поддержали главы централизованных мусульманских, еврейских и буддийской религиозных организаций: муфтии Талгат Таджуддин, Равиль Гайнутдин и Исмаил Бердиев, раввины Берл Лазар и Адольф Шаевич, а также глава Буддийской традиционной сангхи России Пандито Хамбо лама Дамба Аюшеев. 25 июля 2013 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин дал положительный ответ на обращение Патриарха Кирилла и других упомянутых религиозных руководителей, поручив Правительству страны реализовать идею нормативного закрепления самостоятельной научной отрасли «Теология» [1, с. 9–13].

В рамках исполнения соответствующего указания главы государства с 2014 г. началось открытие аспирантур по новой специальности 26.00.01 – Теология, а в 2015 г. утверждён паспорт этой научной специальности.

В 2016 г. был создан первый диссертационный совет по специальности 26.00.01 –

Теология, председателем которого был назначен митрополит Иларион (Алфеев), возглавлявший Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата и Общецерковную аспирантуру и докторантуру имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (ОЦАД).

Этот диссертационный совет, открытый на базе двух ведущих государственных вузов (Московского государственного университета (МГУ) им. М.В. Ломоносова и Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС)), а также двух религиозных образовательных организаций высшего образования, подведомственных Русской Православной Церкви (Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ) и ОЦАД), получил право присуждать учёные степени кандидата наук и доктора наук по упомянутой выше специальности по двум отраслям: филологические науки и исторические науки.

Первая защита диссертации по теологии (соискатель кандидатской степени –

протоиерей Павел Хондзинский) прошла 1 июня 2017 г., причём присуждение учёной степени, благодаря усилиям министра образования и науки России О.Ю. Васильевой, состоялось уже не только по специальности 26.00.01 — Теология, но и по отрасли 26.00.00 — Теология, которая была включена к этому моменту в номенклатуру научных специальностей как самостоятельная (т.е. учёная степень была присуждена не по философским наукам, а именно по теологии).

Также приказом Министерства образования и науки Российской Федерации в августе 2016 г. был утверждён состав экспертного совета Высшей аттестационной комиссии по теологии, который возглавил академик (на тот момент — член-корреспондент РАН) Е.И. Пивовар (ил. 1).

14–15 июня 2017 г. в Москве, по инициативе О.Ю. Васильевой и по благословению Патриарха Кирилла, на базе Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» (НИЯУ МИФИ), где в то время работала возглавляемая ректором ОЦАД митр. Иларионом (Алфеевым) кафедра теологии, состоялась Первая Всероссийская научная конференция «Теология в гуманитарном образовательном пространстве». Конференция стала общественным и научным событием общенационального уровня, отразившим результаты становления теологии как отрасли знания, а также перспективы дальнейшего развития теологического образования, дав начало ежегодным мероприятиям такого уровня, которые проходили на базе этого вуза вплоть до 2021 г. [2, с. 9–18].

Возвращение теологии в семью гуманитарных наук: дискуссии и решения

Спустя полгода, 17 января 2018 г., в ходе научной дискуссии «Теология и прогресс» в ОЦАД ректоры нескольких ведущих вузов выступили с инициативой создания Научно-образовательной теологической ассоциации. При поддержке Администрации Президента России и Святейшего Патриарха Кирилла, в целях развития профессионального теоло-

гического сообщества на базе светских университетов, а также вузов, принадлежащих традиционным конфессиям России, такая ассоциация была создана. Её учредителями стали два национальных университета с особым статусом — МГУ им. М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), РАНХиГС, НИЯУ МИФИ, Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Московский архитектурный институт (МАРХИ), Северо-Кавказский федеральный университет, ПСТГУ и ОЦАД.

В течение последнего десятилетия, отмеченного постепенным возвращением теологии в семью университетских дисциплин, в российском общественном сознании наметилась тенденция усиления внимания к теологии как к гуманитарно-научному дисциплинарному пространству, в рамках которого может осуществляться взаимодействие не только исследовательских стратегий и подходов, но и диалога представителей религиозных традиций. Это взаимодействие нацелено на сохранение и развитие культурной памяти народов России, использование нравственного и мировоззренческого ресурса традиционных религий в сфере образования, науки, общественной жизни, что важно в контексте реализации положений Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и других общероссийских документов стратегического планирования.

Официальными документами, утверждаемыми Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России, которые очерчивают содержание научных дисциплин, являются паспорта научных специальностей. Заметим, что первый паспорт специальности 26.00.01 — Теология имел фактически внеконфессиональный характер. Однако к концу 2017 г. в церковно-академических кругах стали озвучиваться идеи развития теологии с выделением внутри неё групп специальностей, соответствующих традици-

Ил. 2. На одном из заседаний рабочей группы. Февраль 2020 г.

онным религиозно-конфессиональным направлениям (православию, исламу, иудаизму). В каждую группу предлагалось включить по одной–двум специальностям с тем, чтобы в дальнейшем, по мере увеличения числа успешных защит и формирования научно-экспертного сообщества в каждой конфессии, постепенно дифференцировались (внутри тех же групп) специальности по предметным областям, соответствующим богословско-историческим традициям соответствующей конфессии [2, с. 30–31].

Принятый Святейшим Патриархом Кириллом подход основывается на понимании сути теологии как комплекса дисциплин, систематически выражающих и описывающих учение определённой конфессиональной традиции. Этому предложению суждено было реализоваться в деятельности рабочей группы Министерства науки и высшего образования России по обновлению номенклатуры научных специальностей, которая длилась около двух лет, с 2018 по 2020 г. В работе над новой номенклатурой принимали участие коллективы учёных и специалистов РАН, ведущие университе-

ты и НИИ, а также 46 экспертных советов ВАК, в которых состояли более 1,5 тысяч ведущих учёных страны (ил. 2).

6 апреля 2021 г. в Министерстве юстиции России был зарегистрирован приказ, который ввёл в действие новую номенклатуру научных специальностей. Согласно утверждённой номенклатуре число специальностей, по которым присуждаются учёные степени кандидата и доктора наук, сократилось с 430 до 351. Вместе с тем были введены 21 новая научная специальность и 4 новые группы научных специальностей, среди которых и была группа 5.11 – Теология.

По предложению централизованных религиозных организаций, которое поддержали научно-экспертное сообщество и руководство Минобрнауки России, теология как отрасль знания или группа научных специальностей, отнесённая к области социальных и гуманитарных наук, включила в себя три новые специальности: 5.11.1 – Теоретическая теология (по исследовательскому направлению: православие, ислам, иудаизм); 5.11.2 – Историческая теология (по исследовательскому направлению:

православие, ислам, иудаизм); 5.11.3. – Практическая теология (по исследовательскому направлению: православие, ислам, иудаизм). Это означало, что авторы диссертаций получили возможность строить свои исследования, исходя из религиозных доктрин соответствующих традиций, выбирая конкретное направление, например православие. Дифференциация исследовательских направлений и дисциплин в рамках теологии как междисциплинарного проекта была также призвана способствовать большей специализации исследований и более квалифицированной оценке диссертаций специалистами, поскольку диссертационные советы также приобретали теперь конфессиональную окрашенность. [3].

Теология как отрасль научного знания и как группа научных специальностей получила своё описание в новых паспортах, разработанных научно-экспертным сообществом, которое включает представителей соответствующих конфессиональных традиций. В 2021 г. к исследовательским направлениям православие, ислам, иудаизм добавилось новое – протестантизм, в 2024 г. – буддизм. Разработка новых направлений осуществлялась в заявительном порядке по предложению научно-теологического сообщества и при поддержке соответствующих централизованных религиозных организаций, заинтересованных в развитии конфессиональных сегментов теологии.

Научные исследования по теологии и их грантовая поддержка

Важное значение в ситуации развития отрасли имело открытие доступа к финансированию научных проектов по теологии в рамках программ государственных научных фондов. Такая возможность появилась после того, как Российский фонд фундаментальных исследований 26 декабря 2019 г. принял решение о включении теологии в свой тематический классификатор. Ранее богословам приходилось адаптировать тематику своих проектов под имеющиеся рубрики классификатора; теперь учёные получили возможность формулировать

цели и задачи исследований в теологических понятиях. И хотя теология не попала в этот перечень в число самостоятельных отраслевых направлений, в рамках гуманитаристики подраздел 11-108 – Философия религии и религиоведение был дополнен направлением «Теология». Аналогичное решение принял и Российский научный фонд.

Особую роль на данном этапе становления отрасли [4, с. 255] сыграл междисциплинарный конкурс, который организовал и провёл Российский фонд фундаментальных исследований. Среди направлений конкурса, помимо традиционной тематики, дающей возможность изучения теологического наследия и различных аспектов религиозных учений, можно увидеть действительно междисциплинарные направления: «Теология в контексте психологии, антропологии и когнитивных наук», «Теология и филология. Проблемы изучения, интерпретации и перевода священных текстов, анализа источников и документов», «История теологической мысли в контексте развития культуры, философии, науки», «Теология и ценности: мораль, право, искусство, образование», «Религия и теология как факторы формирования культуры и искусства», «Теология и история. Проблемы изучения религиозных традиций и роли религиозных организаций в развитии общества» и др.

Напомним некоторые данные. Из 254 заявок поддержку получили 58 проектов, в которых были представлены различные области и различные религиозные традиции (христианство, ислам, иудаизм, буддизм). При этом по православной теологии были поддержаны семь проектов, по исламской теологии – три, по иудейской теологии – один проект. Менее конфессионально окрашенными оказались заявки по истории теологии и философским проблемам (пять поддержанных проектов). Наибольшее число проектов (42) имели междисциплинарный характер. Среди университетских учёных, кстати, больше всего победителей было из СПбГУ (семь проектов). Следует отметить, что эксперты и руководство фонда делали всё, чтобы с учётом научного

уровня заявок оказать поддержку проектам по всем конфессиональным направлениям.

По два гранта получили научные коллективы из таких вузов, как НИУ «Высшая школа экономики», Российский университет дружбы народов, Российский государственный педагогический университет (РГПУ) имени А.И. Герцена, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского и др., а также ведущие духовные школы Русской Православной Церкви (Московская и Санкт-Петербургская духовные академии, ПСТГУ и ОЦАД).

Состоявшийся конкурс РФФИ — его участников, тематику, результаты исследований — можно рассмотреть и в контексте динамики защит диссертационных исследований по теологии. Если в 2017 и 2018 гг. состоялось по одной кандидатской защите, за два последующих года (2019–2020) прирост составил девять работ, из них три докторские диссертации, то за 2021–2024 гг. прошли уже 36 успешных защит, среди которых были три защиты на соискание учёной степени доктора теологии. Прямой корреляции между проведением профильного конкурса РФФИ и числом защит в последующие годы нет, однако следует заметить, что двое руководителей поддержанных в его рамках проектов уже по окончании выполнения своих исследований защитили докторские диссертации.

Дальнейшее развитие теологии: конфессиональность, междисциплинарное взаимодействие, открытость новым задачам

Если говорить о конфессиональных направлениях и тематике успешно защищённых диссертаций за последние четыре года, то можно заметить, что все получившие учёную степень (за исключением одной работы) по группе специальностей 5.11 относятся к исследовательскому направлению православие, причём среди них ощутимо преобладают работы историко-богословского и историко-церковного планов. Преимущественно

на защиты по теологии в последние годы выходят выпускники аспирантур церковных высших учебных заведений — академий. Интересна наметившаяся тенденция, которая касается самого крупного православного университета — Свято-Тихоновского. Выпускники аспирантуры и научно-педагогические работники этого университета практически не защищались в объединённом диссертационном совете с участием МГУ имени М.В. Ломоносова, РАНХиГС и ОЦАД (хотя ПСТГУ был четвёртым соучредителем этого совета, и первую в истории ваковскую защиту по теологии прошёл, как мы отметили выше, его представитель). Однако после получения в 2022 г. разрешения Минобрнауки России на открытие объединённого диссертационного совета по теологии в качестве головной организации, на собственной базе, ПСТГУ демонстрирует активность в проведении защит. Для сравнения: в 2024 г. здесь прошли шесть защит, в то время как в альтернативном объединённом московском совете — две, в петербургском РГПУ имени А.И. Герцена — одна, а также в СПбГУ, по собственным правилам — одна.

Отдельно хотелось бы отметить возрастающую роль межвузовских объединений в развитии теологии как отрасли знания. Об одном из них, Научно-образовательной теологической ассоциации, уже было сказано выше (ил. 3). В период с 2018 по 2025 г. число вузов — членов этого отраслевого объединения выросло с 9 до 87. В ассоциацию входят все ведущие духовные школы Русской Православной Церкви и религиозные вузы других конфессий. Ассоциация имеет действующие соглашения о сотрудничестве с Учебным комитетом Русской Православной Церкви, Советом по исламскому образованию, Научно-экспертным советом по образованию при Главном раввине России (ФЕОР). Научно-образовательная теологическая ассоциация в 2022 году получила статус экспертной организации Федеральной службы по надзору в сфере образования

Ил. 3. Общее собрание Научно-образовательной теологической ассоциации, март 2024 г.

и науки на право проведения аккредитационной экспертизы на право образовательной деятельности, причём не только по теологии, но и по философии, этике, религиоведению, культуроведению и социокультурным проектам (ил. 4).

Возрастающее влияние на развитие теологии в контексте реализации Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утверждённых Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809, оказывает деятельность другого объединения вузов – Ассоциации федеральных университетов, национальных исследовательских университетов, Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургского государственного университета (Ассоциация ведущих университетов, АВУ). В рамках задач по консолидации усилий ведущих российских образовательных и научно-исследовательских организаций по развитию и повышению конкурентоспособности российской системы высшего образования и науки, а также координации их образовательной и научной деятельности предпринимаются шаги по организации взаимодействия ведущих вузов страны с вузами Русской Православной Церкви, других традиционных рели-

гий, нацеленные, в том числе, на развитие теологии.

В заключение отметим, что номер журнала, посвящённый результатам конкурса «Теология в контексте междисциплинарных научных исследований», позволяет судить о наиболее сильных проектах из числа получивших поддержку. Можно заметить также, что итоги конкурса проиллюстрировали специфику теологического знания, о которой мы уже говорили [3–5] и которая пока не так видна из тематики защищаемых по теологии диссертаций. Речь идёт о том, что при изучении внутренних для конкретной традиции тем [3, 6–11], равно как и при изучении тематик, направленных вовне (теология образования и религиозная педагогика, теология общественных процессов, теология науки и др. [12–14]), существуют зоны с большей или меньшей конфессиональной окрашенностью или, лучше сказать, интенсивностью. Чем ближе тематика к вероучительному ядру, тем строже и ответственнее работа теолога в догматическом отношении; чем дальше от центра находятся зоны исследовательского интереса учёного, тем больше междисциплинарных пересечений и возможностей использования методов социальных, гуманитарных, а иногда естествен-

Ил. 4. Встреча вице-президента РАН, председателя Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России академика В.Я Панченко с президентом Научно-образовательной теологической ассоциации, ректором Московской духовной академии, доктором богословия, кандидатом технических наук, епископом Сергиево-Посадским и Дмитровским Кириллом. Июль 2024 г.

ных и технических наук (в части попыток изучения материального наследия религиозных традиций естественно-научными методами, например) для теологических исследований.

Выводом из анализа итогов конкурса в общем контексте исследований по теологии в нашей стране за последние 4–5 лет может также стать мысль о том, что теология в светских вузах, в том числе в классических университетах, ориентируясь

на конфессиональную основу традиции, имеет возможность использовать потенциал междисциплинарности [4, 8, 15], заложенный в самой университетской структуре, когда богословская методология и теологические подходы к исследовательской работе успешно коррелируют с методами социальных и гуманитарных наук, среди которых не только история и филология, но и социология, политология, культурология и иные отрасли современного знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирилл, Патриарх Московский и вся Русь. Теология и ценности: будущее России // Теология и образование. Ежегодник Научно-образовательной теологической ассоциации. 2019. М.: МИФИ, 2019. С. 9–13.
2. Теология и образование. Ежегодник Научно-образовательной теологической ассоциации. 2018. М.: МИФИ, 2018.
3. Шмонин Д.В. Научная рациональность и «возвращение к теологии» // Вопросы теологии. 2019. Т. 1. № 3. С. 280–306. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2019.301>.
4. Прилуцкий А.М., Шмонин Д.В. Институционализация теологии: опыт и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 2. С. 254–263. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.209>.
5. Шмонин Д.В. Теология и философия науки: проблемы идентификации // Вопросы философии. 2022. № 1. С. 197–207. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-1-197-207>.
6. Иларион (Алфеев), митр. Теология в современном российском академическом пространстве // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2016. Т. 34. № 3. С. 224–239. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2016-34-3-224-239>.
7. Васильева О.Ю. Я против противопоставления советской и российской науки о религии... // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом, 2014. № 32 (3). С. 295–301.
8. Орлов М.О. Теологическое образование в высшей школе: поиск дисциплинарной идентичности // Актуальная теология: религиозная идентичность в региональных социокультурных процессах: Материалы II Всероссийской молодёжной научно-практической конференции. Омск: Изд-во ОмГУ, 2015. С. 41–48.
9. Мочалов Е.В. Философия религии и теология: диалог или противостояние // Социально-политические науки. 2017. № 6. С. 41–44.
10. Phillips D.Z. Grammar and religious belief // Philosophy of Religion: a guide and anthology, Oxford: Oxford University press, 2000. Pp. 108–115.
11. Мефодий (Зинковский), иером. Богословие личности в XIX–XX вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2014.
12. Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions, Chicago: University of Chicago Press, 1962.
13. Grenz S.J. and Olson R.E. 20th-Century Theology: God and the World in a Transitional Age, Illinois: InterVarsityPress. 1992.
14. Schwarz H. Theology in a Global Context: The Last Two Hundred Years. Cambridge: Wm. B. Eerdmans Publishing, 2005.
15. Weingartner P. The Credibility of Science and Religion. Walter de Gruyter GmbH, Berlin/Boston, 2025.

The Interdisciplinary and Confessional: Theology in Competitive Context

Dmitry Viktorovich Shmonin — Doctor of Philosophy, Director of the Institute of Theology of the St. Petersburg State University, Deputy Coordinator of the Theology Section of the Expert Council on Philosophy, Sociology, Political Science, Law and Science Studies of the Russian Centre for Science information, Chairman of the Expert Council of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia on Theology.

E-mail: d.shmonin@spbu.ru

Each tradition that had manifested in theology has its own doctrinal core, axiomatics that goes beyond science, as well as dogmatic teaching and a wider range of doctrines, disciplines, etc., that rationally expound and reveal the tradition. The Russian Foundation for Basic Research,

which, along with the Russian Science Foundation, carried out work in 2019–2020 to include theology in the list of scientific areas supported through competitions, has initiated the first and (at the time of publication of the article) the only profile competition in theology in the Russian practice of state support for scientific research. This competition is “Theology in the Context of Interdisciplinary Scientific Research” (2021–2022), and this issue is dedicated to its results.

The article examines the competition in the context of the development of theology as a branch of knowledge in modern Russia.

Keywords: theology, research, confessions, projects, Orthodoxy, Islam, Judaism, Protestantism, Buddhism

REFERENCES

1. Kirill, Patriarkh Moskovskii i vseya Rusi. Teologiya i tsennosti: budushchee Rossii // Teologiya i obrazovanie. Ezhegodnik Nauchno-obrazovatel'noi teologicheskoi assotsiatsii. 2019. M.: MIFI, 2019. S. 9–13 (in Russian).
2. Teologiya i obrazovanie. Ezhegodnik Nauchno-obrazovatel'noi teologicheskoi assotsiatsii. 2018. M.: MIFI, 2018 (in Russian).
3. Shmonin D.V. Nauchnaya ratsional'nost' i «vozvrashchenie k teologii» // Voprosy teologii. 2019. T. 1. № 3. S. 280–306. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2019.301> (in Russian).
4. Prilutskii A.M., Shmonin D.V. Institutsializatsiya teologii: opyt i perspektivy // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya. 2022. T. 38. Vyp. 2. S. 254–263. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.209> (in Russian).
5. Shmonin D.V. Teologiya i filosofiya nauki: problemy identifikatsii // Voprosy filosofii. 2022. № 1. S. 197–207. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-1-197-207> (in Russian).
6. Ilarion (Alfeev), mitr. Teologiya v sovremennom rossiiskom akademicheskom prostranstve // Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom. 2016. T. 34. № 3. S. 224–239. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2016-34-3-224-239> (in Russian).
7. Vasil'eva O.Yu. Ya protiv protivopostavleniya sovetskoj i rossiiskoj nauki o religii... // Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom, 2014. № 32 (3). S. 295–301 (in Russian).
8. Orlov M.O. Teologicheskoe obrazovanie v vysshei shkole: poisk distsiplinarnoi identichnosti // Aktual'naya teologiya: religioznaya identichnost' v regional'nykh sotsiokul'turnykh protsessakh: Materialy II Vserossiiskoi molodyozhnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Omsk: Izd-vo OmGU, 2015. S. 41–48 (in Russian).
9. Mochalov E.V. Filosofiya religii i teologiya: dialog ili protivostoyanie // Sotsial'no-politicheskie nauki. 2017. № 6. S. 41–44 (in Russian).
10. Phillips D.Z. Grammar and religious belief // Philosophy of Religion: a guide and anthology. Oxford: Oxford University press, 2000. Pp. 108–115.
11. Mefodii (Zinkovskii), ierom. Bogoslovie lichnosti v XIX–XX vv. SPb.: Izd-vo Olega Abyshko, 2014 (in Russian).
12. Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions, Chicago: University of Chicago Press, 1962.
13. Grenz S.J. and Olson R.E. 20th-Century Theology: God and the World in a Transitional Age, Illinois: InterVarsityPress. 1992.
14. Schwarz H. Theology in a Global Context: The Last Two Hundred Years. Cambridge: Wm. B. Eerdmans Publishing, 2005.
15. Weingartner P. The Credibility of Science and Religion. Walter de Gruyter GmbH, Berlin/Boston, 2025.

Индекс УДК 001.891

Код ГРНТИ 21.41.61

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-121-02-19-24

В.А. БАЖАНОВ*

Теология в Российском фонде фундаментальных исследований (исторические предпосылки и опыт выполнения грантовых проектов)

В статье рассмотрены вопросы, связанные с развитием религиозной философии в нашей стране, а также становлением в XXI в. теологии как научной специальности, утверждённой ВАК. Уделено внимание объявленному РФФИ в 2021 г. конкурсу проектов по теологии, повышению её роли в сфере гуманитарного знания, содержанию и направлениям поддержанных исследований и его итогам.

Ключевые слова: теология, ВАК, РФФИ, конкурс проектов, философия, религиоведение, социогуманитарное знание

В современном мире особенно актуальны исследования тех проблем культуры, политики, образования, которые концентрируются на насущных вопросах жизни как отдельных конфессий, так и межконфессиональных, межрелигиозных взаимодействий, способствующих их гармоничному существованию и взаимовыгодному диалогу, а также на ключевых моментах соотношения науки и религии. В такого рода исследованиях предлагается осмысление различных аспектов отношений между государством, социальными и религиозными структурами — осмысление, которое позволяет придать этим отношениям стабильное и выгодное для различных социумов содержание.

Религия всегда играла важную роль в развитии обществ, государств и человеческой мысли. Это справедливо и по отношению к дореволюционной России. Теология (в нашей стране её принято было называть богословием) до Октябрьского переворота развивалась в ведущих церковных учебных заведениях — духовных академиях обеих российских столиц, а также Казани и Киева. Кафедры богословия имелись едва ли не во всех российских университетах, но, в отличие от духовных академий, на них не готовили профессиональных теологов (богословов).

До 1917 г. православная церковь в российском социально-гуманитарном образовании играла заметную роль. Так, после запрета преподавания философских

* **Бажанов Валентин Александрович** — заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии Ульяновского государственного университета, заместитель председателя, координатор секции «Теология» Экспертного совета по философии, социологии, политологии, правоведению и науковедению РЦНИ.
E-mail: vbazhanov@yandex.ru

дисциплин в университетах в середине XIX столетия, после очередной французской революции преподавание логики продолжалось, причём его вели именно священнослужители. Первый труд по истории философии в России был написан и издан в 1839–1840 гг. в Казани архимандритом Гавриилом (Воскресенским). В духовных образовательных организациях работали глубокие знатоки социальных и гуманитарных предметов. Вообще русскую духовную философию зарубежное научное сообщество оценивает как уникальный вклад в мировую философскую мысль.

В советское время в России развитие теологии было не просто заморожено, а фактически запрещено. Лишь с началом того периода развития страны, который принято называть перестройкой, ситуация стала кардинально меняться.

В мире же теология уже многие столетия признаётся фундаментальной научной дисциплиной. Только в США насчитывается более 200 католических университетов и колледжей, а также ещё полсотни протестантских, где теология присутствует наряду с другими научными дисциплинами. Даже в Японии и Южной Корее, где авраамические религии не являются традиционными, действуют почти по десять университетов. И это несмотря на, казалось бы, прагматический настрой жителей как Америки и Европы, так и преуспевающих азиатских стран. В этих университетах и колледжах, впрочем, занимаются далеко не только теологией, но и многими другими, включая естественные и математические, науками. Причём теология в них вовсе не мешает успешному развитию самых современных исследований, а вполне мирно с ними соседствует.

Более десяти лет назад, в 2014 г., Министерство образования и науки Российской Федерации утвердило соответствующий федеральный образовательный стандарт по теологии, представляющей собой совокупность дисциплин, занимающихся анализом и вариантами истолкования верований о Боге, месте и роли веры в жизни

людей, а также о связанных с нею вопросах, касающихся традиционных нравственных ценностей и установок поведения в обычной жизни. Такое решение открыло возможность преподавания основоположений христианства, ислама, иудаизма и буддизма в государственных высших учебных заведениях. Осенью 2015 г. президиум Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки РФ одобрил паспорт научной специальности «теология». Специальность 26.00.01 – Теология была включена в перечень Высшей аттестационной комиссии, а также утверждён состав экспертного совета по теологии при ВАК (области исследования «Православная теология», «Исламская теология», «Иудейская теология»).

В официальном приветствии Президента Российской Федерации участникам, организаторам и гостям III Международной научной конференции «Теология в научно-образовательном пространстве: религия, культура, просвещение» отмечалось, что «форум... призван обсудить актуальные проблемы, связанные с развитием теологии в нашей стране, повышением её роли в сфере гуманитарного знания, в сбережении непреходящих духовно-нравственных ценностей народов России и нашего богатейшего культурного наследия, в воспитании подрастающего поколения» (№ Пр-2213 от 05.11.2019 г.).

Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации в 2019 г. также указал на важность изучения и развития исследований по теологии, имея в виду их грантовую поддержку. Бюро совета Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) дополнило классификатор по направлению «Философия, политология, социология, правоведение, история науки и техники, науковедение») теологией. Таким образом теология была инкорпорирована в систему наук, поддерживаемых грантами РФФИ.

Следует заметить, что в РФФИ на протяжении всей своей деятельности прямо или косвенно поддерживались проекты, от-

носящиеся к религиоведению и теологии. С 1995 по 2019 г. при поддержке Фонда было опубликовано около пятисот фундаментальных научных трудов, посвящённых исследованиям, которые касались теологических по своему характеру проблем, философии и истории религии. Это были труды по истории Русской Церкви, книги по русской агиографии, памятникам церковного искусства (икона, лицевые рукописи, шитьё, мелкая пластика), гимнографии, истории исламской цивилизации, иудаике и библеистике. В серии «Pro et contra» были изданы книги по православию, католицизму и протестантизму.

В 2021 г. РФФИ объявил конкурс проектов по теологии. Грантовая поддержка могла быть оказана в течение двух лет, и её размер составлял от одного до двух миллионов рублей в год.

Тематические направления конкурса включали историю теологической мысли в контексте развития культуры, философии, науки; анализ методологических проблем теологии в контексте современного социально-гуманитарного знания; роль теологии в межрелигиозном и межконфессиональном взаимодействии (имея в виду диалог, экуменизм, фундаментализм); особенности государственно-конфессиональных отношений; общее и специфическое в изучении социальных и религиозных феноменов; проблемы изучения, интерпретации и перевода священных текстов, анализа источников и документов; вопросы изучения религиозных традиций и роли религиозных организаций в развитии обществ. Особое внимание уделялось теологическим аспектам, связанным с традиционными ценностями морали, права, искусства, образования, а религия и теология рассматривались как факторы формирования культуры и искусства.

Предлагалось осмыслить роль теологии в решении проблем современного общества: ликвидации неравенства, противодействия терроризму, укрепления семьи,

цифровизации и др. Особое внимание необходимо было уделить диалогу науки и религии (включая такие проблемы, как происхождение Вселенной и человека, особенности эволюции живого, статус антропного принципа и др.).

На конкурс поступили 254 заявки (проекта) от учёных из академических учреждений, высшей школы, иных светских и духовных организаций, которые представляли многие регионы России. В результате тщательной экспертизы, осуществлявшейся ведущими учёными (теологами, религиоведами, философами, культурологами, искусствоведами, психологами, представителями естественных и математических наук), были отобраны лучшие проекты.

Для оценки поступивших заявок и для того, чтобы экспертиза была объективной и прозрачной, а грантов удостоились действительно лучшие проекты, нацеленные на исследование наиболее важных проблем теологии, состав экспертов философской секции РФФИ был дополнен докторами наук, специализирующимися на изучении религиозных традиций и конфессиональных направлений теологии. Экспертизу каждой заявки проводили два специалиста, а если какой-либо проект эксперты оценивали неоднозначно, привлекались другие эксперты. Окончательное решение после внимательного изучения выносил экспертный совет. В состав этого совета входили специалисты — доктора технических и социально-гуманитарных наук¹. По итогам конкурсного отбора поддержку получили 58 проектов, т.е. 23% от числа поданных заявок. Две трети проектов, которые получили грантовую поддержку, были оценены очень высоко (42% получили высшую, 24% — высокую оценку) (ил. 1).

Большинство поддержанных проектов было посвящено историческим, искусствоведческим, филологическим, аксиологическим проблемам. Авторские коллективы изучали особенности религиозного дискурса в социальных сетях, взаимодействие

¹ В том числе такой известный теолог и философ, как Д.В. Шмонин (СПбГУ).

Ил. 1. Распределение отчётов по тематическим направлениям конкурса

Список организаций с наибольшим числом реализованных проектов

Всего поступило 58 отчётов от 43 организаций

Название организации	Число проектов
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»	7
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»	2
Образовательное частное учреждение высшего образования «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»	2
Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования «Московская духовная академия Русской Православной Церкви»	2
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"»	2
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»	2
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»	2
Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви	2
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт востоковедения Российской академии наук»	2
Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования Русской Православной Церкви «Общечерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия»	2

Ил. 2. Список организаций с наибольшим числом реализованных проектов

религии и цифрового общества, специфику поликонфессионального социума, миссионерскую деятельность Русской Православной Церкви, храмовое зодчество, содержание и задачи теологического об-

разования и т.д. Эти исследования охватывали не только православную конфессию, но и ислам и иудаизм. Важно подчеркнуть, что многие исследования носили междисциплинарный характер.

Ил. 3. Финансирование конкурсных проектов

Следует заметить, что значительную активность в составлении заявок проявили высшие учебные заведения Санкт-Петербурга. Не случайно среди победителей конкурса оказалось семь проектов из Санкт-Петербургского государственного университета, по два из Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, православного Свято-Тихоновского университета. Также получили грантовую поддержку учёные из Московской и Санкт-Петербургской духовных академий, Высшей школы экономики, Российского университета дружбы народов, Института востоковедения РАН, Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского и т.д. (ил. 2).

Средний размер гранта составил 1,6 млн рублей в год (ил. 3).

Не всё отечественное научное сообщество согласилось с признанием теологии научной дисциплиной, точнее полноценной отраслью гуманитарного знания. Многим представителям научного сообщества, воспитанным в советское время, смысл теологии остаётся непонятным. И это вполне естественно, ведь такого рода установка

довольно долго и успешно формировалась советской системой образования. Предубеждения относительно научного статуса теологии разделяют многие отечественные учёные. Однако, думается, что более молодые поколения скорее всего будут настроены менее категорично.

Мировой и российский опыт показывает, что теология как отрасль социогуманитарного знания успешно развивается во многих сегментах: от классических библеистики и патрологии до современных прикладных дисциплин, таких как теология культуры или теология образования. Важно понять, что это не отголосок средневековья, во все не попытка подменить исследования молитвенной практикой или изложением догматических принципов (вопросы веры остаются за границами науки, как, впрочем, и убеждения учёных, на которых нередко строится фундамент научных дисциплин). Это комплекс знаний и исследовательских стратегий, нацеленных на изучение природы человека, социальных и экономических процессов, нравственных устоев общества под определённым углом зрения, с ценностно-мировоззренческих позиций,

сформировавшихся в культуре и запечатлённых в религиозной (речь идёт о христианстве и, шире, об авраамических религиях) традиции и с точки зрения этой традиции. Наряду с философскими, историческими, культурологическими подходами теологические подходы приносят важную и отнюдь не лишнюю для науки и, вообще говоря, не противоречащую ей гуманитарную компоненту в осмысление событий социума и явлений жизни многих верующих людей.

Настоящий номер журнала «Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки» представляет статьи, которые выполнены в контексте проведённого конкурса по теологии. Они показывают уровень и некоторые направления отечественных исследований в области теологии. Можно надеяться, что выход в свет специального выпуска «Вестника» будет способствовать дальнейшему развитию теологических исследований в нашей стране.

Theology in the Russian Foundation for Basic Research (Historical Background and Practice of Implementing Grant Projects)

Valentin Aleksandrovich Bazhanov – Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy at Ulyanovsk State University, Deputy Chairman, Coordinator of the Theology Section of the Expert Council on Philosophy, Sociology, Political Science, Law and Science Studies of the Russian Centre for Science information.

E-mail: vbazhanov@yandex.ru

The article examines issues related to the development of religious philosophy in Russia, as well as the development of theology in the 21st century as a scientific branch approved by the Higher Attestation Commission. The author focuses on the competition of projects on theology announced by the Russian Foundation for Basic Research in 2021, on the growing role of theology in the field of humanitarian knowledge, the content and areas of supported research and its results.

Keywords: theology, Higher Attestation Commission, Russian Foundation for Basic Research, project competition, philosophy, religious studies, social and humanitarian knowledge

Индекс УДК 2+322
Код ГРНТИ 21.41.61
DOI: 10.22204/2587-8956-2025-121-02-25-36

**Н.М. КРОПАЧЕВ,
А.В. ТРЕТЬЯКОВ,
А.А. СОЛОВЬЁВ,
Д.В. ШМОНИН***

Ценностно-правовые аспекты развития государственно-конфессиональных отношений, теологии и религиозного образования: к 30-летию работы Совета при Президенте Российской Федерации по взаимодействию с религиозными объединениями**

Важным направлением политики Российской Федерации в сфере государственно-конфессиональных отношений является гармонизация отношений между религиозными традициями, осуществляющими служение в нашей стране на протяжении её многовековой истории, и полноценным участием религиозных организаций в жизни общества и государства. Одним из органов, координирующих эту деятельность, является созданный в структуре Администрации Президента страны консультативный орган – Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации. В статье рассматривается деятельность этого органа, который в последние годы играет роль площадки для выработки важных решений, связанных с ценностно-мировоззренческой составляющей документов стратегического планирования Российской Федерации, к числу которых относится Указ Президента России

* **Кропачев Николай Михайлович** — доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), член Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации.

E-mail: n.kropachev@spbu.ru

Третьяков Андрей Валентинович — кандидат философских наук, референт Управления Президента Российской Федерации по внутренней политике, ответственный секретарь Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации.

E-mail: tretyakov_av@gov.ru

Соловьёв Александр Александрович — первый заместитель по правовым вопросам проректора – руководителя Аппарата ректора СПбГУ.

E-mail: a.soloviev@spbu.ru

Шмонин Дмитрий Викторович — доктор философских наук, директор Института теологии СПбГУ, заместитель координатора секции «Теология» Экспертного совета по философии, социологии, политологии, правоведению и науковедению РЦНИ, председатель Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России по теологии.

E-mail: d.shmonin@spbu.ru

** Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 125040204733-3.

Тексты нормативных актов в настоящей статье приводятся по данным информационной системы КонсультантПлюс (дата обращения: 08.04.2025).

от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Именно рекомендация Совета по взаимодействию с религиозными объединениями сделала возможным включение в конце 2019 г. теологии в научный классификатор Российского фонда фундаментальных исследований, что послужило основанием проведения тематического конкурса РФФИ.

Ключевые слова: Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации, конфессии, межрелигиозный диалог, традиционные ценности, общероссийская гражданская идентичность, теология, религиозное образование, духовно-нравственное воспитание

От Совета по делам религий — к Совету по взаимодействию с религиозными объединениями

В 2025 г. Совету по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации исполняется 30 лет. Он был создан по инициативе представителей ряда религиозных объединений распоряжением Первого Президента России Б.Н. Ельцина от 24.04.1995 № 195-рп и был призван выполнять в первую очередь консультативную, а не управленческую функцию [1]. Именно в этом заключалось его принципиальное отличие от Советов по делам религий, которые действовали во второй половине XX в. при Совете министров СССР и при Совете министров РСФСР [5–7].

В начале 1990-х гг. шаги по реформированию системы советов по делам религий с учётом новых социальных реалий также предпринимались. Но в своём изменённом статусе даже и общесоюзный Совет по делам религий практически не успел поработать, поскольку новое Положение о Совете по делам религий при Кабинете Министров СССР было утверждено только Постановлением Кабинета Министров СССР от 26.04.1991 № 209, а до уровня отдельных республик (включая и РСФСР) реформа вообще не успела дойти.

При этом и после реформы статус Совета по делам религий существенно отличался от Совета по взаимодействию с религи-

озными объединениями при Президенте России. Согласно п. 1 вышеназванного Положения о Совете по делам религий при Кабинете Министров СССР 1991 г., «Совет по делам религий при Кабинете Министров СССР является государственным органом СССР, образованным в соответствии с Законом СССР “О свободе совести и религиозных организациях”» для реализации требований этого Закона и обеспечения совместно с республиками права граждан на свободу совести, их равноправия независимо от отношения к религии, равенства всех религий и вероисповеданий перед законом, соблюдения принципов отделения церкви от государства и школы от церкви, а также укрепления взаимопонимания и терпимости между религиозными организациями различных вероисповеданий внутри страны и за границей. При решении этих задач Совет по делам религий при Кабинете Министров СССР выполняет функции информационного, консультативного и экспертного центра. Указанные задачи Советом по делам религий осуществляются в необходимых случаях при участии общественных объединений».

Таким образом, участие религиозных объединений в работе этого Совета допускалось, но не являлось обязательным – в этом можно видеть сохранение прежнего атеистического отношения государственных органов к роли и функциям Совета

и в целом к положению религиозных объединений в России, за которыми всё ещё не признавалась роль значимых партнёров в реализации государственной политики. Кроме того, несмотря на заявленный статус экспертно-консультативного органа, на Совет в 1991 г. всё ещё возлагались отдельные административно-управленческие функции. В частности, п. 3 Положения о Совете по делам религий при Кабинете Министров СССР 1991 г. наделял Совет, в том числе, следующими полномочиями: «ведёт и публикует Реестр религиозных организаций СССР»; «представляет Кабинет Министров СССР по его поручению во взаимоотношениях с религиозными организациями, а также в связях с учреждениями за границей, аналогичными государственному органу СССР по делам религий».

В период с 1991 по 1995 г. никаких специализированных органов в сфере отношений государства и религиозных объединений не существовало. Предмет деятельности, задачи и организационные особенности работы [1, 6, 9] созданного в 1995 г. в соответствии с распоряжением Президента России от 24.04.1995 № 195-рп Совета при Президенте Российской Федерации по взаимодействию с религиозными объединениями (далее – Совет) были определены Положением о Совете, первая редакция которого утверждена распоряжением Президента РФ от 02.08.1995 № 357-рп. Этим же распоряжением был определён и первый состав Совета.

В целях повышения духовной культуры общества

Отметим, что согласно п. 1 Положения о Совете «Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации (далее именуется – Совет) является консультативным органом, осуществляющим предварительное рассмотрение вопросов и подготовку предложений для Президента Российской Федерации, касающихся взаимодействия Президента Российской Федерации с религиозными объединениями и повышения

духовной культуры общества» (распоряжение Президента России от 02.08.1995 № 357-рп). Важно отметить, что уже на самой первой стадии его формирования и деятельности Совет создавался не только ради обеспечения сугубо организационного взаимодействия между руководителем государства и церковными учреждениями, но и ради достижения более глобальной цели – «повышения духовной культуры общества», в чём заключалось его принципиальное отличие от подобных коллегиальных органов советской эпохи. Тем не менее в первый состав Совета помимо двух представителей Президента РФ вошли исключительно представители различных религиозных организаций (христианских, мусульманских, буддистских и еврейских).

Впрочем, это в полной мере соответствовало функциям Совета, которые были определены в п. 3 Положения о Совете: «обеспечение взаимодействия Президента Российской Федерации с религиозными объединениями; участие в разработке современной концепции взаимоотношений государства и религиозных объединений» (распоряжение Президента России от 02.08.1995 № 357-рп).

Вышеуказанные функции более детально раскрывались в перечне задач, которые был призван решать Совет согласно п. 4 Положения о Совете в первоначальной редакции: «представляет Президенту Российской Федерации аналитические материалы и доклады, рекомендации по вопросам политики Президента Российской Федерации в области взаимоотношений государства и религиозных объединений; информирует Президента Российской Федерации о позиции религиозных объединений по вопросам внутренней и внешней политики государства; обсуждает проекты нормативных актов, затрагивающих отношения между государством и религиозными объединениями; изучает проблемы, связанные с поддержанием межконфессионального диалога, достижением взаимной терпимости и уважения в отношениях между

представителями различных вероисповеданий; анализирует зарубежное законодательство и практику взаимоотношений между государством и религиозными объединениями, поддерживает контакты с соответствующими структурами иностранных государств; публикует справочные и информационно-аналитические материалы по вопросам, входящим в компетенцию Совета» (распоряжение Президента РФ от 02.08.1995 № 357-рп). Как можно видеть, и в этом перечне нет ничего, что относилось бы к повышению уровня духовной культуры общества в целом.

В последующие шесть лет Положение о Совете не претерпевало никаких изменений, кроме лишения Совета права самостоятельно избирать своего председателя, что случилось практически сразу после начала деятельности данного органа – распоряжением Президента России от 04.03.1996 № 104-рп. Однако состав Совета менялся за это время неоднократно. Среди наиболее значимых изменений можно назвать включение в его состав распоряжением Президента России от 04.03.1996 № 104-рп представителей целого ряда ключевых федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации (Министерства иностранных дел, Министерства финансов, Министерства культуры, Министерства юстиции, Министерства образования, Государственного комитета по высшему образованию, Государственного комитета по печати, Государственной налоговой службы, Федеральной миграционной службы), а также глав некоторых субъектов Российской Федерации (Республики Калмыкия, Республики Башкортостан и Новгородской области). Это значительно повысило статус Совета и его роль в решении вопросов координации текущей деятельности государственных и церковных институтов.

Вскоре распоряжением Президента России от 13.10.1996 № 505-рп в состав Совета был включён и представитель Комитета Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций, поскольку изначально п. 10

Положения о Совете предусматривал, что «Совет взаимодействует с соответствующими комитетами палат Федерального Собрания и Комиссией по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации» (распоряжение Президента России от 02.08.1995 № 357-рп); представитель аналогичной структуры в Совете Федерации Федерального Собрания в состав Совета не входил, поскольку её на тот момент ещё не существовало – она была создана только через 10 лет после начала работы Совета постановлением Совета Федерации от 28.10.2015 № 418-СФ.

В дальнейшем состав Совета неоднократно менялся, но общие принципы его формирования оставались неизменными вплоть до 2001 г., когда распоряжением Президента РФ от 17.03.2001 № 133-рп из состава Совета были исключены представители федеральных органов исполнительной власти (помимо сотрудников Администрации Президента России и Аппарата Правительства страны), а при этом были включены лица, формально не относящиеся к числу прямо заинтересованных участников взаимодействия государства и религиозных организаций, – работники научных и образовательных организаций: ведущий эксперт Научно-исследовательского института социальных систем Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова А.А. Игнатенко, директор исследовательского центра «Религия в современном обществе» Российского независимого института социальных и национальных проблем М.П. Мчедлов, заведующий кафедрой религиоведения Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации Н.А. Трофимчук и заведующий кафедрой философии религии и религиоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова И.Н. Яблоков. Этот подход к формированию состава Совета сохраняется и до настоящего времени (см. распоряжение Президента России от 07.02.2004 № 47-рп с последующими изменениями

и дополнениями, которые по состоянию на 21.03.2025 вносились 21 раз).

Тем же распоряжением Президента страны от 17.03.2001 № 133-рп были внесены и первые существенные изменения в Положение о Совете. Вместо частной функции по «участию в разработке современной концепции взаимоотношений государства и религиозных объединений» появилась гораздо более общая (что, вероятно, и обусловило качественное изменение состава Совета): «содействие укреплению общественного согласия, достижению взаимопонимания, терпимости и взаимного уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания» (пп. «а» п. 1 распоряжения Президента РФ от 17.03.2001 № 133-рп), что было направлено на повышение авторитета Совета, его роли в обществе и наконец затронуло вторую из заявленных в п. 1 Положения о Совете целей создания данного органа.

Из значимых изменений процедур функционирования Совета в 2001 г. можно назвать переход от принципа единогласия по всем содержательным вопросам к принципу квалифицированного большинства при принятии решений: в новой редакции п. 9 Положения о Совете «Решения Совета принимаются не менее чем двумя третями голосов членов Совета, присутствующих на заседании» (пп. «г» п. 1 распоряжения Президента России от 17.03.2001 № 133-рп).

Кроме того, Совет был наделён правом свободно формировать различные рабочие органы: «Совет для подготовки заседаний и проведения экспертных и аналитических работ может образовывать рабочие группы» (п. 11 Положения о Совете в редакции пп. «е» п. 1 распоряжения Президента РФ от 17.03.2001 № 133-рп) (ранее было предусмотрено создание только «согласительных рабочих групп»).

Последним на сегодняшний день документом, который внёс существенные изменения в Положение о Совете, стало распоряжение Президента страны от 28.06.2010 № 422-рп, которым были дополнительно урегулированы некоторые вопросы орга-

низации функционирования Совета с учётом накопленной практики:

- 1) пп. «а» п. 1 указанного распоряжения предусмотрено, что «Заседания Совета проводятся в г. Москве. По решению председателя Совета могут проводиться выездные заседания Совета»;
 - 2) пп. «б» п. 1 указанного распоряжения введена практика заочного голосования по некоторым вопросам: «При принятии решений по организационным вопросам деятельности Совета возможно голосование членов Совета с использованием опросных листов»;
 - 3) пп. «в» п. 1 указанного распоряжения разрешено включать в состав рабочих групп Совета лиц, не являющихся его членами: «Совет в соответствии с возложенными на него основными задачами может создавать из числа членов Совета, а также из числа представителей государственных органов и общественных организаций, не входящих в состав Совета, рабочие группы (комиссии) и определять направления их деятельности. Руководство деятельностью таких рабочих групп (комиссий) осуществляют члены Совета»;
 - 4) пп. «г» п. 1 распоряжения определены правила документооборота: «Совет имеет бланк со своим наименованием. При ведении переписки, связанной с деятельностью Совета, письма подписываются председателем Совета, его заместителем или ответственным секретарём Совета».
- Исходя из оценки содержания Положения о Совете и динамики его изменений, как и динамики изменений состава Совета, с учётом принятия указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», представляется необходимым дальнейшее расширение состава и функций Совета в целях обеспечения второй цели создания данного органа – «повышение духовной культуры общества». Эта цель, несмотря на все изменения форму-

лировок Положения о Совете, до сих пор не нашла своего достаточно полного выражения в перечне функций и задач Совета, хотя является гораздо более значимой, чем решение различных вопросов «государственно-частного партнёрства», осуществляемого с участием религиозных организаций, а также проблем взаимоотношений церквей и их отдельных представителей друг с другом.

Во имя согласия. Структура, руководство и совершенствование работы Совета

Что касается внутренней структуры и организации работы Совета, то за прошедшее с момента создания время при нём были созданы рабочие органы, обеспечивающие постоянную работу в различных сферах государственно-религиозного взаимодействия и существенно расширившие круг экспертов и других заинтересованных лиц, вовлечённых в решение стоящих перед Советом задач. В числе органов Совета сегодня четыре комиссии, шесть рабочих групп, три временных рабочих группы.

Отметим, что на деятельность Совета по развитию государственно-конфессиональных отношений в современной России оказал влияние целый ряд государственных деятелей, которые в разные годы выполняли обязанности его председателя и ответственного секретаря. Среди них – заместитель Председателя Совета Безопасности РФ Д.А. Медведев, директор Службы внешней разведки С.Е. Нарышкин, специальный представитель Президента России по вопросам природоохранной деятельности, экологии и транспорта С.Б. Иванов, мэр Москвы С.С. Собянин, председатель Комитета Государственной Думы по контролю О.В. Морозов, ректор Российского государственного гуманитарного университета А.В. Логинов.

В числе членов Совета были Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, заместитель Председателя Государственной Думы Ш.В. Кара-оол, а также другие известные

религиозные лидеры, представители органов власти, научного сообщества. Сегодня члены Совета – руководители и ключевые представители крупнейших религиозных организаций Российской Федерации, ведущие эксперты и учёные.

При содействии Совета был принят Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», ключевым образом определяющий регулирование положения религиозных объединений в Российской Федерации. Продуманная политика государственно-религиозных отношений в России, координируемая Советом, привела к качественному и количественному росту и развитию религиозных организаций. В 2004 г. по инициативе Совета и его членов в календарь был введён один из главных государственных праздников России – День народного единства. Идея была поддержана Государственной Думой, и Федеральным законом от 29 декабря 2004 г. № 201-ФЗ «О внесении изменений в статью 112 Трудового кодекса Российской Федерации» 4 ноября было установлено как праздничный выходной день.

В 2020 г. важным результатом работы Совета стала выработка решений по обеспечению соблюдения законодательства о свободе совести в период реализации мер по противодействию новой коронавирусной инфекции [9].

При координирующей роли Совета религиозные организации России с 2022 г. по настоящее время организовали сбор и направление гуманитарной помощи общинам, беженцам и пострадавшим в ходе специальной военной операции (ил. 1).

Благодаря работе Совета обеспечивается сотрудничество органов государственной власти с религиозными организациями по реализации документов стратегического планирования. Активная работа ведётся по реализации упомянутых выше Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В рамках работы по данному направ-

Ил. 1. Выездное заседание Комиссии по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики Совета. Март 2025 г. Санкт-Петербургский государственный университет

лению создана рабочая группа, а также принято решение о создании Международной ассоциации по защите традиционных ценностей, которая станет основой для объединения с иностранными государствами, разделяющими идеалы традиционных ценностей.

Также Совет начал работу по совершенствованию нормативно-правовой базы в соответствии с упомянутыми выше Основами при содействии консорциума вузов, включающего, в частности, Санкт-Петербургский государственный университет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российскую академию народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

За время работы Совета при участии его членов были приняты решения, способствующие урегулированию различных кризисных ситуаций. Совет содействует развитию законодательства и правоприменительной практики, направленных против оскорбления чувств верующих, осквернения предметов религиозного почитания, мест религиозных обрядов и церемоний. Также Совет проводит совместную работу с МИД России и Россотрудничеством по защите прав верующих от дискриминации и ксенофобии [8, 10].

Высокой оценки заслуживает совместный труд религиозных организаций и органов государственной власти в области гуманитарной, благотворительной и социальной помощи беженцам и пострадавшим в ходе специальной военной операции мирным жителям Донецкой и Луганской народных республик, Херсонской и Запорожской областей, а также в деле восстановления объектов религиозной инфраструктуры на указанных территориях. Также благодаря совместной работе Совета и его членов с Минюстом России был ускорен процесс перерегистрации религиозных организаций новых субъектов Российской Федерации.

Благодаря сотрудничеству с религиозными организациями в рамках Совета повышается уровень вовлечённости граждан в общественно-политическую повестку: представители религиозных организаций разъясняют важность участия в президентских выборах в Российской Федерации, а также занимают активную позицию по поводу участия в переписи населения.

Работа Совета способствовала формированию на всех уровнях публичной власти единой системы комиссий по вопросам, возникающим при рассмотрении заявлений религиозных организаций о передаче имущества религиозного назначения. Благодаря распространению положительного опы-

та работы по данному вопросу в Москве в других субъектах РФ также разрешаются спорные ситуации, связанные с передачей имущества религиозного назначения религиозным организациям [10].

Заметим, что в процессе развития Совета его роль менялась подчас довольно существенно. Например, в первоначальной редакции Положения о Совете в перечень его задач входила такая: «информирует Президента Российской Федерации о позиции религиозных объединений по вопросам внутренней и внешней политики государства» (распоряжение Президента РФ от 02.08.1995 № 357-рп). Эта широкая по своему содержанию формулировка позволяла представителям централизованных религиозных организаций высказываться по вопросам, которые, казалось бы, не имеют прямого отношения к их деятельности, давала определённую возможность использования голоса Русской Православной Церкви, других традиционных религий России при обсуждении ключевых вопросов международной повестки, а также вопросов внутривластного плана. Однако в 2001 г. эта норма Положения о Совете (третий абзац пункта 4) распоряжением Президента РФ от 17.03.2001 № 133-рп была признана утратившей силу.

Кроме того, ранее действовавшая формулировка другой задачи Совета «обсуждает проекты нормативных актов, затрагивающих отношения между государством и религиозными объединениями» (распоряжение Президента РФ от 02.08.1995 № 357-рп) была заменена в 2001 г. на более корректно поставленную задачу: «обсуждает проекты федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, затрагивающие взаимоотношения государства и религиозных объединений, и готовит соответствующие предложения Президенту Российской Федерации», в которой чётко определены предмет и результат соответствующего обсуждения (пп. «б» п. 1 распоряжения Президента РФ от 17.03.2001 № 133-рп).

Деятельность Совета в сфере теологии, религиозного и духовно-нравственного образования

С учётом тематики данного номера журнала «Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки» нельзя не отметить, что Высшая аттестационная комиссия признала теологию научной дисциплиной. В 2021 г. Министерство науки и высшего образования утвердило номенклатуру научных специальностей, по которым присуждаются учёные степени — в группу научных специальностей 5.11 «Теология» включены теоретическая теология, историческая теология, практическая теология по исследовательским направлениям «православие», «ислам», «иудаизм», «протестантизм», а также «буддизм» к каждой специальности.

Также по инициативе Совета была создана Научно-образовательная теологическая ассоциация, которая объединила крупнейшие вузы и духовные образовательные организации в целях развития теологии как отрасли науки [11].

При содействии Совета, Министерства просвещения РФ и религиозных организаций получили развитие такие школьные дисциплины, как «Основы религиозных культур и светской этики» и «Основы духовно-нравственной культуры народов России». В рамках системы высшего образования при содействии Минобрнауки России были разработаны и внедрены такие дисциплины, как «История религий России» и «Основы российской идентичности» при предварительной переподготовке профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений.

В рамках работы Совета религиозные организации также выступают партнёрами в решении социальных задач. Религиозные организации в сотрудничестве с Советом вносят большой вклад в адаптацию мигрантов. Территориальными органами МВД России заключены соглашения с религиозными организациями в сфере интеграции мигрантов, некоторые религиозные организации также открывают для мигрантов специальные учебные курсы [8].

Ил. 2. Заседание Рабочей группы по реализации Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Апрель 2025 г.

При поддержке и одобрении Совета религиозные организации России проводят работу с осуждёнными — она касается как социального служения в местах лишения свободы, так и интеграции в общество вышедших из заключения.

При поддержке Совета реализуются масштабные мероприятия, в которых принимают участие члены Совета и представляемые ими религиозные организации, такие как Форум «Религия и мир», Форум российской идентичности, Международный межрелигиозный молодёжный форум).

Только в 2024 г. в комплексе мероприятий Международного межрелигиозного молодёжного форума, прошедшего при поддержке Координационного совета при Минобрнауки России по вопросам формирования у молодёжи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, приняли участие более 20 тысяч студентов, преподавателей, представителей религиозных организаций и органов власти, научного и экспертного сообщества. На площадках данных мероприятий укрепляются межрелигиозный диалог, взаимодействие религиозных организаций между собой и с государством, общее сотрудничество на благо России.

В том числе благодаря работе Совета религиозные организации активно участвуют в мероприятиях федеральных органов исполнительной власти (ил. 2).

По решению Совета в ежегодном формате реализуется проект «100 дат российской идентичности», посвящённый ключевым датам и событиям российской истории, к которым каждый год приурочены соответствующие мероприятия.

Совет неизменно оказывает поддержку частным инициативам представителей религиозных организаций по проведению крупных мероприятий – Международного буддистского и Международного старобрядческого форумов, «Национальной духовной трапезы», объединяющей христианские общины России, представителей государственных органов, экспертное сообщество и т.д.

30-летний опыт работы Совета способствовал гармонизации межрелигиозных отношений, развитию государственно-религиозного сотрудничества, а также совместному разрешению проблемных вопросов и общих задач [9, 12].

Следует особо отметить, что в последние годы деятельность Совета приобрела более активный и по-настоящему комплексный характер благодаря как ранее созданным, так и вновь учреждённым рабочим органам. Напомним, что рабочие органы Совета

включают Комиссию по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики; Комиссию по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений; Комиссию по международному сотрудничеству; Комиссию по развитию теологического, религиозного и духовно-нравственного образования; Межрелигиозную рабочую группу по защите прав верующих от дискриминации и ксенофобии; Межведомственную рабочую группу по созданию и деятельности Международной ассоциации по защите традиционных ценностей; Рабочую группу по контактам и сотрудничеству с Китайской Народной Республикой в религиозной сфере; Рабочую группу по реализации Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей; Рабочую группу по взаимодействию со СМИ; Рабочую группу по взаимодействию с молодёжью.

На площадке Совета действуют временные рабочие группы, созданные для решения актуальных проблем: Временная рабочая группа по развитию института воинских и флотских священнослужителей; Временная рабочая группа по экспертизе учебных и методических материалов о истории религий России и смежным темам; Временная рабочая группа по вопросам признания документов о высшем профессиональном религиозном образовании, богословских степеней и учёных званий.

Развитие государственно-конфессиональных отношений, усиление включённости, как это предусмотрено Основами государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, традиционных религий России, вносит безусловный вклад в укрепление общероссийской гражданской идентичности. Эта работа не может не затрагивать сферу образования и социально-гуманитарного знания [2, 5], теологии как отрасли социально-гуманитарного знания, её роли в воспитательной работе и молодёжной политике. Ключевую роль здесь играет поддержка научных исследований по теологии со стороны профильных федеральных органов исполнительной власти, российских фондов и программ, субсидирующих научную деятельность университетов, научных организаций и конфессиональных вузов, в том числе на конкурсной основе. Напомним, что именно по инициативе и при поддержке Совета в классификаторы Российского научного фонда, Российского фонда фундаментальных исследований (ныне – Российский центр научной информации) было включено исследовательское направление «Теология».

В заключение отметим, что Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации является важным элементом осуществления властных полномочий и выработки эффективных решений в одной из важнейших сфер жизни государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аймалетдинов А.А. Государственно-конфессиональные отношения: проблема терминологии и классификации основных моделей // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 2 (66). С. 310–320.
2. Васильева О.Ю., Басюк В.С., Казакова Е.И. Традиционные ценности современного российского педагогического образования // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2022. Т. 20. № 4. С. 4–17.
3. Кисляков П.А., Шмелёва Е.А., Сергеев С.Е. Государство и церковь как регуляторы просоциального поведения россиян: институциональный анализ // Вестник славянских культур. 2022. Т. 63. С. 126–142. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-126-142>.
4. Кропачев Н.М., Шмонин Д.В. Ценности в образовании и современный университет. Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология, 2023. № 39 (2). С. 208–223. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.20>.

5. Мартынов Б.С. Деятельность Совета по делам религий при Совете Министров СССР в 1965–1985 гг.: «Политика сдерживания» // История государства и права. 2010. № 1. С. 34–37.
6. Михайлова А.В. Государственно-конфессиональные отношения: политологический анализ понятия // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 4 (142). С. 17–33.
7. Осипова В.В. Государственно-конфессиональные отношения перестроечного периода: формирование предпосылок российской религиозной политики // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 8. С. 104–116.
8. Пашенцев Д.А. Роль религии в формировании российской правовой традиции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 6 (293).
9. Почта Ю.М. Государственно-конфессиональные отношения в России в условиях пандемии: вызовы и ответы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 559–578.
10. Старостенков Н.В., Ляпунова Н.В., Погосян Л.В. Государственно-конфессиональные отношения в Российской Федерации в конце 80-х годов XX – начале XXI в. // Социальная политика и социология. 2016. Т. 15. № 4 (117). С. 153–160.
11. Теология и образование. Ежегодник Научно-образовательной теологической ассоциации. 2018. М.: МИФИ, 2018.
12. Третьяков А.В. Государственно-религиозные отношения в кризисных ситуациях: поддержка специальной военной операции российскими религиозными организациями // Вопросы теологии. 2024. Т. 6. № 2. С. 301–316. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2024.208>.

**Value-Based and Legal Aspects of Development
of State & Confessions Relations, Theology, and Religious Education:
on the 30th Anniversary of the Council for Coordination
with Religious Organizations under the President of the Russian Federation**

Nikolay Mikhailovich Kropachev – Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Rector of St. Petersburg State University (SPbSU), member of the Council for Coordination with Religious Organizations under the President of the Russian Federation.

E-mail: n.kropachev@spbu.ru

Andrey Valentinovich Tretyakov – Candidate of Science (Philosophy), referent of the Presidential Administration of the Russian Federation for domestic policy, executive secretary of the Council for Coordination with Religious Organizations under the President of the Russian Federation.

E-mail: tretyakov_av@gov.ru

Aleksandr Aleksandrovich Solovyov – First Deputy for Legal Affairs of the Vice-Rector – Head of the Rector's Office of St. Petersburg State University.

E-mail: a.soloviev@spbu.ru

Dmitry Viktorovich Shmonin – Doctor of Philosophy, Director of the Institute of Theology of St. Petersburg State University, Deputy Coordinator of the Theology Section of the Expert Council on Philosophy, Sociology, Political Science, Law and Science Studies of the Russian Centre for Science information, Chairman of the Expert Council of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia on Theology.

E-mail: d.shmonin@spbu.ru

An important area of the policy of the Russian Federation on relations between the state and confessions is coordinating different religious traditions exercised in the country throughout its centuries-long history, and ensuring full participation of religious organizations in the life of society and the state. One of the coordinating bodies is the advisory body established under the Presidential Administration – Council for Coordination with Religious Organizations

under the President of the Russian Federation. The article examines the work of this body, which in recent years has served as a forum for developing important decisions related to the value-ideological aspect of the strategic planning documents of the Russian Federation; these include the Decree of the Russian President dated November 9, 2022 No. 809 "On Approval of Fundamentals of State Policy for Preservation and Fostering Traditional Russian Spiritual and Moral Values".

At the Council's recommendation, theology was listed on the scientific classifier of the Russian Foundation for Basic Research at the end of 2019, which then provided an opportunity to hold a profile competition at the RFBR.

Keywords: Council for Coordination with Religious Organizations under the President of the Russian Federation, confessions, interreligious dialogue, traditional values, all-Russian civil identity, theology, religious education, spiritual and moral education

REFERENCES

1. Aimaletdinov A.A. Gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya: problema terminologii i klassifikatsii osnovnykh modelei // Voprosy politologii. 2021. T. 11. № 2 (66). S. 310–320 (in Russian).
2. Vasil'eva O.Yu., Basyuk V.S., Kazakova E.I. Traditsionnye tsennosti sovremennogo rossiiskogo pedagogicheskogo obrazovaniya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20: Pedagogicheskoe obrazovanie. 2022. T. 20. № 4. S. 4–17 (in Russian).
3. Kislyakov P.A., Shmelyova E.A., Sergeev S.E. Gosudarstvo i tserkov' kak regulatory prosotsial'nogo povedeniya rossiyan: institutsional'nyi analiz // Vestnik slavyanskikh kul'tur. 2022. T. 63. S. 126–142. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-126-142> (in Russian).
4. Kropachev N.M., Shmonin D.V. Tsennosti v obrazovanii i sovremennyi universitet. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya, 2023. № 39 (2). S. 208–223. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.20> (in Russian).
5. Martynov B.S. Deyatel'nost' Soveta po delam religii pri Sovete Ministrov SSSR v 1965–1985 gg.: «Politika sderzhivaniya» // Istoriya gosudarstva i prava. 2010. № 1. S. 34–37 (in Russian).
6. Mikhailova A.V. Gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya: politologicheskii analiz ponyatiya // Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura. 2020. № 4 (142). S. 17–33 (in Russian).
7. Osipova V.V. Gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya perestrochnogo perioda: formirovanie predposylok rossiiskoi religioznoi politiki // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2020. T. 19. № 8. S. 104–116 (in Russian).
8. Pashentsev D.A. Rol' religii v formirovanii rossiiskoi pravovoi traditsii // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie. 2010. № 6 (293) (in Russian).
9. Pochta Yu.M. Gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya v Rossii v usloviyakh pandemii: vyzovy i otvety // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2020. T. 22. № 4. S. 559–578 (in Russian).
10. Starostenkov N.V., Lyapunova N.V., Pogosyan L.V. Gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii v kontse 80-kh godov XX — nachale XXI v. // Sotsial'naya politika i sotsiologiya. 2016. T. 15. № 4 (117). S. 153–160 (in Russian).
11. Teologiya i obrazovanie. Ezhegodnik Nauchno-obrazovatel'noi teologicheskoi assotsiatsii. 2018. M.: MIFI, 2018 (in Russian).
12. Tret'yakov A.V. Gosudarstvenno-religioznye otnosheniya v krizisnykh situatsiyakh: podderzhka spetsial'noi voennoi operatsii rossiiskimi religioznymi organizatsiyami // Voprosy teologii. 2024. T. 6. № 2. S. 301–316. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2024.208> (in Russian).

ТЕОЛОГИЯ, ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ: АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Индекс УДК 214, 215, 316.4, 141.4
Код ГРНТИ 21.31.35, 21.31.55, 02.41.31, 02.41.41
DOI: 10.22204/2587-8956-2025-121-02-37-47

**Е.И. АРИНИН,
Н.М. МАРКОВА,
М.С. ЛЮТАЕВА,
Ю.А. СИБИРЦЕВА,
Т.А. КИЛЬДЯШОВА,
В.В. ГОЛЕНКО***

Проект «Теология (богословие) и религиоведение в России: между медиа и диалогом экспертов»: опыт и перспективы

Проект «Теология (богословие) и религиоведение в России: между медиа и диалогом экспертов» описывает ряд аспектов проблематики сотрудничества экспертов в областях теологии и религиоведения. Эта проблематика сегодня предельно актуальна, поскольку развивает отечественную академическую традицию диалога так называемого

* **Аринин Евгений Игоревич** — доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (ВлГУ), руководитель проекта «Теология (богословие) и религиоведение в России: между медиа и диалогом экспертов» (21-011-44195).

E-mail: eiarinin@mail.ru

Маркова Наталья Михайловна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, исполнитель того же проекта.

E-mail: natmarkova@list.ru

Лютаева Мария Сергеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, исполнитель того же проекта.

E-mail: liutaeva@yandex.ru

Сибирцева Юлия Александровна — кандидат философских наук, заведующая кафедрой культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, исполнитель того же проекта.

E-mail: yu.sibirtseva@narfu.ru

Кильдяшова Татьяна Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, исполнитель того же проекта.

E-mail: t.kildyashova@narfu.ru

Голенко Владимир Владимирович — (архимандрит Афанасий, настоятель Свято-Георгиевского храма д. Расыльная Орловской митрополии) — соискатель кафедры философии и религиоведения ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, исполнитель того же проекта.

E-mail: volodimir.golenko@mail.ru

мых «верующих» и так называемых «неверующих» при исследовании типологических моделей символических описаний и интерпретаций «высшего порядка природы» (Цицерон), принимающих целый спектр форм от радикального конфликта до искреннего диалога в отечественных теологическом и религиоведческом дискурсах, восходя к трудам Платона, Аристотеля и Цицерона. Анализ представлен с позиций современного российского философского религиоведения и социальной философии, дистанцируя экспертный и медийный уровни их рассмотрения. Значимость таких исследований определяется комплексным анализом перспектив преодоления стереотипов «евроцентризма» и «конфессиоцентризма» в философско-религиоведческом дискурсе, включая показательный фактический материал данных социологии религии, полученных в ходе пилотного опроса студентов Архангельска и Владимира, показавшего светские и рациональные приоритеты у молодёжи. В процессе реализации проекта были опубликованы две статьи (Q1 Scopus, Q2 Scopus, WebofScience, RSCI); 12 статей в журналах перечня ВАК и 25 статей в изданиях перечня РИНЦ, включая сборники «Свеча–2021», «Свеча–2022» и монографию «Богословие, теология и религиоведение в России: медиа и диалог экспертов» (2023). Все они размещены на сайте кафедры философии и религиоведения ВлГУ «Академическое религиоведение» (<http://religion.vpti.vladimir.ru/>).

Ключевые слова: теология, богословие, философское религиоведение, социальная философия, Россия, медиа, диалог, эксперты

Проект на тему «Теология (богословие) и религиоведение в России: между медиа и диалогом экспертов» (21-011-44195), выполненный коллективом основных исполнителей из университетов Владимира и Архангельска в 2021–2022 гг., сумел привлечь к сотрудничеству коллег из других регионов и двух стран (Армении и Японии). Он стал этапом развития форм отечественной академической религиоведческой традиции исследований типологических моделей символических описаний и интерпретаций того, что Цицерон (ок. 80 г. до н.э., *De inventione*, О нахождении риторики) впервые в истории человечества определил как «*religio*», закрепив за этой латинской лексемой понятие о должном понимании и соответствующих практиках почтения к «высшему порядку природы, который называется божественным» [1, с. 278]. От него в латынь пришли термины «*Atheos*» и «*Theologia*», ставшие кальками древнегреческих слов «*ἄθεος*» и «*θεολογία*», фиксируемых, соответственно, начиная с эпохи Гомера и древних поэтов (первое), а второе – с текстов Платона.

В исследовании представлена попытка концептуализации отмеченных базовых понятий с позиций философского религиоведения и социальной философии в терминах кросскультурного и трансисторического категориального аппарата, анализом которого коллеги и члены коллектива занимаются с конца XX столетия. Россия в XX–XXI вв. знала три радикальные трансформации в описаниях религии, теологии, атеизма и религиоведения, принимавших целый спектр форм от непримиримого конфликта до искреннего диалога о «подлинном» в отечественных теологическом, богословском и религиоведческом дискурсах. В этом контексте соавторам проекта видится перспективной позиция А.В. Михайлова (1938–1995), который в конце XX в. отмечал, что «любая серьёзная философская мысль включает в себе теологические импликации, и потому она есть в известном смысле “богословие”» [2, с. 142].

Цель и задачи реализации проекта

Целью проекта стало междисциплинарное исследование феноменов теологии и религиоведения в России с позиций

философского религиоведения. Реализация этой цели заключалась в решении следующих задач:

- 1) изучение трёх базовых аспектов идентичности с теологией/религией и религиоведением/наукой с позиций их понимания как манифестаций бытия личности в мире, включающем «надзирание за границей с неизвестным» (Н. Луман), «солидарность снизу» (консолидацию в «нравственном сообществе» от «тотема» до «конфессии/церкви» Э. Дюркгейма) и «солидарность сверху» (гражданственно-политическую консолидацию в античном «*Paخ Deogum*» Ф. Сини, государственное вероисповедание «греко-российской церкви» Петра Великого, государственную атеистическую идеологию СССР или свободу совести и вероисповедания, согласно действующей Конституции 1993 г.);
- 2) исследование соотношения образов и концепций теологии и религиоведения (на материалах избранных «кейсов» из экспертных научных изданий и массмедиа) в периоды радикально трансформировавшейся политики российских властей на протяжении XX в. (1900–1917, 1918–1988, 1989–2021);
- 3) философско-религиоведческий анализ двойственной семантики термина «религиоведение» («наука о религии»), обозначающего/маркирующего, с одной стороны, (а) пейоративное «безбожие» («атеизм», «нечестие», «скверна», «кощунство», «дерзость» и т.п.) и, с другой – (б) беспристрастное неконфессиональное знание (знания) о религии (религиях);
- 4) философско-религиоведческий анализ двойственной семантики термина «теология», обозначающего как (а) профессиональную «науку страха божия», так и (б) энтузиазм радостного переживания приобщения к универсальной солидарности в «*Paخ Deogum*» (Божием мире, мирной гармонии с высшим порядком природы);
- 5) философско-религиоведческий и социально-философский анализ соотноси-

тельной семантики терминов «религиоведение» и «теология» в периоды радикальных трансформаций политики российских властей;

- 6) выявление (путём анкетирования) особенностей отношения к религиоведению и теологии у студентов в университетах Архангельска и Владимира;
- 7) философско-религиоведческий анализ результатов социологического исследования особенностей сохранения в культурной памяти студенческой молодёжи «семантических разломов» XX в.

Фактические (эксплицитные) результаты проекта

Проведён комплексный анализ перспектив преодоления стереотипов «евроцентризма» и «конфессиоцентризма» в философско-религиоведческом и социально-философском анализе, включая фактические результаты данных социологии религии, полученные в ходе пилотного опроса студентов (представлены в монографии «Богословие, теология и религиоведение в России: медиа и диалог экспертов» [3, С. 100–176]. За период выполнения исследований Е.И. Аринин и М.С. Лютаева получили удостоверения о повышении квалификации от Института философии РАН (Москва) по дополнительной профессиональной программе «Философская теология в интеркультурном пространстве» (ИФ РАН, Москва, 19.09.2022–06.02.1923). За два года были проведены межрегиональные семинары и международная конференция, привлечены к совместным публикациям коллеги из Армении (В.С. Мартirosян) [4, 65–79] и Японии (Такахаси Санами/Takahashi Sanami) [5, 159–171], ещё более 40 авторов, включая студентов и аспирантов, выступили и опубликовали свои материалы на безвозмездной основе в сборниках «Свеча–2021» (ил. 1) и «Свеча–2022» (ил. 2). Руководитель и основные исполнители проекта в 2021–2023 гг. подготовили более 20 докладов на 19 конференциях всероссийского и международного уровней.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

СВЕЧА – 2021

РЕЛИГИЯ, НАУКА И ТЕОЛОГИЯ: ВЫЗОВЫ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Сборник научных докладов

Под редакцией профессора Е. И. Аринина

Том 37

Владимир
Аркан
2021

УДК 2
ББК 86.2
Р36

Редакционная коллегия:

Е. И. Аринин доктор философских наук, профессор, ВлГУ
(ответственный редактор)
Н. М. Маркова кандидат философских наук, доцент, ВлГУ
(член редколлегии)
М. С. Лютаева ассистент, ВлГУ (член редколлегии)
О. В. Гарькина (ответственный секретарь редколлегии), ВлГУ

Издается по решению редакционно-издательского совета ВлГУ

Религия, наука и теология: вызовы и проблемы современности : сб. науч. докл. / под ред. проф. Е. И. Аринина ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Аркан, 2021. – Т. 37. – 472 с. – (Серия «Свеча – 2021»).
ISBN 978-5-93767-446-3

В сборник включены материалы международных конференций, где выступили гости и исполнители проектов, получивших поддержку РФФИ (19-011-00847, 20-511-00008 Бел. а, БРФФИ-РФФИ № Г20Р-211 и 21-011-44195), реализуемых во Владимирском государственном университете на базе кафедры философии и религиоведения Гуманитарного института. Доклады содержат результаты научных исследований проблем понимания религии и религиозности специалистами по философии, филологии, истории, социологии, психологии, культурологии и ряду других наук.

Материалы сборника представляют интерес для специалистов, работающих в указанных областях, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

УДК 2
ББК 86.2

ISBN 978-5-93767-446-3

© Коллектив авторов, 2021

Ил. 1. Титульный лист и оборот титула сборника «Свеча–2021»

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

СВЕЧА – 2022

РЕЛИГИЯ, НАУКА И ТЕОЛОГИЯ: ВЫЗОВЫ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Сборник научных докладов

Под редакцией профессора Е. И. Аринина

Том 38

Электронное издание

Владимир 2023

ISBN 978-5-9984-1634-7
© ВлГУ, 2023
© Коллектив авторов, 2023

УДК 2
ББК 86.2

Редакционная коллегия:

Е. И. Аринин доктор философских наук, профессор, ВлГУ
(ответственный редактор)
Н. М. Маркова кандидат философских наук, доцент, ВлГУ
(член редколлегии)
М. С. Лютаева старший преподаватель, ВлГУ (член редколлегии)
О. В. Гарькина (ответственный секретарь редколлегии), ВлГУ

Издается по решению редакционно-издательского совета ВлГУ

Религия, наука и теология: вызовы и проблемы современности [Электронный ресурс] : сб. науч. докл. / под ред. проф. Е. И. Аринина ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2023. – Т. 38. – 396 с. – (Серия «Свеча – 2022»). – ISBN 978-5-9984-1634-7. – Электрон. дан. (3,38 Мб). – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: Intel от 1,3 ГГц ; Windows XP/7/8/10 ; Adobe Reader ; диск DVD-ROM. – Загл. с титул. экрана.

В сборник включены материалы международных конференций, на которых были представлены доклады исполнителей проекта, получившего поддержку РФФИ (21-011-44195), реализуемого во Владимирском государственном университете на базе кафедры философии и религиоведения Гуманитарного института. Доклады содержат результаты научных исследований проблем понимания религии и религиозности специалистами по философии, филологии, истории, социологии, психологии, культурологии и ряду других наук.

Материалы сборника представляют интерес для специалистов, работающих в указанных областях, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

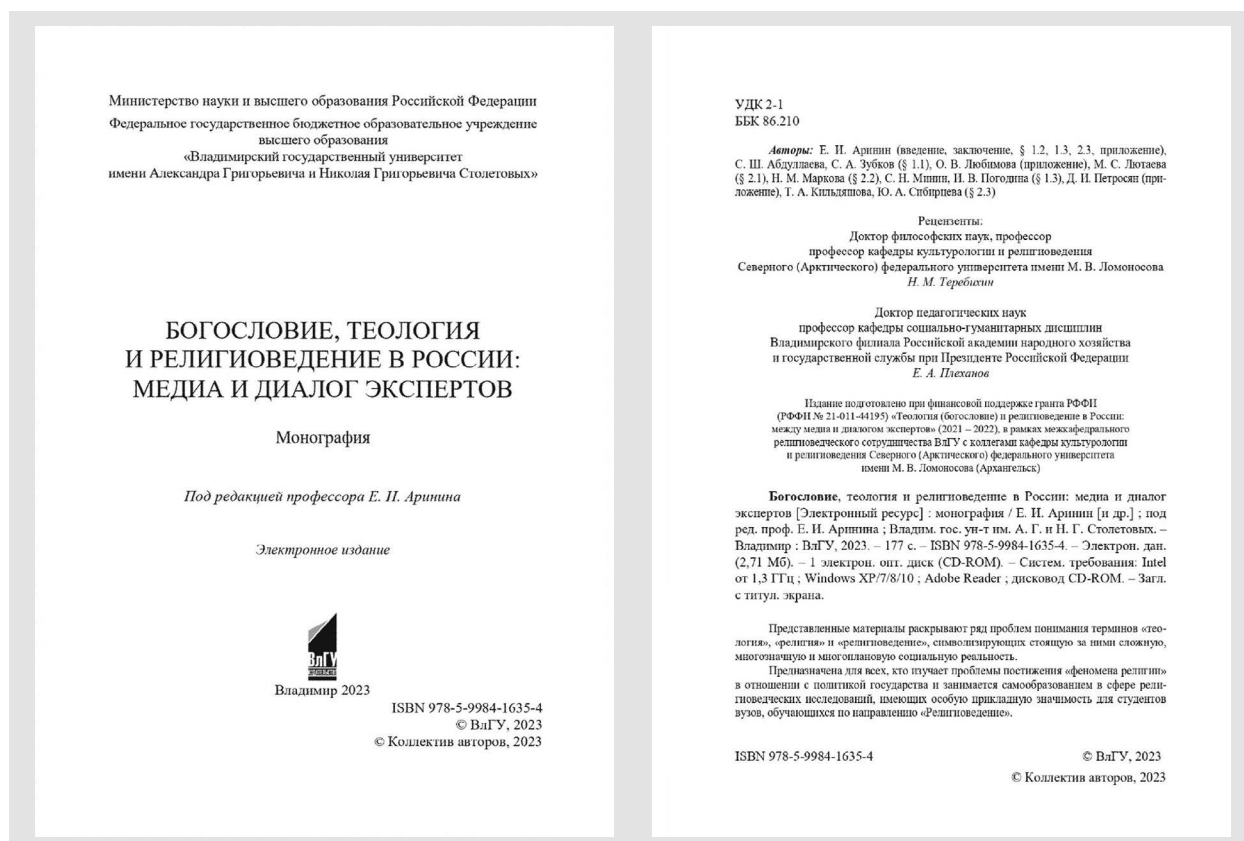
УДК 2
ББК 86.2

ISBN 978-5-9984-1634-7

© ВлГУ, 2023
© Коллектив авторов, 2023

Ил. 2. Титульный лист и оборот титула сборника «Свеча–2022»

*Теология, гуманитарные науки и естествознание:
аспекты взаимодействия*

Ил. 3. Титульный лист и оборот титула монографии,
подготовленной по итогам проведённых исследований

Опубликованные результаты исследова-
ния: две статьи (Q1 Scopus, Q2 Scopus, Web
of Science, RSCI) [6], [7]; 12 статей в жур-
налах перечня ВАК и 25 статей в издани-
ях перечня РИНЦ. Материалы (сборники
«Свеча–2021» [8], «Свеча–22» [9]), моногра-
фия «Богословие, теология и религиоведение
в России: медиа и диалог экспертов»
(Владимир: ВлГУ, 2023) [3] (ил. 3).

Фундаментальным результатом уже
после завершения проекта стало пригла-
шение участвовать в диалоге светских
и конфессиональных авторов на круглом
столе «Оправдалась ли концепция пост-
секулярного? К 15-летию доклада Ю. Ха-
бермаса «Против “воинствующего атеиз-
ма”. “Постсекулярное” общество — что это
такое?» (21.04.2023, ПСТГУ, Москва), где
были представлены подходы Н. Лумана
к осмыслению ряда современных соци-
альных процессов [10]. Продолжением
изучения проблематики диалога теологии
и религиоведения стали два новых гранта

РНФ, которые после завершения описан-
ного проекта РФФИ получили его участ-
ники Н.М. Маркова (2023–2024) и Е.И. Ари-
нин (2024–2025).

Методы исследования, использованные при реализации проекта

Проведённое исследование носит
комплексный характер, включая методы
философско-герменевтического, социологи-
ческого, правоведческого и исторического
анализа. Эмпирический базис для проведе-
ния исследования составляют историче-
ские материалы (публикации и архивные
документы), данные социологии религии
и социальной философии, подходы фи-
лософского религиоведения, материалы
электронной учебно-научной библиотеки
и видеоархива кафедры философии и рели-
гиоведения ВлГУ. Теоретической основой
осмысления этих данных являются методы
герменевтического анализа, включающие

анализ того, как процессы генерирования идентичности посредством теологических и религиоведческих дискурсов, изучаемых как в индивидуальном, так и в коллективном аспектах, сочетаются с конкуренцией («выторговыванием») культурных смыслов, за последнее двадцатилетие приобретавших характер напряжённого и порой скандального противостояния.

Методологической отрефлексированности в дальнейшем требуют формировавшиеся на протяжении истории XX в. самопрезентации определёнными теологическими и религиоведческими группами с позиций контекстуального анализа как апробированной философско-религиоведческой методики. В качестве основополагающего метода исследования выступает сравнение политического статуса теологии и религиоведения в разные периоды XX–XXI столетий.

Междисциплинарный характер проекта позволил привлечь концепции социальной философии, философии науки и такой новой области знаний, как политологическое религиоведение, которое опирается на методы объективности исследования, т.е. на беспристрастность и воздержание от оценочных суждений, эволюционизм, диахронный и синхронный методы, феноменологический и дискриптивный подходы к религиозным феноменам и их лингвистическим символизациям, в том числе представленным в академическом ресурсе «Национальный корпус русского языка» (НКРЯ).

Основой исследования была непосредственная работа с литературой из базы электронной учебно-научной библиотеки и видеоархива кафедры философии и религиоведения ВлГУ (более 135 000 текстов изданий XX–XXI столетий), библиотеки кафедры религиоведения университета Эрланген-Нюрнберг (Эрланген, Германия), где в свободном доступе находится коллекция из 6000 книг Синодальной библиотеки, проданная в 1935 году из Советской России, частично уже скопированная участниками проекта (постраничное фото). Опи-

сание, сравнительный анализ и обобщение позволят выявить новые основания для комплексной интерпретации полученных фактов.

В проекте использован целый спектр социологических методов (наблюдение, анкетирование, интервью, фокус-группы), включая фиксацию на видео ряда интервью, наиболее интересные из которых вошли в фильм, представляющий архив избранных записей за 2018–2022 гг. В перспективе планируется использовать материалы анкет социологических исследований в России, сравнив их с данными из Японии и Германии как основания для подготовки новых проектов. Последние особо значимы, поскольку проводились при непосредственных консультациях Н. Лумана. Контрольной группой социологического исследования стали студенты, как изучающие, так и не изучающие дисциплины из областей религиоведения и теологии. Помимо собственно социологических методов для интерпретации полученных результатов были применены концепции «аутопойетических систем» Н. Лумана, «постсекуляризма» Ю. Хабермаса и «герменевтики культуры», выступающей как «культурологический подход к религии». Разноплановость применяемых методов позволила соблюсти принцип комплексного подхода к исследованию проблемы.

Теология, богословие и религиоведение по данным НКРЯ

Перспективным представляется изучение религионимов и конфессионимов в текстах базы НКРЯ. Так, В.В. Голенко обратил внимание на то, что термины «православный» и «православие» встречаются в литературе, соответственно, с XI и XIII столетий [11, с. 125]. Словарь русского языка XI–XVII вв. отмечает, что слово «богословие» заметно в текстах с XI века [12, с. 266], а слово «теология» (ѳеология) – с XVI столетия [13, с. 296]. Более детальный анализ данных НКРЯ ещё предстоит осуществить в дальнейшем, но и на данный момент уже известно, что слово «богослов» встречается

Ил. 4. Обсуждение результатов опроса студентов.

На фото сверху слева: иеромонах Варфоломей (С.Н. Минин), ВлГУ.

На фото внизу справа: А.Ю. Бендин (слева), доктор исторических наук, профессор Института теологии Белорусского государственного университета (Минск), приглашённый исследователь Санкт-Петербургского государственного университета, и В.С. Глаголев, профессор САФУ (Архангельск), почётный профессор МГИМО (Москва)

в 1298 текстах, начиная с «Жития Андрея Юродивого» (НКРЯ, Житие Андрея Юродивого ...XI в.), «богословие» – в 1009 текстах, первым из которых стал Студийский устав (НКРЯ, Студийский устав, 1070), а «богословский» – в 1396 текстах, первым из которых стала «Отводная грамота» (НКРЯ, Отводная грамота... 1490).

Слово «теолог» встречается в 200 текстах, начиная с князя А.М. Курбского (1528–1583) и его посланий (НКРЯ, Андрей Курбский. Второе послание Кузьме Мамоничу, 1564), как и слово «теология», представленное в 384 текстах, самым ранним из которых стало «Первое послание Кузьме Мамоничу», 1564 г. того же автора, в отличие от лексемы «теологический», встречающейся в 279 текстах, начиная с конца XVIII в. (НКРЯ, Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника, 1793). Термин «религиоведение» становится заметным только в 39 текстах конца XX столетия (НКРЯ,

Новинки литературы // «Наука и религия», 1985), как и термин «религиовед», заметный в 29 текстах (НКРЯ, Витраж науки и религии // «Наука и религия», 1992) или «религиоведческий», присутствующий в 14 текстах (НКРЯ, В.Г. Лысенко. Классическая индийская философия в переводах... 1996). Важно и эвристично в перспективе будет описать эти особенности с позиций различения «институционального» и «вернакулярного» подходов в философском религиоведении и социальной философии.

Заключение (перспективы проекта)

Подробно данные об опросе студентов и его результатах представлены в сборнике «Свеча–2022» [9], монографии «Богословие, теология и религиоведение в России: медиа и диалог экспертов» [3, с. 100–176] и статьях: Е.И. Аринин, Д.И. Петросян, Р.В. Цыганов «Понимание феноме-

на религии в кросскультурном контексте: от Цицерона до современной молодёжи» [14], Д.И. Петросян, О.Н. Шадрина «Религиозность и поддержание здоровья в представлениях современной студенческой молодёжи» [15, с. 85–90].

Прежде всего важно отметить, что студенты в ходе ответа на вопросы анкеты (ил. 4) подтвердили, что предпочитают видеть себя людьми открытыми и общественно активными, творческими, заботящимися о природе, при этом не избегающими развлечений, но отвергающими как стремление к богатству и накопительству, так и ориентацию на строгое соблюдение традиционных религиозных (конфессиональных, православных) ценностных норм и практик. В этом собирательном сообществе, как показывали и ранее проводимые опросы, практически не представлены индивидуумы, которые, согласно известному словарю В. Даля, могут быть названы «религиозными» или «твёрдыми в вере», т.е. ориентированными на поддержание и воспроизведение строгих конфессиональных норм. Результаты показывают, что в студенческой среде в целом примерно по 20% сохраняют культурную память о цicerоновских (древнеримских), христианских (православных) и советских (атеистических) коннотациях, при практически двукратном преобладании тех, кто предпочитает так называемое

феноменологическое понимание религии, характерное для университетских учебных курсов по религиоведческим дисциплинам, очень близкое именно к цicerоновскому своей веротерпимостью и Луману, понимавшему её как универсальное «надзирание за неизвестным», сопровождающее человечество в цicerоновском Риме, Владимире князя Андрея Боголюбского или советской Москве Емельяна Ярославского.

Студенты хорошо понимают особенности истолкования представлений о «спасительном» и «гибельном», радикально трансформировавшегося в нашей стране в течение одного только XX в., когда разделительная политика на поддержание господства императорской «синодальной Церкви» сменилась энтузиазмом «штурма небес», завершившимся, в свою очередь, конституционным признанием права на свободу совести (1993), и широким феноменологическим пониманием религии, периодически сталкивающимся с «вторжением сакрального» в форме, к примеру, акционизма ряда «интолерантных» представителей конфессиональных субкультур, порой приобретаая в СМИ описания скандального характера. Философское религиоведение, социальная философия и философия науки предлагают новые перспективы в отношениях теологии и религиоведения, религии и науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шохин В.К. Философия религии и её исторические формы (античность – конец XVIII в.). М.: Альфа-М, ИФ РАН, 2010.
2. Михайлов А.В. Предисловие к публикации (Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мёртв») // Вопросы философии. 1990. № 7. С. 133–176.
3. Богословие, теология и религиоведение в России: медиа и диалог экспертов [Электронный ресурс]: Монография / Е.И. Аринин [и др.]; Под ред. проф. Е.И. Аринина; Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Владимир: ВлГУ, 2023.
4. Аринин Е.И., Мартиросян В.С. Религия, религиозность и концептуальные подходы к художественному мышлению // Вестник ВлГУ. Серия «Социальные и гуманитарные науки». 2021. № 3 (31). С. 65–79.
5. Такахаси С., Аринин Е.И., Погодина И.В. Межкультурная коммуникация в сфере конфессионально-правовых отношений (моменты общего и особенного в России и Японии) // Концепт: философия, религия, культура. 2021. № 5 (4). С. 158–171.

6. Arinin E., Lyutaeva M., Markova N. Religion, Niklas Luhmann and Russian religious studies project of overcoming dichotomy of theology and atheism // European Journal of Science and Theology. June 2022. Vol. 18. № 3. Pp. 1–20.
7. Аринин Е.И., Лютаева М.С., Силантьева М.В. Феномен «вернакулярного»: между «родными курами», архитектурной «причудливостью» и «живой религиозностью» // Вопросы философии. 2023. № 2. С. 121–131.
8. Религия, наука и теология: вызовы и проблемы современности: Сб. науч. докл. / Под ред. проф. Е.И. Аринина; Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Владимир: Аркаим, 2021. Т. 37. (Серия «Свеча–2021»).
9. Религия, наука и теология: вызовы и проблемы современности [Электронный ресурс]: Сб. науч. докл. / Под ред. проф. Е.И. Аринина; Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2023. Т. 38. (Серия «Свеча–2022»).
10. Аринин Е.И., Астапов С.Н., Антонов К.М., Гипп К.С., Замаренков М.Ю., Мирошникова Е.М., Носачёв П.Г., Смирнов М.Ю., Соловьёв А.П., Степанова Е.А., Шохин В.К. Оправдалась ли концепция постсекулярного? К 15-летию стамбульского доклада Ю. Хабермаса «Против воинствующего атеизма» // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2023. Вып. 108. С. 115–152.
11. Маркова Н.М., Аринин Е.И., Голенко В.В. Православие как экстралингвистический феномен и парадоксы обретения комплаенса его лингвистических образов в изданиях XVIII столетия (по материалам Национального корпуса русского языка) // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 1. С. 122–131.
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С.Г. Бархударов. Вып. 1. М.: Наука, 1975.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. В.Б. Крысько. Вып. 29. М.: Наука, 2011.
14. Аринин Е.И., Петросян Д.И., Цыганов Р.В. Понимание феномена религии в кросскультурном контексте: от Цицерона до современной молодёжи // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 4. С. 68–76.
15. Петросян Д.И., Шадрин О.Н. Религиозность и поддержание здоровья в представлениях современной студенческой молодёжи // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 5. С. 85–90.

Project: “Theology and Religious Studies in Russia: Between Media and Expert Dialogue”: Experience and Prospects

Evgeny Igorevich Arinin – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy and Religious Studies at the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs (VLSU), Head of the project "Theology and Religious Studies in Russia: Between the Media and Expert Dialogue: Experience and Prospects" (21-011-44195).

E-mail: earinin@mail.ru

Natalia Mikhailovna Markova – Candidate of Science (Philosophy), associate professor of the Department of Philosophy and Religious Studies at the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, executor of the same project.

E-mail: natmarkova@list.ru

Maria Sergeevna Lyutaeva – Candidate of Science (Philosophy), associate professor of the Department of Philosophy and Religious Studies at the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, executor of the same project.

E-mail: liutaeva@yandex.ru

Yulia Aleksandrovna Sibirtseva – Candidate of Science (Philosophy), head of the Department of Cultural and Religious studies of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, executor of the same project.

E-mail: yu.sibirtseva@narfu.ru

Tatyana Aleksandrovna Kildyashova – Candidate of Science (Philosophy), associate professor of the Department of Cultural and Religious studies of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, executor of the same project.

E-mail: t.kildyashova@narfu.ru

Vladimir Vladimirovich Golenko – (Archimandrite Athanasius, rector of St. George Church in Rasylnaya village, Oryol Metropolitanate), applicant for a degree in philosophy and religious studies at the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs (VLSU), executor of the same project.

E-mail: volodimir.golenko@mail.ru

The project “Theology and Religious Studies in Russia: Between Media and Expert Dialogue: Experience and Prospects” describes a number of aspects of the problem of cooperation between experts in the fields of theology and religious studies. This issue is extremely relevant today, since it develops the domestic academic tradition of dialogue between the so-called believers and the so-called non-believers in the study of typological models of symbolic descriptions and interpretations of the “highest order of nature” (Cicero), which take on a variety of forms from radical conflict to sincere dialogue in domestic theological and religious studies discourses, going back to the works of Plato, Aristotle and Cicero. The analysis is from the standpoint of modern Russian philosophical religious studies and social philosophy, distancing from the expert and media positions. The significance of these studies is explained by a comprehensive analysis of the prospects for overcoming the stereotypes of “Eurocentrism” and “confessional centrism” in the philosophical and religious studies discourse, including illustrative factual materials from the sociology of religion data obtained during a pilot survey of students in Arkhangel'sk and Vladimir. The survey demonstrates secular and rational priorities among young people. During the project implementation, two articles were published (Q1 Scopus, Q2 Scopus, Web of Science, RSCI); 12 articles in journals on the HAC list and 25 articles in publications on the RSCI list, including the collections “Svecha-2021”, “Svecha-2022” and the monograph “Theology and Religious Studies in Russia: Media and Expert Dialogue” (2023). All of them are posted on the website of the Department of Philosophy and Religious Studies of VLSU “Academic Religious Studies” (<http://religion.vpti.vladimir.ru/>).

Keywords: theology, philosophical religious studies, social philosophy, Russia, media, dialogue, experts

REFERENCES

1. Shokhin V.K. *Filosofiya religii i eyo istoricheskie formy (antichnost' – konets XVIII v.)*. M.: Al'fa-M, IF RAN, 2010 (in Russian).
2. Mikhailov A.V. *Predislovie k publikatsii (Khaidegger M. Slova Nitsche «Bog myortv») // Voprosy filosofii*. 1990. № 7. С. 133–176 (in Russian).
3. *Bogoslovie, teologiya i religiovedenie v Rossii: media i dialog ekspertov [Elektronnyi resurs]: Monografiya / E.I. Arinin [i dr.]; Pod red. prof. E.I. Arinina; Vladim. gos. un-t im. A.G. i N.G. Stoletovykh*. Vladimir: VLGU, 2023 (in Russian).
4. Arinin E.I., Martirosyan V.S. *Religiya, religioznost' i kontseptual'nye podkhody k khudozhestvennomu myshleniyu // Vestnik VLGU. Seriya «Sotsial'nye i gumanitarnye nauki»*. 2021. № 3 (31). S. 65–79 (in Russian).
5. Takakhasi S., Arinin E.I., Pogodina I.V. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v sfere konfessional'no-pravovykh otnoshenii (momenty obshchego i osobennogo v Rossii i Yaponii) // Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura*. 2021. № 5 (4). S. 158–171 (in Russian).

6. Arinin E., Lyutaeva M., Markova N. Religion, Niklas Luhmann and Russian religious studies project of overcoming dichotomy of theology and atheism // European Journal of Science and Theology. June 2022. Vol. 18. № 3. Pp. 1–20.
7. Arinin E.I., Lyutaeva M.S., Silant'eva M.V. Fenomen «vernakulyarnogo»: mezhdru «rodnymi kurami», arkhitekturnoi «prichudlivost'yu» i «zhivoi religioznost'yu» // Voprosy filosofii. 2023. № 2. S. 121–131 (in Russian).
8. Religiya, nauka i teologiya: vyzovy i problemy sovremennosti: Sb. nauch. dokl. / Pod red. prof. E.I. Arinina; Vladim. gos. un-t im. A.G. i N.G. Stoletovykh. Vladimir: Arkaim, 2021. T. 37. (Seriya «Svecha–2021») (in Russian).
9. Religiya, nauka i teologiya: vyzovy i problemy sovremennosti [Elektronnyi resurs]: Sb. nauch. dokl. / Pod red. prof. E.I. Arinina; Vladim. gos. un-t im. A.G. i N.G. Stoletovykh. Vladimir: Izd-vo VIGU, 2023. T. 38. (Seriya «Svecha–2022») (in Russian).
10. Arinin E.I., Astapov S.N., Antonov K.M., Gipp K.S., Zamarenkov M.Yu., Miroshnikova E.M., Nosa-chyov P.G., Smirnov M.Yu., Solov'yov A.P., Stepanova E.A., Shokhin V.K. Opravdalas' li kontsepsiya postsekulyarnogo? K 15-letiyu stambul'skogo doklada Yu. Khabermasa «Protiv voinstvuyushchego ateizma» // Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie. 2023. Vyp. 108. S. 115–152 (in Russian).
11. Markova N.M., Arinin E.I., Golenko V.V. Pravoslavie kak ekstralingvisticheskii fenomen i paradoksy obretniya komplensa ego lingvisticheskikh obrazov v izdaniyakh XVIII stoletiya (po materialam Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka) // Sotsial'no-politicheskie nauki. 2024. T. 14. № 1. S. 122–131 (in Russian).
12. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. / Gl. red. S.G. Barkhudarov. Vyp. 1. M.: Nauka, 1975 (in Russian).
13. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. / Gl. red. V.B. Krysko. Vyp. 29. M.: Nauka, 2011 (in Russian).
14. Arinin E.I., Petrosyan D.I., Tsyganov R.V. Ponimanie fenomena religii v krosskul'turnom kontekste: ot Tsitserona do sovremennoi molodyozhi // Sotsial'no-politicheskie nauki. 2022. T. 12. № 4. S. 68–76 (in Russian).
15. Petrosyan D.I., Shadrina O.N. Religioznost' i podderzhanie zdorov'ya v predstavleniyakh sovremennoi studencheskoi molodyozhi // Sotsial'no-politicheskie nauki. 2022. T. 12. № 5. S. 85–90 (in Russian).

Индекс УДК 2.21.215

Код ГРНТИ 21.31.51

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-121-02-48-58

С.В. КРИВОВИЧЕВ*

Феномен жизни в естественных науках и теологии

Понятие жизни находится на стыке естественных наук и теологии. С точки зрения естественных наук проблема живого и неживого до сих пор не решена, как и вопрос о непрерывных переходах между материей, жизнью и сознанием. В.И. Вернадский считал жизнь первичным понятием и настаивал на непреходимой границе между живым веществом и косной (неживой) материей. Различия между живым и неживым особенно ярко прослеживаются при анализе проблемы вида в минералогии и биологии: биологический мир на несколько порядков богаче минерального царства, тогда как разрыв в структурной сложности с точки зрения теории информации можно оценить в 10–12 порядков. Различается также и характер биологической информации, которая связана с функциональной активностью биологических систем. Отличие живого от неживого также состоит в существовании у первого единого молекулярно-генетического аппарата, в связи с чем характер биологической эволюции принципиально отличен от минеральной эволюции. Понятие о прерывном характере природной иерархии имеется в христианской теологии, что обуславливает её продуктивность во взаимодействиях с естественными науками, нуждающимися, по словам С.И. Вавилова, в «новом мировоззрении».

Ключевые слова: жизнь, естественные науки, теология, биология, минералогия, информация

Жизнь — понятие, данное нам в непосредственном опыте нашего существования. Однако попытки дать однозначное определение жизни до настоящего времени так и не увенчались успехом. Существует по крайней мере 123 определения жизни [1], и ни одно из них не является общепринятым. Прошедшие на страницах двух журналов — *Journal of Biomolecu-*

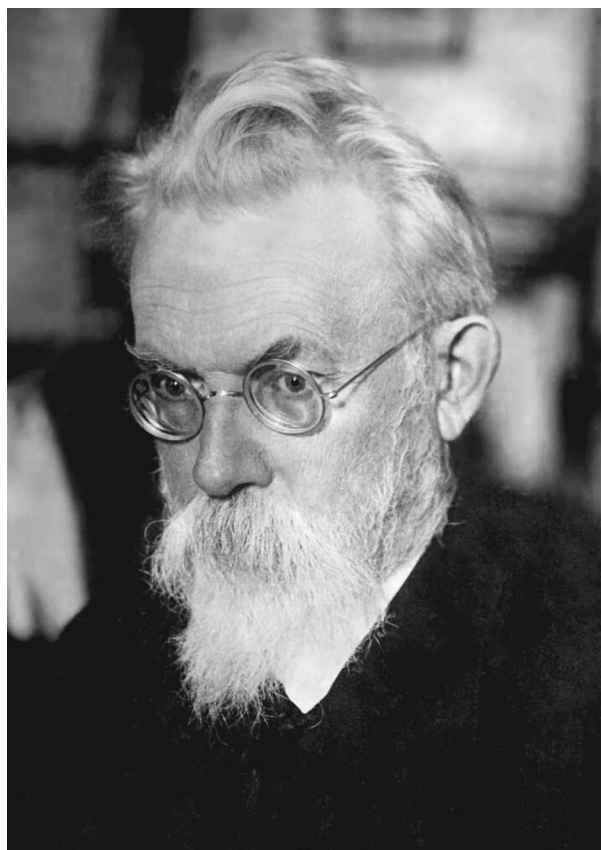
lar Structure and Dynamics [2] и *Origins of Life and Evolution of Biosphere* [3] — дискуссии по этому вопросу так и не привели к биологическому аналогу consensus patrum. Президент Американской Ассоциации продвижения науки (American Association for the Advancement of Science) Д. Кошланд отмечал, что «...хотя каждый знает, что такое жизнь, простого определения жизни не существует» [4].

* **Кривовичев Сергей Владимирович** — доктор геолого-минералогических наук, академик РАН, генеральный директор ФИЦ «Кольский научный центр РАН», руководитель проекта «Феномен жизни в естественных науках и теологии: история и современность» (21-011-44141).
E-mail: skrivovi@mail.ru

Таким образом, такое знакомое для каждого простое явление «жизнь» — загадочно, до сих пор не имеет своего однозначного и общепринятого определения и представляет собой центральное понятие как в естественных науках, так и в теологических системах. Это обстоятельство ставит ряд важных вопросов. Выходит ли понятие жизни за пределы естественно-научного дискурса, являясь первичным — таким же, как понятие материи, или же жизнь — свойство материи, проявляющееся на высших ступенях её организации в определённых химических системах? Может ли взаимодействие традиционных теологических концепций и представлений современной науки внести свой вклад в понимание сущности жизни? Как происходило это взаимодействие в исторической перспективе, каких взглядов на эту проблему придерживались великие умы прошлого?

Различие между живой и неживой природой

Великий русский естествоиспытатель В.И. Вернадский (ил. 1) писал о «коренном материально-энергетическом отличии живых и косных естественных тел биосферы» [5] и составлял таблицу таких отличий. В частности, он указывал, что «...нет никакого изменения косных естественных тел биосферы, аналогичного эволюционному процессу живых веществ. Мы сейчас видим в биосфере в общем те же самые косные естественные тела и те же явления их образования на протяжении по крайней мере двух миллиардов лет» [5]. Однако ещё в конце 1970-х — начале 1980-х гг. отечественные учёные А.Г. Жабин [6] и академик Н.П. Юшкин [7] указали на существование минеральной эволюции, т.е. эволюции минерального мира в истории Земли и Вселенной. Эта идея получила неожиданное развитие в конце 2008 г., когда журнал «American Mineralogist» опубликовал обзорную статью «Эволюция минералов» (Mineral evolution), подписанную коллективом авторов из ряда американских университетов и научно-исследовательских

Ил. 1. Академик В.И. Вернадский (1863–1945)

институтов [8], возглавляемых проф. Робертом Хейзенем — с 2019 г. иностранным членом Российской академии наук. В этой работе рассмотрена проблема эволюции минералов в геологической истории Земли и выделен ряд основных факторов развития разнообразия минеральных видов (разделение и концентрация элементов из их изначально равномерного распределения в протопланетном диске, изменение физико-химических условий в процессе эволюции Земли как планеты, влияние биосферы и т.п.). Статья была широко разрекламирована в западной печати — на её выход откликнулись журналы Nature и Science, она получила своё освещение даже в средствах массовой информации. Стэнфордский геолог Г. Эрнст назвал эту работу «захватывающей дух» (breath-taking), поскольку она представляет минералогии и минералогические проблемы в совершенно новой перспективе, связывая их с общей глобальной эволюцией нашей

планеты. Развитие концепции минеральной эволюции поставило проблему её отличия от биологической эволюции и – шире – проблему фундаментальных различий живой и неживой природы в том виде, как её ставил В.И. Вернадский. С этим напрямую связана проблема «вида» в живой и неживой природе, проблема его реальности. Существует много обзоров по проблеме вида как в биологии [9], так и в минералогии [10, 11], но сравнительного анализа данных понятий в этих двух областях естественных наук, насколько нам известно, до нашей работы [12] не существовало. Рассмотрим её основные результаты.

Определение вида. В минералогии понятие вида определяется, с одной стороны, химическим составом, а с другой – кристаллической структурой. Не принимая во внимание отдельные нюансы, общее правило состоит в выделении нового минерального вида в том случае, когда конкретная позиция (или группа позиций) в кристаллической структуре преимущественно занята химическим элементом, ранее в этой позиции не отмечавшимся в качестве доминантного компонента. В целом в минералогии к середине XX в. был достигнут определённый консенсус касательно понятия минерального вида.

В биологии же проблема выделения таксонов и основного из них – вида – вызывает бурное обсуждение сегодня, как и триста лет назад. В общем, под видом понимают группу организмов (особей) с общими морфологическими, физиологическими, биохимическими и поведенческими признаками, способных к взаимному скрещиванию, которое даёт в ряду поколений плодовитое потомство, закономерно распространённое в пределах определённого ареала и сходно изменяющееся под влиянием факторов внешней среды. В научной литературе существует множество видовых «концепций» на исследовательском и практическом уровне. Mayden [13] выделил 22 различных понятия вида, Wilkins [14] выделил уже 26. В целом следует признать, что понятие

вида в биологии гораздо сложнее и включает в себя не только конституционный (морфологический, физиологический, генетический) аспект, но и аспект эволюционный, который в минералогии фактически отсутствует (по крайней мере в описательной дисциплине).

Процедура установления нового вида. В минералогии эта процедура регулируется комиссией по новым минералам и номенклатуре Международной минералогической ассоциации (создана в 1958 г.) согласно установленным правилам. В биологии описание новых таксонов видового и внутривидового ранга до недавнего времени происходило на основе морфологических признаков, а последние десять лет чаще всего это происходит на основе комбинации классического и молекулярно-генетического методов. Правила наименования новых видов регламентируются кодексами номенклатуры. Образование и применение научных названий животных, растений (включая грибы) и бактерии регламентируются соответственно Международным кодексом зоологической номенклатуры, Международным кодексом номенклатуры водорослей, грибов и растений (International code for nomenclature for algae, fungi and plants) и Международным кодексом номенклатуры бактерий. В целом, несмотря на принципиальные различия в составе представляемых данных (например, у минералов нет материального носителя генетической информации), процедуры установления новых видов в минералогии и биологии похожи между собой.

Видовое разнообразие. Количество известных на сегодняшний день минеральных видов не превышает 6000, тогда как предсказания о возможной максимальной границе этого числа разнятся, даже в том случае, когда основаны на количественных моделях. Сколько на Земле биологических видов – не знает никто. Примечательно, что мы не знаем истинного числа видов на Земле даже с точностью до ближайшего порядка [15]. Согласно

наиболее точной оценке, по состоянию на 2011 г. число описанных видов живых организмов составляло примерно 1,2 млн на суше и около 200 тыс. в океане. Общее число видов, обитающих на Земле, оценивается по-разному: называется число 8,7 млн из которых 2,2 млн являются морскими. По другим оценкам, общее число видов может составить от 11 до 12 млн. Для разных групп организмов оценки разнятся. Так, для грибов предполагают наличие более 5 млн видов (при том что сейчас описано всего лишь около 100 тысяч). По одним оценкам, число вымерших видов составляет около 250 тыс. видов, по другим — около 500 млн. Таким образом, разнообразие биологических видов превосходит разнообразие минеральных видов примерно на 5–6 порядков, что объясняется большей гибкостью жизни и большим комбинаторным пространством форм и функций живых существ по сравнению с минералами.

Классификация видов. Современные классификации живых организмов построены по иерархическому принципу. Живые организмы объединяются в группы с ближайшими родственниками, дальше эти группы объединяем в более крупные группы с более дальними родственниками и так далее, выстраивая иерархию групп или таксонов по родственности. Чаще всего такая классификация будет выглядеть как эволюционное дерево или граф, в котором ветви будут группами живых существ, а разделение ветвей будет обозначать произошедшее в какой-то момент времени эволюционное разделение этих групп. В отличие от биологии, в минералогии, при всей кажущейся простоте минералогических объектов, однозначная классификация минеральных видов отсутствует. Причину этого следует видеть в двойном характере конституции минералов — диалектическом сочетании химического состава и кристаллической структуры. Кроме того, минеральные виды практически не связаны друг с другом эволюционными связями, что представляет

собой отличительную особенность мира живых организмов.

Сложность живой и неживой природы с точки зрения теории информации. С точки зрения шенноновской информации, различие в сложности между простейшими биологическими организмами (живая клетка) и сложнейшими минералами (такими как юингит) составляет примерно двенадцать порядков [16]. По количеству атомов элементарная ячейка самых сложных минералов содержит около 3000 атомов, тогда как живая клетка состоит из примерно 28 миллионов молекул, что соответствует 100 000 000 000 000 атомов. Принимая информационное содержание на атом в клетке примерно в 10 бит/атом (минимально низкая оценка), общее информационное содержание на клетку составляет 1 000 000 000 000 000 бит, т.е. примерно на 12 порядков выше, чем информационная сложность сложнейших минеральных видов.

Принцип максимальной простоты для минералов и биологических организмов. На примере минералов и неорганических соединений с модулярной структурой сформулирован принцип максимальной простоты, согласно которому в модулярных сериях кристаллических структур наиболее распространёнными и наблюдаемыми в природе и эксперименте являются структуры, обладающие максимальной простотой и минимальной структурной информацией. Принцип обоснован разработанной авторами проектом теорией структурной сложности кристаллов, основанной на использовании теории информации Шеннона [17]. Физический смысл принципа состоит в связи между структурной сложностью и конфигурационной энтропией, а сам принцип может рассматриваться как аналог принципа наименьшего действия в механике. Таким образом, сложность природных неорганических (неживых) структур управляется исключительно термодинамическими и кинетическими параметрами, в отличие от живых орга-

низмов, в которых те или иные системы адаптированы для выполнения конкретных функций. Функциональная сложность, наблюдаемая в живых существах, требует гораздо большей структурной сложности и уровня модулярности, которая задействует миллиарды и триллионы атомов одновременно. Отсутствие функциональности в минералах определяет их пассивное отношение к информации, которая не имеет в них материального носителя, но содержится в химическом составе, кристаллической структуре и микроструктурных особенностях. Это объясняет тот факт, что теория информации Шеннона вполне применима к неживым структурам, в которых синтаксическая информация доминирует (если не полностью заменяет) над семантической информацией. Последняя представляет собой вид информации, в которой смысловая часть преобладает, — например, в функциональности. В связи с этим вполне вероятно, что принцип максимальной простоты не может быть сформулирован для живых систем, где семантическая информация имеет первостепенное значение. Важное отличие живых систем от неживых также состоит в их отношении к термодинамическому равновесию: живые организмы являются неравновесными системами. Можно предположить, что функционирование в системах, далёких от равновесия, требует гораздо более высокого уровня структурной сложности, чем существование в состоянии гомеостаза с низкой динамической активностью.

Эволюция в минералах и живой природе

Принципиальным отличием процессов эволюции в минеральном мире и живой природе является наличие в последней уникального молекулярно-генетического аппарата передачи наследственности. За исключением небольших вторичных вариаций, во всех живых организмах работает один и тот же генетический код, что привело учёных к понятию последнего

универсального общего предка или LUCA (Last Universal Common Ancestor), происхождение которого датируется границей между катархеем и археем (около 3,8 млрд лет назад). Именно от LUCA произошли все живые организмы. Концепция LUCA находится в согласии с теологическими соображениями самого Ч. Дарвина, который в конце «Происхождения видов...» указывал: «Есть величие в этом воззрении, по которому жизнь, с её различными проявлениями, Творец первоначально вдохнул в одну или ограниченное число форм; и между тем как наша планета продолжает вращаться, согласно неизменным законам тяготения, из такого простого начала возникло и продолжает возникать бесконечное число самых прекрасных и самых изумительных форм.» Возникновение LUCA как высокоорганизованного организма представляет собой одну из загадок современной молекулярной биологии, — ввиду того, что «...среди современных биологических объектов мы не видим никаких промежуточных форм между макромолекулами и клетками, и представление о том, какими были и как работали такие промежуточные структуры, является огромной проблемой...» [18].

Ещё одним существенным вопросом эволюции является её направленность. Почему вообще произошла эволюция, начавшись от одноклеточного организма и дойдя до такой сложной системы, как человеческий мозг? Нет никакого сомнения, что эволюция привела к возникновению более сложных организмов — иными словами, эволюция сопровождается увеличением сложности. Стоит отметить, что в биологии (в отличие от минералогии) нет чёткого универсального определения сложности, однако совершенно очевидно, что многоклеточные организмы с разными типами органов, тканей и клеток являются более сложными по сравнению с одноклеточными. Одной из теорий направленной эволюции является теория ортогенеза или номогенеза, согласно которой развитие жизни происходит по заранее начерчен-

ному сценарию, регулируемому особыми внутренними закономерностями. В России теорию номогенеза развивал академик Л.С. Берг и в сравнительно недавнее время доктор геолого-минералогических наук С.В. Мейен. Попытки дать научно-религиозную интерпретацию направленности эволюционного процесса предпринимались неоднократно. Так американский минералог и натуралист Джеймс Дуайт Дэна (ил. 2) выдвинул эмпирическое обобщение, названное принципом цефализации. Согласно В.И. Вернадскому, «...Дэна указал, что в ходе геологического времени, говоря современным языком, т.е. на протяжении двух миллиардов лет по крайней мере, а наверное много больше, наблюдается (скачками) усовершенствование — рост — центральной нервной системы (мозга), начиная от ракообразных, на которых эмпирически и установил свой принцип Дэна, и от моллюсков (головоногих), кончая человеком. Это явление и названо им цефализацией. Раз достигнутый уровень мозга (центральной нервной системы) в достигнутой эволюции не идёт уже вспять». В другом месте В.И. Вернадский говорит о том, что принцип цефализации указывает на то, что «...эволюционный процесс имеет определённое направление». Иными словами, согласно Дэна, эволюционный процесс идёт в сторону развития нервной системы и создания мозга — наиболее сложной известной на сегодняшний день материальной структуры. С этой точки зрения принцип цефализации Дэна можно назвать одним из базовых принципов теистической эволюции, основной целью которой являлось появление существа, способного воспринять «дыхание жизни» (Быт. 2:7) и быть образом и подобием Божиим (Быт. 1:26–27), соединив в себе «земная и небесная».

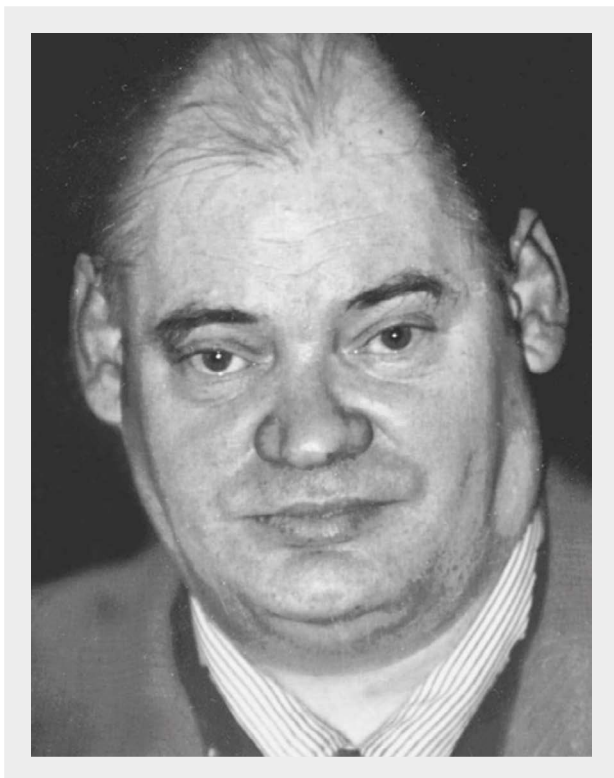
Сущность и происхождение жизни с точки зрения христианской теологии

Сущность жизни. Понятие о сущности жизни в христианской теологии тесно связано с проблемой иерархии природ-

Ил. 2. Джеймс Дуайт Дэна (1813–1895)

ных систем. Св. Лука (Войно-Ясенецкий) называет дух жизни «низшим из Даров Святого Духа». Св. Антоний Великий говорит о том, что «живых существ четыре различных вида: одни из них бессмертны и воодушевлены, каковы ангелы; другие имеют ум, душу и дыхание, каковы люди; иные имеют дыхание и душу, каковы животные; а иные имеют только жизнь, каковы растения. Жизнь в растениях держится и без души, и без дыхания, и без ума и бессмертия; но и прочее всё без жизни быть не может. Всякая человеческая душа есть приснодвижна». Св. Григорий (Палама) указывает на неразрывную связь душ животных с их телами. В святоотеческих творениях нет однозначного ответа на вопрос, является ли дух жизни отдельным, не связанным с материей, даром или заложен в строении вещества. Глубокие физико-химические отличия живой и неживой материи при-

Ил. 3. Н.И. Кобозев (1903–1974)

водили многих учёных к поиску особых *биотонических* законов, управляющих активной деятельностью живого вещества, действующих на мезоскопическом уровне организации материи и при этом находящихся в рамках существующих концепций квантовой механики. Возможно, что особые свойства живого вещества имеют своим источником квантовые механизмы — подобно тому, как они проявляются в неживых макросистемах, — например, в сверхпроводниках. Один из известных научных теологов современности и темптонский лауреат Х. Ролстон III называет происхождение жизни вторым «Большим взрывом» по аналогии с первым Большим взрывом, с которого началось существование времени, пространства и Вселенной. Таким образом, учение о жизни как о первичной реальности находит своё подтверждение как в науке, так и в теологии.

Теологические интерпретации механизмов биологической эволюции. Эволюция живых организмов, которая сопровождается коренным изменением их

фенотипа, приводящим к последовательной трансформации видов, возможна только за счёт изменения генома, который подвержен ошибкам репликации. Источником этих ошибок являются мутации — изменения генома, которые могут быть вызваны самыми разнообразными причинами, в том числе радиацией, управляемой квантовыми эффектами и подчиняющейся принципу неопределённости Гейзенберга. Американский физик У. Поллард, кажется, первым обратил внимание на то, что неопределённый в фундаментальном смысле характер этих мутаций становится обоснованием открытости мира действию Божественного Промысла. Это положение продолжает оставаться краеугольным камнем теистического принятия эволюционной теории, согласно с принципом непостижимости и неисследимости Божественного промысла для человеческого разума («...и следы Твои не познаются» (Пс 76:20)). С этой точки зрения теистический эволюционизм с его ярко выраженной кенотической составляющей кажется более приемлемым для глубокого религиозного сознания, чем креационизм, отстаивающий творение отдельных биологических видов в конкретные моменты истории Вселенной.

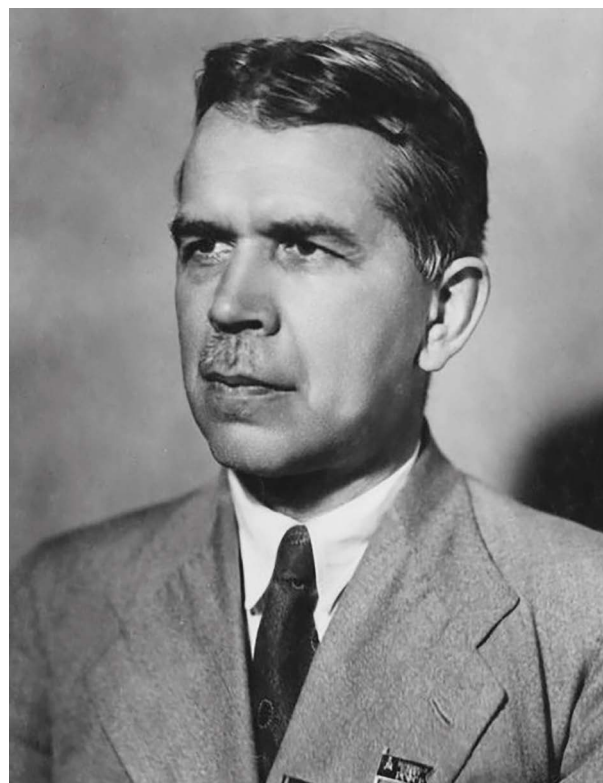
Жизнь и информация

Понятие жизни имеет теснейшую связь с понятием информации — то, что информация играет ключевую роль в существовании, сохранении и самовоспроизведении живых организмов, является неоспоримым и признанным научным фактом. Так, одно из определений жизни звучит так: «Жизнь — это метаболизирующая *материальная информационная система* со способностью к самовоспроизведению с эволюцией, что требует энергии и подходящей окружающей среды» [19]. Один из крупнейших биологов современности Е.В. Кунин пишет: «Замечательное свойство всех известных биологических репликаторов — это их цифровой характер: эти репликаторы представляют собой поли-

меры, состоящие из разнообразных мономеров. Такие полимеры оказываются уникально подходящими для кодирования информации, в связи с чем важной является следующая гипотеза: *цифровые свойства являются необходимыми для жизни* [20]. «Центральная идея современной биологии – это идея информации, – пишет Дж. Майнард Смит. – Биология развития может рассматриваться как изучение того, как информация, содержащаяся в геноме, транслируется в структуру живого организма, а эволюционная биология – как эта информация образуется и развивается» [21]. Слово «информация» происходит от латинского *informatio*, одним из значений которого является «придавать вид, форму, формировать, образовывать». Информация творит *формы и структуры*. В одном из современных направлений физики информации, наряду с материей и энергией, присваивается центральное место в фундаментальной структуре Вселенной. Американский физик (ученик Нильса Бора) Дж. Уилер считал её основой мироустройства («It from bit» – «Всё из бита»). Тогда как эквивалентность массы и энергии устанавливается уравнением Пуанкаре-Эйнштейна $E = mc^2$ (E – энергия, m – масса, c – скорость света), эквивалентность энергии и информации устанавливается границей Р. Ландауэра, который находит всё больше подтверждений в последних научных работах. Не углубляясь в детали, необходимо отметить, что принцип Ландауэра придаёт информации в некотором смысле онтологический статус как базовой физической реальности, что представляет фундаментальную важность для естественно-научной теологии.

Заключение

Анализ современной научной и теологической литературы показывает, что понятие о жизни является одним из тех понятий, которые находятся на границе науки и теологии. Христианская теология, развитая в трудах святых отцов и богословов и основанная на достиже-

Ил. 4. Академик С.И. Вавилов (1891–1951)

ниях науки своего времени, настаивает на существовании естественной иерархии природных систем, уходящей своими вершинами в иерархию ангельских чинов (см. у Псевдо-Дионисия Ареопагита). Несмотря на то, что у современной науки нет окончательного ответа по вопросу о наличии или отсутствии границ между материей, жизнью и сознанием, ряд выдающихся естествоиспытателей XX в., из которых можно выделить В.И. Вернадского [22] и Н.И. Кобозева (ил. 3) [23, 24], настаивали на особом характере жизни и мышления и их несводимости к чисто материальным явлениям. Иными словами, ни жизнь, ни сознание не возникают на высших ступенях организации материи, а, наоборот, генерируют и определяют эту организацию. По недавно открытым дневниковым записям Президента АН СССР академика С.И. Вавилова (ил. 4), «...надо думать, что сознание есть *condition sine qua non* жизни. А отсюда миллионы следствий, новая наука и новое мировоззрение» [25].

ЛИТЕРАТУРА

1. Trifonov E.N. Vocabulary of definitions of life suggests a definition // J. Biomolec. Struct. Dyn. 2011. Vol. 29. Pp. 259–266.
2. Journal of Biomolecular Structure and Dynamics. Vol. 29. Issue 4. 2012. Pp. 597–650.
3. Origins of Life and Evolution of Biosphere. Special Issue: Definitions of Life. 2010. Vol. 40. Pp. 119–244.
4. Koshland D.E. The seven pillars of life // Science. 2002. Vol. 295. Pp. 2215–2216.
5. Вернадский В.И. О коренном материально-энергетическом отличии живых и косных естественных тел биосферы. М.; Л., 1939.
6. Жабин А.Г. Существует ли эволюция видообразования минералов на Земле? // Докл. АН СССР. 1979. Т. 247. № 1.
7. Юшкин Н.П. Эволюционные представления в современной минералогии // Записки ВМО. 1982. Т. 116. № 4. С. 432–442.
8. Hazen R.M., Papineau D., Bleeker W., Downs R.T., Ferry J.M., McCoy T.J., Sverjensky D.A., Yang H. Mineral evolution // Amer. Mineral. 2008. Pp. 1693–1720.
9. Павлинов И.Я. Проблема вида в биологии – ещё один взгляд // Вид и видообразование. Анализ новых взглядов и тенденций (Труды ЗИН РАН, Приложение № 1). 2009. С. 259–271.
10. Hatert F., Mills S.J., Hawthorne F.C., Rumsey M.S. A comment on «An evolutionary system of mineralogy: Proposal for a classification of planetary materials based on natural kind clustering» // American Mineralogist. 2021. Vol. 106. Pp. 150–153.
11. Hazen R.M. Reply to “A comment on ‘An evolutionary system of mineralogy: Proposal for a classification of planetary materials based on natural kind clustering’” // American Mineralogist. 2021. Vol. 106. Pp. 154–156.
12. Krivovichev S.V., Borovichev E.A. The Concept of Species in Biology and Mineralogy: A Comparative Study, in: O.V. Frank-Kamenetskaya, D.Yu. Vlasov, E.G. Panova, T.V. Alekseeva (Eds.), Biogenic–Abiogenic Interactions in Natural and Anthropogenic Systems 2022, Springer International Publishing, Cham, 2023. Pp. 651–670.
13. Mayden R.L. A hierarchy of species concepts: the denouement in the saga of the species problem // “Species. The units of biodiversity” (Eds Claridge M.F., Dawah A.H. and Wilson M.R.), Chapman & Hall, London, 1997. Pp. 381–424.
14. Wilkins J.S. The dimensions, modes and definitions of species and speciation // Biol. Philos. 2007. Vol. 22. Pp. 247–266.
15. Moral C., Tittensor D.P., Adl S., Simpson A.G.B., Worm B. How Many Species Are There on Earth and in the Ocean? // PLoS Biology. 2011. 9 (8). e100112.
16. Krivovichev S.V., Structural and Chemical Complexity of Minerals: The Information-Based Approach // L. Bindi, G. Cruciani (Eds.), Celebrating the International Year of Mineralogy: Progress and Landmark Discoveries of the Last Decades, Springer Nature Switzerland, Cham, 2023. Pp. 101–129.
17. Krivovichev S.V. The Principle of Maximal Simplicity for Modular Inorganic Crystal Structures // Crystals. 2021. Vol. 11. P. 1472.
18. Кунин Е.В. Логика случая. О природе и происхождении биологической эволюции. М., Центрполиграф, 2014.
19. Barbieri M. The Organic Codes. An Introduction to Semantic Biology. Cambridge, 2003.
20. Koonin E.V. Defining life: an exercise in semantics or a route to biological insights? // J. Biomol. Struct. Dyn. 2012. Vol. 29. Pp. 603–605.
21. Maynard Smith J. The concept of information in biology // Information and the Nature of Reality. From Physics to Metaphysics. P. Davies, N.H. Gregersen, eds. Cambridge University Press. 2010. P. 123.
22. Кривовичев С.В. В.И. Вернадский и его учение о жизни с точки зрения христианского богословия // Сретенское слово. 2023. № 3. С. 99–110.

23. Кривовичев С.В. Теология и термодинамика жизни и сознания в научном наследии Николая Ивановича Кобозева // Вопросы теологии. 2023. Т. 5. № 3. С. 369–387.
24. Krivovichev S.V. Theology and thermodynamics of life and mind: the legacy of Nikolai Kobozev (1903–74) // Kopeikin K., Nesteruk A.V. (eds.) Consciousness and Matter. Mind, Brain, and Cosmos in the Dialogue between Science and Theology. Pickwick Publications, Eugene, Oregon, 2024. Pp. 153–165.
25. Сергей Иванович Вавилов. Дневники. Кн. 2. 1920, 1935–1951. М.: Наука, 2016.

The Phenomenon of Life in Natural Sciences and Theology

Sergey Vladimirovich Krivovichev – Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, member of the Russian Academy of Sciences, General Director of the Federal Research Center "Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences", Head of the project "The Phenomenon of Life in Natural Sciences and Theology: History and Nowadays" (21-011-44141).

E-mail: skrivovi@mail.ru

The notion of life is at the intersection of natural sciences and theology. From the point of view of natural sciences, the problem of the living and the non-living has not yet been solved, as has the question of continuous transitions between matter, life and consciousness. Vladimir Vernadsky considered life to be a primary concept and insisted that the boundary between living matter and inert (non-living) matter is impassable. The difference between the living and the non-living is especially evident when reviewing the problem of species in mineralogy and biology: the biological world is multifold richer than the mineral kingdom, while the gap in structural complexity from the point of view of information theory can be estimated at a dozen orders of magnitude. The nature of biological information, associated with the functional activity of biological systems, also differs. The living and the non-living also differ in a single molecular genetic apparatus in the former, therefore the nature of biological evolution is fundamentally different from mineral evolution. The concept of the discontinuous nature of the natural hierarchy is present in Christian theology, and this determines its productivity in relations with the natural sciences, which, according to Sergey Vavilov, need a "new worldview."

Keywords: life, natural sciences, theology, biology, mineralogy, information

REFERENCES

1. Trifonov E.N. Vocabulary of definitions of life suggests a definition // J. Biomolec. Struct. Dyn. 2011. Vol. 29. Pp. 259–266.
2. Journal of Biomolecular Structure and Dynamics. Vol. 29. Issue 4. 2012. Pp. 597–650.
3. Origins of Life and Evolution of Biosphere. Special Issue: Definitions of Life. 2010. Vol. 40. Pp. 119–244.
4. Koshland D.E. The seven pillars of life // Science. 2002. Vol. 295. Pp. 2215–2216.
5. Vernadskii V.I. O korennom material'no-energeticheskom otlichii zhivyykh i kosnykh estestvennykh tel biosfery. M.; L., 1939 (in Russian).
6. Zhabin A.G. Sushchestvuet li evolyutsiya vidoobrazovaniya mineralov na Zemle? // Dokl. AN SSSR. 1979. T. 247. № 1 (in Russian).

7. Yushkin N.P. Evolyutsionnye predstavleniya v sovremennoi mineralogii // Zapiski VMO. 1982. T. 116. № 4. S. 432–442 (in Russian).
8. Hazen R.M., Papineau D., Bleeker W., Downs R.T., Ferry J.M., McCoy T.J., Sverjensky D.A., Yang H. Mineral evolution // Amer. Mineral. 2008. Pp. 1693–1720.
9. Pavlinov I.Ya. Problema vida v biologii – eshchy odin vzglyad // Vid i vidoobrazovanie. Analiz novykh vzglyadov i tendentsii (Trudy ZIN RAN, Prilozhenie № 1). 2009. S. 259–271 (in Russian).
10. Hatert F., Mills S.J., Hawthorne F.C., Rumsey M.S. A comment on «An evolutionary system of mineralogy: Proposal for a classification of planetary materials based on natural kind clustering» // American Mineralogist. 2021. Vol. 106. Pp. 150–153.
11. Hazen R.M. Reply to “A comment on ‘An evolutionary system of mineralogy: Proposal for a classification of planetary materials based on natural kind clustering’” // American Mineralogist. 2021. Vol. 106. Pp. 154–156.
12. Krivovichev S.V., Borovichev E.A. The Concept of Species in Biology and Mineralogy: A Comparative Study, in: O.V. Frank-Kamenetskaya, D.Yu. Vlasov, E.G. Panova, T.V. Alekseeva (Eds.), Biogenic–Abiogenic Interactions in Natural and Anthropogenic Systems 2022, Springer International Publishing, Cham, 2023. Pp. 651–670.
13. Mayden R.L. A hierarchy of species concepts: the denouement in the saga of the species problem // “Species. The units of biodiversity” (Eds Claridge M.F., Dawah A.H. and Wilson M.R.), Chapman & Hall, London, 1997. Pp. 381–424.
14. Wilkins J.S. The dimensions, modes and definitions of species and speciation // Biol. Philos. 2007. Vol. 22. Pp. 247–266.
15. Moral C., Tittens D.P., Adl S., Simpson A.G.B., Worm B. How Many Species Are There on Earth and in the Ocean? // PLoS Biology. 2011. 9 (8). e100112.
16. Krivovichev S.V., Structural and Chemical Complexity of Minerals: The Information-Based Approach // L. Bindi, G. Cruciani (Eds.), Celebrating the International Year of Mineralogy: Progress and Landmark Discoveries of the Last Decades, Springer Nature Switzerland, Cham, 2023. Pp. 101–129.
17. Krivovichev S.V. The Principle of Maximal Simplicity for Modular Inorganic Crystal Structures // Crystals. 2021. Vol. 11. P. 1472.
18. Kunin E.V. Logika sluchaya. O prirode i proiskhozhdenii biologicheskoi evolyutsii. M., Tsentrpoligraf, 2014 (in Russian).
19. Barbieri M. The Organic Codes. An Introduction to Semantic Biology. Cambridge, 2003.
20. Koonin E.V. Defining life: an exercise in semantics or a route to biological insights? // J. Biomol. Struct. Dyn. 2012. Vol. 29. Pp. 603–605.
21. Maynard Smith J. The concept of information in biology // Information and the Nature of Reality. From Physics to Metaphysics. P. Davies, N.H. Gregersen, eds. Cambridge University Press. 2010. P. 123.
22. Krivovichev S.V. V.I. Vernadskii i ego uchenie o zhizni s tochki zreniya khristianskogo bogosloviya // Sretenskoe slovo. 2023. № 3. S. 99–110 (in Russian).
23. Krivovichev S.V. Teologiya i termodinamika zhizni i soznaniya v nauchnom nasledii Nikolaya Ivanovicha Kobozeva // Voprosy teologii. 2023. T. 5. № 3. S. 369–387 (in Russian).
24. Krivovichev S.V. Theology and thermodynamics of life and mind: the legacy of Nikolai Kobozev (1903–74) // Kopeikin K., Nesteruk A.V. (eds.) Consciousness and Matter. Mind, Brain, and Cosmos in the Dialogue between Science and Theology. Pickwick Publications, Eugene, Oregon, 2024. Pp. 153–165.
25. Sergei Ivanovich Vavilov. Dnevnik. Kn. 2. 1920, 1935–1951. M.: Nauka, 2016 (in Russian).

Индекс УДК 27:168

Код ГРНТИ 12.09.09

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-121-02-59-70

Д.С. КУРДЫБАЙЛО*

Слово Бога и Книга Природы в фокусе человеческого познания: предварительные замечания о периоде поздней Античности

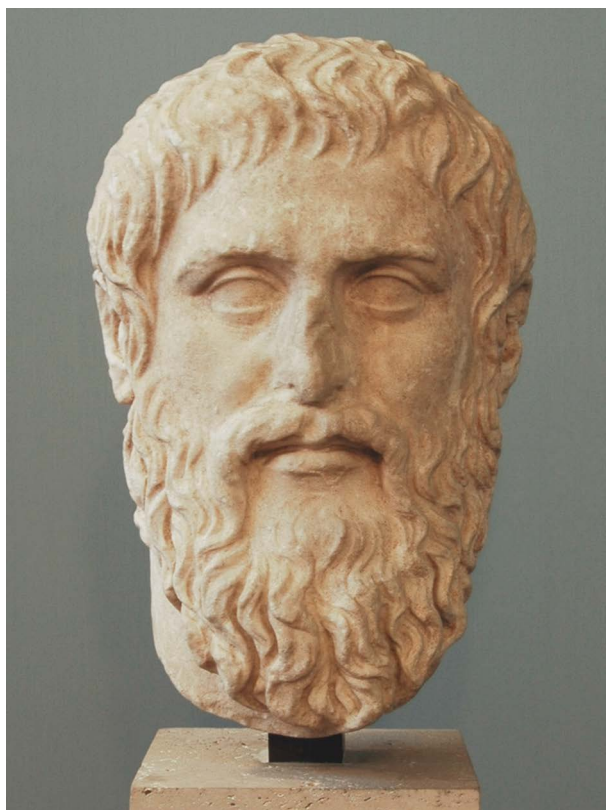
Проект посвящён разработке новой концепции истории науки, учитывающей роль теологического знания в становлении знания научного. Развитие естественных наук в высоком Средневековье и в последующие эпохи противопоставило метафорический образ «книги Природы» и Библии как книги Откровения. Однако сама эта пара понятий возникла ещё в поздней Античности, но в тот период она мыслилась в рамках не противопоставления, но взаимной дополнительнойности. Особого внимания заслуживает период III–IV вв. н.э., когда впервые происходит концептуализация «теологии» и «физики» в виде, близком к нашему современному пониманию. Если до этого времени «теологический» дискурс, как правило, ограничивался метафизической моделью той или иной философской школы, а «физический» — соответствующей моделью космологии, то теперь начинается поиск оснований для синтеза всего многообразия мифологического и естественно-научного опыта, собранного за период тысячелетнего развития эллинской культуры. Одним из таких оснований синтеза становится переосмысление роли материи и материальных предметов в их соотношении с умопостигаемым миром, что, в свою очередь, выводит на первый план понятие «символ». В статье показывается, как символический метод позволяет встроить сумму естественно-научных знаний в мировоззренческую модель теургического неоплатонизма и в христианскую философию Александрийской школы.

Ключевые слова: история науки, теология, физика, материя, символ, александрийское христианство, теургический неоплатонизм

Фундаментальный исследовательский проект «Слово Бога и Книга Природы в фокусе человеческого познания (взаимодействие христианской теологии и науки на разных исторических этапах)» выполнялся

в 2021–2022 гг. под руководством д.х.н. И.С. Дмитриева и при участии к.филос.н. Д.С. Курдыбайло (проект РФФИ 21-011-44078). Исследования по проекту были разделены на три тематических блока: а) взаимодействие теологических и науч-

* **Курдыбайло Дмитрий Сергеевич** — кандидат философских наук, доцент Института теологии СПбГУ, старший научный сотрудник РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), исполнитель проекта «Слово Бога и Книга Природы в фокусе человеческого познания (взаимодействие христианской теологии и науки на разных исторических этапах)» (21-011-44078).
E-mail: theoreo@ya.ru

Ил. 1. Платон

ных концепций в позднеантичной и раннесредневековой грекоязычной мысли; б) христианская теология как идейный ресурс и идеологический ограничитель науки раннего Нового времени, теологические корни понятия «закон природы»; в) взаимоотношения между христианской теологией и наукой века Просвещения.

Общая задача для всех тематических блоков — создание новой концепции развития науки, которая учитывала бы роль теологической компоненты этого развития. Новизна и актуальность такой постановки задачи определяются тем, что в современной литературе часто затрагивается тема соотношения науки и религии, причём, как правило, речь идёт о соотношении знания и веры, без детализированного анализа теологических концепций и теологической

аргументации¹. Традиционные подходы к изучению истории науки, как правило, сводят взаимодействие с теологическим дискурсом до отдельных эпизодов, имеющих характер противоречия или даже открытого конфликта (как часто репрезентируют вклад в истории науки Галилео Галилея, Николая Коперника, Джордано Бруно). В существе дела, однако, на протяжении исторического периода от Античности до эпохи Просвещения теологический дискурс не столько был противопоставлен научному, сколько являлся естественной интеллектуальной средой и носителем главных идейных контекстов, в которых развивалась научная мысль². Более того, противопоставление «Слова Бога» и «Книги Природы» возникает относительно поздно, на исходе Средних веков, хотя сама эта пара понятий была известна ещё в поздней античности.

Теология и физика в среднем платонизме

При этом отличие теологии от других видов знания рефлексировалось гораздо раньше. Ещё во II в. н.э. «Учебник платоновской философии» Алкиноя делит философию на теоретическую, практическую и диалектическую части, и первую из этих частей подразделяет на теологию, физику и математику³. При этом, однако, и «теология», и «физика» понимались вовсе не так, как это было очевидно во времена Галилея и тем более в наше время.

Главное основание для отличия «теологии» от «физики» заключалось в признании той картины мира, которая была сформирована Платоном (ил. 1) и его последователями в Академии. Видимый нами материальный мир, согласно платонической доктрине, имеет второстепенное значение, уступая во всём миру умопостигаемому,

¹ В значительной мере это продолжение исследовательских линий, заложенных в советской истории и философии науки [1, 2]. Любопытно отметить те же тенденции и в ставшем классическим труде Леонарда Ольшки [3].

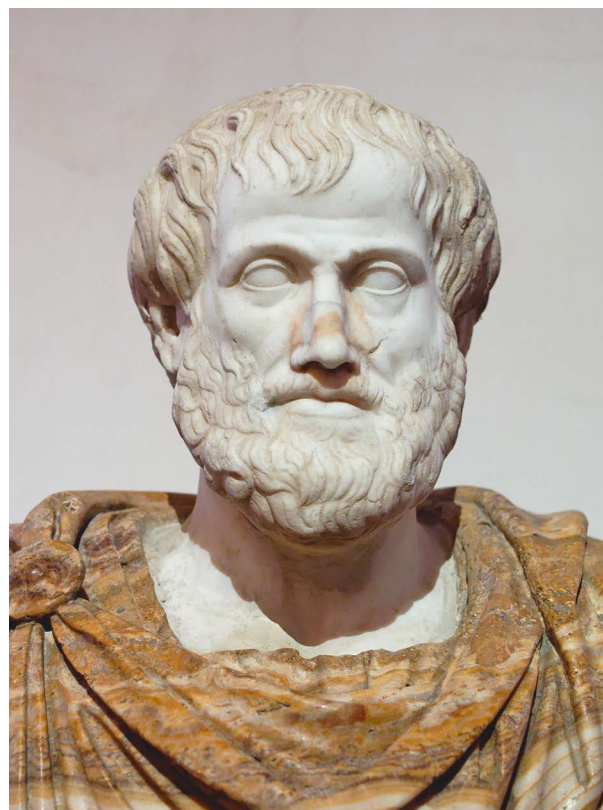
² Альтернативные интерпретации в отечественной науке стали появляться сравнительно недавно: ср. работы [4, 5], а также подготовленные в рамках данного проекта статьи [6–8].

³ Alcin. Epit. 3.1–4 [9], анализ этого места см. в [10, с. 18–20].

лежащему вне времени и пространства, неизменному, в высшей степени совершенному, обладающему абсолютной внутренней полнотой и заключающему в себе сущностное основание всего, что возникает и становится в материальном мире. А значит, область «теологии» соответствует учению об устройении умопостигаемого мира как такового, а «физика» — об устройении мира чувственного. При этом чувственный мир не обладает онтологической автономией, но, напротив, выступает как воплощение умопостигаемого, причём ограниченное, неполное и несовершенное. Таким образом, структура умопостигаемого мира задаёт структуру мира чувственного — и как целого, и каждого отдельного живого существа или предмета в отдельности.

Таким образом, платоническая «физика» (в отличие от «Физики» Аристотеля) (ил. 2) также не обладает автономией как отдельная отрасль знания: она обнаруживает себя как проекция «теологии» в материальном мире. При этом «теология» сама по себе — вполне автономная область знания, которая, по существу, даже не является наукой в строгом смысле слова, расширяясь до знания, имеющего священный, едва ли не религиозный статус. Примечательно, что различие областей философии, данное Алкином, задаёт их иерархическое соотношение: теология предшествует всем остальным областям философии, обосновывает их. Используя термин Платона, этот вид знания может быть назван *беспредпосылочным*,¹ в отличие от других видов знания, которые получают свои базовые термины и аксиомы не от самих себя, но извне.²

Платоническая «физика» включает несколько важнейших разделов: это учение о создании космоса и человека Демиургом на основе текста «Тимея»³, учение

Ил. 2. Аристотель

об устройении космических сфер на основе видения Эра в «Государстве»⁴ и классификация живых существ, населяющих вещественный космос: наряду с людьми и животными это герои, даймоны и низшие боги (*Alcin. Epit. 15–16*). Небесные светила традиционно также мыслились одушевлёнными не только в платоновской традиции, но и далеко за её пределами, включая раннее христианство. К разделу «физики» Алкиной добавляет также то, что мы сейчас называем анатомией и физиологией человека.

Очевидно, что сумма знаний, накопленная античной мыслью к началу нашей эры, простиралась гораздо шире указанного выше перечня тем. Даже одного списка названий трактатов Аристотеля — от «Метеорологии» до «О хождении животных» — достаточно, чтобы убедиться в принци-

¹ Подробнее об этом понятии см. [11, с. 742–778].

² Procl. in Eucl. 30.21–32.2 [12].

³ Plat. Tim. 52d–89c; Alcin. Epit. 12.2–23.2.

⁴ Plat. RP X 616b–617e; Alcin. Epit. 14.4–7.

Ил. 3. Климент Александрийский

пиальной недостаточности рамок платонической классификации наук. И касается это не только естествознания и медицины, но и предваряющей их составляющей — теологической.

Как известно, одно из обвинений, предъявленных на суде над Сократом, заключалось в «безбожии» (*Xenoph. Mem.* 1). И хотя ни Сократ, ни Платон не были атеистами в современном смысле этого слова, всё же и в их учениях, как может показаться на первый взгляд, боги традиционной греческой религии не занимают по-настоящему значительного места. В среднем платонизме роль богов-олимпийцев со временем также становится менее заметной.¹ Однако чем более «теология» оформлялась в последовательную, иерархически упорядоченную метафизическую систему, тем более ощутимой становится дистанция между ней и массивом мифо-

логического наследия, сохраняющего свою актуальность в том числе и среди наиболее утончённых эллинистических мыслителей. Первые века нашей эры знаменуют усиливающийся интерес грекоязычных авторов к древнеегипетской культуре, а также их готовность изучать тексты Древнего Израиля, Сирии, Месопотамии и т.д.² То, что в наше время воспринимается как религиозный синкретизм, для I–III вв. н.э. было периодом перехода от метафизики как теоретического знания к метафизике как религиозной практике [14, с. 14–19]. Именно в этой перспективе она становится «теологией» в собственном смысле слова: это уже учение не столько об уровнях умопостигаемой иерархии, сколько о богах, эти уровни конституирующих.

Таким образом, если у Алкиноя «теология» и «физика» даны в узкоспециальном виде, ограничиваясь предметным полем платоновских диалогов, то в это же самое время назревает необходимость фундаментального расширения обоих понятий. «Физика» расширяется до полноты естественно-научного знания, аккумулировавшегося в перипатетической и стоической школах, с одной стороны, а «теология» — до полноты мифопоэтических построений средиземноморских и ближневосточных культур — с другой. И простым расширением платонической доктрины на новый предметный материал обойтись здесь было невозможно. Тот интеллектуальный поворот, который происходит во II–IV вв. н.э., знаменует важную историческую веху, начиная с которой теология и естественные науки вступают в диалогическое взаимодействие.

Эпоха «теургического поворота»

Практически одновременно, в течение III в. н.э. как в христианской, так и в языческой среде начинается включение этой

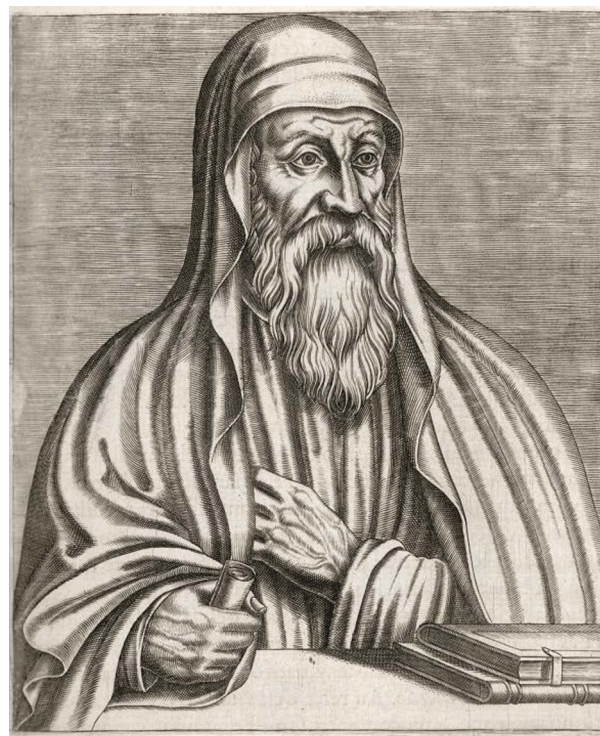
¹ Здесь имеет место и аллегорическое понимание богов, заимствованное из стоицизма (напр., у Антиоха из Аскалона), и преобладание интереса к богам негреческого происхождения (напр., у Плутарха), и стремление к сокращению числа первых божественных начал (напр., у Нумения из Апамеи и Плутарха).

² На примере Филона Александрийского можно видеть и встречное движение, когда в иудейской среде возникает глубокий интерес к эллинской культуре [13].

обширной суммы знаний в рамки базовых мировоззренческих моделей. Главными представителями этого направления в христианской традиции среди христиан оказываются главы Александрийского огласительного училища Климент (ил. 3) и Ориген (ил. 4), а среди язычников как в Афинах, так и в Александрии – основатель неоплатонизма Плотин (ил. 5) и его последователи.

Раньше других это стало заметно у христианских мыслителей, которые быстро раздвигают рамки преподавания вероучения, включая в них начала математики (геометрии и арифметики) и естественных наук (прежде всего, астрономии), учения о формах политического устройства общества, а также дисциплины, связанные с языком, речью, принципами аргументации и истолкования текстов¹. Наиболее примечательно, что несмотря на строгие убеждения, касающиеся Бога и его отношений с миром и человеком, Климент и Ориген тщательно изучают все языческие философские системы, известные в их время², утверждая, что их представители не обладали полнотой истины, но в то же время не были совершенно лишены истины и блага. Нацеленность на максимальное расширение горизонта знания в области философии в итоге приводит к тому, что александрийские мыслители, сохраняя приверженность библейской мысли, широко используют интеллектуальный инструментальный «внешних» философских учений, тем самым формируя то, что получает со временем название «христианской философии».

Можно наблюдать, как ярчайший представитель христианского платонизма Ориген использует стоическое учение о сменяющихся периодах времени, на которые

Ил. 4. Ориген

разделено сверхисторическое бытие Вселенной³; вместе со стоиками он признаёт материальность всего, что существует в космосе (делая исключение только для Бога)⁴; несмотря на острую критику гностицизма [19], довольно близок к гностической концепции предмирного отпадения умопостигаемых сил от Бога⁵ и т.д.

Иными словами, Ориген, сохраняя основные положения платонизма, в той мере, в которой он оказывается вынужден включать новые факты и области знания, для их соединения в стройную теоретическую систему добавляет вторичные метафизические принципы, заимствованные из других философских школ. Таким образом платонизм Оригена расширяется и дополняется.

Схожим образом происходит и формирование метафизической базы рожда-

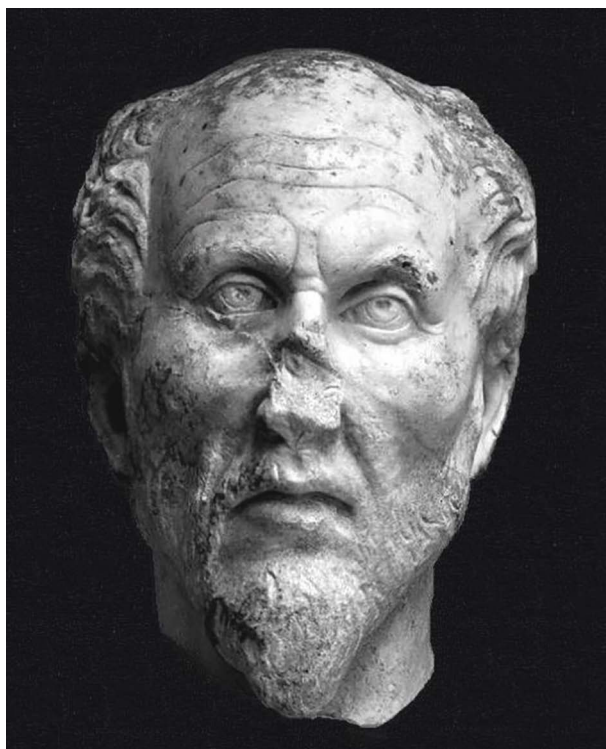
¹ Greg. Thaum. in Orig. paneg. 7.59–66; 7.85–8.27; 15.1–50 [15]; рус. перевод по изд. [16], § 102, 106–114, 174–182.

² За исключением только «произведений безбожников, которые все вместе, вышедши даже за пределы человеческого мышления, говорят, что нет Бога или промышленности», то есть эпикурейцев (Greg. Thaum. in Orig. 13.7–17 = § 151–152).

³ SVF II 596–632; [17, с. 52–54].

⁴ SVF II 301–303 sqq; Orig. De princ. 1.6.4, 179–182 [18, p. 206].

⁵ Ср. формулировки в Orig. De princ. 2.3.1.

Ил. 5. Плотин

ющегося в это же время неоплатонизма. Плотин, хотя и претендует на строгое следование учению Платона, тем не менее не отказывается от возможности встроить в свою философию учение Аристотеля о потенции и энергии, пересматривает его систему категорий, развивает учение о материи, полемизирует со стоиками и гностиками¹. Позднее Александрийская школа неоплатонизма практически целиком посвятит себя комментированию трактатов Аристотеля [10, с. 133–134]. Пристальное внимание к «Метафизике» Аристотеля обнаруживается и в Афинской школе в конце IV – начале V в.²

С другой стороны, и в христианском, и в языческом платонизме усиливается интерес к культовой практике и мистическому опыту. Климент Александрийский упо-

минает дивинацию как одну из наук, изучаемых язычниками наряду с геометрией и астрономией³. Немного позднее Ориген скажет, что «магия не во всех отношениях представляет собой пустое занятие; ...она, напротив, по свидетельству знатоков этого дела, есть точное и положительное [искусство], покоящееся на известных основах и правилах»⁴. И если эти слова могут быть поняты как касающиеся только язычников, то дальнейшее его рассуждение о силе имён Бога, которые обладают действенной силой, заключённой в их внешней, чисто фонетической форме, выявляет тот своеобразный «мистический реализм», который Ориген разделяет и сам [22]. То, что Ориген называет «магией», выходит, может рассматриваться и с христианской точки зрения [23].

В языческом неоплатонизме аналогичное стремление к «мистическому реализму» артикулируется в учении о теургии. Начиная с Ямвлиха философская деятельность как таковая приобретает новое понимание. Если для Плотина высшей целью жизни человека и главной целью его философии было достижение внутреннего единства человеческой души и умопостигаемого мира путём размышления и исследования себя (как чисто внутренне-созерцательная деятельность), то для Ямвлиха одних усилий человеческого ума уже недостаточно для достижения той же высшей цели. Теперь человек нуждается в помощи богов, и для того, чтобы эта помощь могла достичь материального мира и быть им воспринята, необходимы совершение определённых телесных действий и использование внешних материальных предметов. Без их посредства невозможно начать движение к умному миру – впрочем, в ходе дальнейшего совершенствова-

¹ Соответственно, трактаты Enn. 2.5, 6.1–3, 2.4, 2.7 и 2.9.

² До нас дошёл комментарий Сириана на «Метафизику», также известно, что Прокл комментировал логические трактаты Аристотеля; но из этих комментариев до нашего времени ничего не сохранилось. Ср. также роль аристотелизма в христианских догматических спорах VI в. [20].

³ Clem. Alex. Stromata 2.1.2.3.4–4.2.

⁴ Orig. Contra Celsum 1.24.16–24; рус. перев. [21, с. 436].

ния необходимость в этом вещественном посредстве отпадает¹. Тем не менее философский метод Ямвлиха и всей последующей традиции неоплатонизма получает характеристику именно как теургического, и под теургией понимается синтез тончайше проработанной метафизической теории, изложенной в пространных трактатах, с системой культовых практик, точное содержание которых хранилось в строгом секрете. Более того, возможно, что это содержание, как и сам мистический опыт, считались принципиально невыразимыми вербально [25].

Материя и символ

Главная особенность, соединяющая христианскую и языческую линии мистического реализма III–V вв. н.э., заключается в существенном пересмотре роли первой материи и материальных предметов внутри метафизической парадигмы, декларирующей преемство платонической традиции. В самом деле, и христианские, и языческие платоники остаются верны учению о вторичности вещественного мира по отношению к умопостигаемому, и именно Плотин с наибольшей определённой утверждает, что первая материя – это чисто ничто, небытие, или «меон» (от греч. τὸ μὴ ὄν). Но при этом самые простые материальные предметы, окружающие человека, как выясняется, могут воздействовать не только физически, но и умопостигаемым образом, оказывая влияние на его ум и душу [24, р. 162–169; 26, 329–348].

Такое изменение онтологической оценки материальных предметов совпадает с усилением внимания к символическому способу восприятия действительности. Начиная с Климента Александрийского (ил. 6), сперва в христианской среде, а затем и в языческой само понятие «символ» (σύμβολον) становится самостоятельным термином²,

Ил. 6. Климент Александрийский

бытование которого связано с двумя контекстами: экзегетическим и культовым. Когда-то в древности бывшие связанными вместе в практиках мантики и прорицания, к началу нашей эры эти два типа расходятся. Экзегетические символы, прежде всего, обнаруживаются при истолковании авторитетных текстов: для Филона Алексан-

¹ Iambli. De myst. 5.18, а также анализ этого места в [24, р. 147–148]. Ср.: August. De civ. Dei 10.27.

² Значительную часть V книги «Стромат» Климент посвятил разнообразным примерам символов и символизма (Strom. 5.19.1–59.6).

дрийского, Климента, Оригена и их последователей это Библия, для неоплатоников — диалоги Платона, к которым со временем будут присоединены «Халдейские оракулы» и орфические сказания.

Экзегеза священного текста в этот период — не просто благочестивое занятие или теологическое упражнение. Один из учеников Оригена прямо утверждает, что если в ветхозаветную эпоху Бог обращался к людям через пророков, то теперь вместо пророков появились люди, подобные Оригену, обладающие божественным даром, позволяющим, во-первых, понимать смысл пророчеств и, во-вторых, изъяснять этот смысл словами, доступными для многих слушателей¹. Евсевий Кесарийский будет называть Христа божественным «Герменевтом», т.е. Истолкователем, открывающим людям волю и мысли Бога Отца². Таким образом, истолкование символического смысла Писания не только становится священной деятельностью, но и оказывается возможным только как божественный дар.

С другой стороны, символами называют предметы, используемые в совершении церковных Таинств (у христиан) и теургии (у язычников). Это предметы, которые также освящают человеческий ум и в которых обнаруживаются сокровенные смыслы, — только теперь не запечатлённые в тексте Писания, а присутствующие во всём материальном космосе. Плотин афористически описывает это обстоятельство так: «всё наполнено знаками; и кто из одного познаёт иное — тот мудрец».³ В отличие от Нового времени, для Плотина и его христианских современников «книга Природы» по своему содержанию едва ли не тождественна книге Откровения — и та, и другая содержат символическим образом данное сокровенное знание, возводящее созерцающего к умопостигаемому миру.

С этой точки зрения всякий отдельно взятый предмет может рассматриваться двояко: с одной стороны, он по самому факту его существования, образу и форме бытия соответствует своему умопостигаемому первообразу, «идее», или «эйдосу», как это понималось в школьном платонизме. С другой стороны, сверх этой очевидной оформленности предмет может нести на себе следы вторичного оформления, не обусловленного его сущностью и не обязательного с точки зрения его природы. В этом вторичном оформлении и обнаруживается символическое значение: оно не очевидно, его необходимо отыскивать, а затем, отыскав, расшифровать, т.е. совершить определённую герменевтическую процедуру. При этом и познание предметов в их природной данности, и постижение их символического смысла дают человеку знание, но знание это разного порядка, и оно оказывает на человеческий ум разного рода воздействие.

И этой целью вскрытия сокровенного символического смысла объясняется углубление в математические и естественно-научные вопросы в рамках чисто метафизических учений — особенно отчётливо это заметно в александрийском неоплатонизме, где даже такие трактаты Аристотеля, как «Об истолковании», «Категории» или «Первая аналитика», в ходе построения углублённого комментария вводятся в теургический контекст⁴. В более широком смысле естественные науки как целое начинают рассматриваться, во-первых, как источник знаний, необходимых для обнаружения символического пласта в окружающем человека мире, «наполненном знаками», а во-вторых, сами эти науки начинают рассматриваться с точки зрения символизма. В трудах Прокла Диадоха мы обнаруживаем, что даже самые абстрактные

¹ Greg. Thaum. in Orig. orat. 15.4–22 (рус. перев. § 174–176).

² Euseb. Caesar. De laud. Const. 4.2.1–3.

³ Plot. Enn. 2.3.7.12–13.

⁴ До нашего времени дошли комментарии Аммония Гермия к этим трём трактатам.

понятия геометрии и топологии — точка, континуум, дискретность и т.п. — находят точные соответствия в терминологии, описывающей умопостигаемый мир [27, с. 643–682], а сами эти пары понятий могут быть связаны между собой с помощью символического метода [28].

На этом этапе теологический и естественно-научный дискурсы оказываются соотношены не в форме взаимной дополнительности, как это было в период классической Античности и среднего платонизма, и не в форме противопоставления, как это будет происходить в позднем Средневеко-

вье и затем в Новое время. Обсуждаемый период поздней Античности связывает эти два типа дискурса, основываясь на усиливающейся роли материи в метафизических концепциях и развитием учения о символе, позволяющем видеть теологически значимые содержания практически в любых видах знания — вплоть до, казалось бы, самых «приземлённых» и «прагматичных». «Слово Бога» и «Книга Природы» в этой парадигме не только не создают конфликтного напряжения между собой, но более того, являют высокую степень взаимной близости и согласованности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Традиции и революции в истории науки / Под ред. П.П. Гайденко. М.: Наука, 1991.
2. Микулинский С.Р. Очерки развития историко-научной мысли. М.: Наука, 1988.
3. Ольшки Л. История научной литературы на новых языках / Пер. с нем. Т. 1–2. М., Л.: Гос. тех.-теор. изд-во, 1933–1934.
4. Катасонов В.Н. Христианская теология и принцип инерции в физике // Вопросы теологии. 2022. Т. 4. № 3. С. 352–375.
5. Храмов А.В. «Тварь покорилась суете не добровольно»: Дискуссия о влиянии грехопадения на живую природу в свете развития палеонтологического знания // Вопросы теологии. 2022. Т. 4. № 3. С. 376–397.
6. Дмитриев И.С. Бог-Пантократор и Бог-Координатор: статус чуда в эпоху научной революции раннего Нового времени // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5. № 4. С. 116–137.
7. Дмитриев И.С. «Прикосновение холодной философии» (теологический фактор научной революции раннего Нового времени) // Социология науки и технологий. 2022. Т. 13. № 2. С. 28–49.
8. Дмитриев И.С. Теологические ипостаси натуральной философии в эпоху Просвещения // Социология науки и технологий. 2023. Т. 14. № 2. С. 40–60.
9. Albinos. Épitomé / Éd. P. Louis. Paris: Les Belles Lettres, 1945.
10. Курдыбайло Д.С. Куррикулум для теурга. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024.
11. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Т. 2. Софисты. Сократ. Платон. М.: Изд-во АСТ; Харьков: Фолио, 2000.
12. Procli Diadochi in primum Euclidis elementorum librum commentarii / Ed. G. Friedlein. Leipzig: Teubner, 1873.
13. Светлов Р.В. Рациональная теология: казус Филона Александрийского // Вопросы теологии. 2020. Т. 2. № 1. С. 65–74.
14. Светлов Р.В. Античный неоплатонизм и александрийская экзегетика. СПб.: Изд. С.-Петербургского ун-та, 1996.
15. Grégoire le Thaumaturge. Remerciement à Origène suivi de la lettre d'Origène à Grégoire / Éd. H. Crouzel (Sources chrétiennes 148). Paris: Cerf, 1969.
16. Творения святого Григория Чудотворца, епископа Неокесарийского / Пер. Н. Сагарда. Петроград: типогр. М. Меркушева, 1916.

17. Серёгин А.В. Трактат Оригена «О началах» // Философский журнал. 2015. Т. 8. № 2. С. 44–55.
18. Origène. Traité des principes, t. 1 / Éd. H. Crouzel, M. Simonetti (Sources chrétiennes 252). Paris: Cerf, 1978.
19. Кулиев О.И. Полемика Оригена с Гераклеоном // Начало: журнал Института богословия и философии. 2013. Т. 27. С. 68–83.
20. Шукин Т.А. Человечество как инструмент Слова: начало монофелитских споров и интерпретации Аристотеля в VI веке // Вопросы теологии. 2024. Т. 6. № 2. С. 213–228.
21. Ориген. О началах. Против Цельса / Пер. Л. Писарев. СПб.: Библиополис, 2008.
22. Курдыбайло Д.С. О природе имени и именования у Оригена и Ямвлиха // Наука как общественное благо: Сборник научных статей. Т. 4 / Ред. и сост. Л.В. Шиповалова, И.Т. Касавин. М.: Русское общество истории и философии науки, 2020. С. 147–152. <http://rshps.ru/books/congress2020t4.pdf>.
23. Приходько М.А. Разграничение магии и религии в трактате Оригена «Против Цельса» // Vir hermeneuticus: Сборник статей к 60-летию профессора Р.В. Светлова / под ред. Л.Е. Артамошкиной, И.Г. Гурьянова, Д.С. Курдыбайло, А.А. Сеницына. СПб.: МОО «Платоновское философское общество», Изд-во РХГА, 2024. С. 179–193.
24. Shaw G. Theurgy and the Soul: The Neoplatonism of Iamblichus. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 1995.
25. Poster C. Silence as a rhetorical strategy in Neoplatonic mysticism // Mystics Quarterly. 1998. Vol. 24 (2). Pp. 48–73.
26. Тахо-Годи А.А. Термин «символ» в древнегреческой литературе // А.А. Тахо-Годи, А.Ф. Лосев. Греческая культура в мифах, символах и терминах. СПб.: Алетейя, 1999. С. 329–361.
27. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Т. 8: Итоги тысячелетнего развития. Кн. I. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000.
28. Kurdybaylo D. Proclus on Indivisible and Continuous: Aristotelian Physics vs Platonic Theology // Platonic Investigations. 2022. Vol. 17 (2). Pp. 89–100.

The Word of God and the Book of Nature in the Focus of Human Knowledge: Preliminary Remarks on Late Antiquity

Dmitry Sergeevich Kurdybaylo – Candidate of Science (Philosophy), associate professor of the Institute of Theology of St. Petersburg State University, senior researcher of the Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg), executor of the project "The Word of God and the Book of Nature in the Focus of Human Knowledge (the relations of Christian theology and science at different historical periods)" (21-011-44078).

E-mail: theo@ya.ru

The project is dedicated to the development of a new concept of the history of science, that would account for the role of theological knowledge in the development of scientific knowledge. The development of natural sciences in the High Middle Ages and in following eras contrasted the metaphorical image of the "Book of Nature" and the Bible as a book of Revelation. However, this pair of concepts emerged in late Antiquity; but at that time it was not contradicting, but complementing each other. The 3rd–4th centuries AD deserve special attention, as the notions of "theology" and "physics" in a form close to the modern understanding first occurred. Until this time, the "theological" discourse was mainly limited to the metaphysical model of one or another philosophical school, and the "physical" one – to the corresponding model of cosmology, whereas now the search begins for the basis for the synthesis of the entire diversity of mythological and natural scientific experience collected over the period of the thousand-year development of Hellenic culture. One of the bases of synthesis is rethinking of the role of matter and

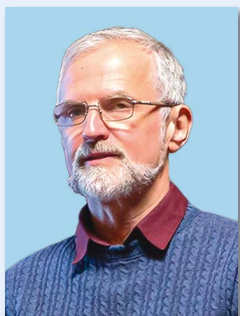
material objects in their relationship with the intelligible world, which, in turn, brings out the notion of “symbol”. The article demonstrates how the symbolic method allows to integrate the cumulative natural scientific knowledge into the worldview model of theurgic Neoplatonism and into the Christian philosophy of the Alexandrian school.

Keywords: history of science, theology, physics, matter, symbol, Alexandrian Christianity, theurgic Neoplatonism

REFERENCES

1. Traditsii i revolyutsii v istorii nauki / Pod red. P.P. Gaidenko. M.: Nauka, 1991 (in Russian).
2. Mikulinskii S.R. Ocherki razvitiya istoriko-nauchnoi mysli. M.: Nauka, 1988 (in Russian).
3. Ol'shki L. Istoriya nauchnoi literatury na novykh yazykakh / Per. s nem. T. 1–2. M., L.: Gos. tekhn.-teor. izd-vo, 1933–1934 (in Russian).
4. Katasonov V.N. Khristianskaya teologiya i printsip inertsii v fizike // Voprosy teologii. 2022. T. 4. № 3. S. 352–375 (in Russian).
5. Khramov A.V. «Tvar' pokorilas' suete ne dobrovol'no»: Diskussiya o vliyani grekhopadeniya na zhivuyu prirodu v svete razvitiya paleontologicheskogo znaniya // Voprosy teologii. 2022. T. 4. № 3. S. 376–397 (in Russian).
6. Dmitriev I.S. Bog-Pantokrator i Bog-Koordinator: status chuda v epokhu nauchnoi revolyutsii rannego Novogo vremeni // Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2021. T. 5. № 4. S. 116–137 (in Russian).
7. Dmitriev I.S. «Prikosnovenie kholodnoi filosofii» (teologicheskii faktor nauchnoi revolyutsii rannego Novogo vremeni) // Sotsiologiya nauki i tekhnologii. 2022. T. 13. № 2. S. 28–49 (in Russian).
8. Dmitriev I.S. Teologicheskie ipostasi natural'noi filosofii v epokhu Prosveshcheniya // Sotsiologiya nauki i tekhnologii. 2023. T. 14. № 2. S. 40–60 (in Russian).
9. Albinos. Épitomé / Éd. P. Louis. Paris: Les Belles Lettres, 1945.
10. Kurdybailo D.S. Kurrikulum dlya teurga. Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2024 (in Russian).
11. Losev A.F. Istoriya antichnoi estetiki. T. 2. Sofisty. Sokrat. Platon. M.: Izd-vo AST; Khar'kov: Folio, 2000 (in Russian).
12. Procli Diadochi in primum Euclidis elementorum librum commentarii / Ed. G. Friedlein. Leipzig: Teubner, 1873.
13. Svetlov R.V. Ratsional'naya teologiya: kazus Filona Aleksandriiskogo // Voprosy teologii. 2020. T. 2. № 1. S. 65–74 (in Russian).
14. Svetlov R.V. Antichnyi neoplatonizm i aleksandriiskaya ekzegetika. SPb.: Izd. S.-Peterburgskogo un-ta, 1996 (in Russian).
15. Grégoire le Thaumaturge. Remerciement à Origène suivi de la lettre d'Origène à Grégoire / Éd. H. Crouzel (Sources chrétiennes 148). Paris: Cerf, 1969.
16. Tvoreniya svyatogo Grigoriya Chudotvortsya, episkopa Neokesariiskogo / Per. N. Sagarda. Petrograd: tipogr. M. Merkusheva, 1916 (in Russian).
17. Seryogin A.V. Traktat Origena «O nachalakh» // Filosofskii zhurnal. 2015. T. 8. № 2. S. 44–55 (in Russian).
18. Origène. Traité des principes, t. 1 / Éd. H. Crouzel, M. Simonetti (Sources chrétiennes 252). Paris: Cerf, 1978.
19. Kuliev O.I. Polemika Origena s Gerakleonom // Nachalo: zhurnal Instituta bogosloviya i filosofii. 2013. T. 27. S. 68–83 (in Russian).

20. Shchukin T.A. Chelovechestvo kak instrument Slova: nachalo monofelitskikh sporov i interpretatsii Aristotelya v VI veke // Voprosy teologii. 2024. T. 6. № 2. S. 213–228 (in Russian).
21. Origen. O nachalakh. Protiv Tsel'sa / Per. L. Pisarev. SPb.: Bibliopolis, 2008 (in Russian).
22. Kurdybailo D.S. O prirode imeni i imenovaniya u Origena i Yamvlikha // Nauka kak obshchestvennoe blago: Sbornik nauchnykh statei. T. 4 / Red. i sost. L.V. Shipovalova, I.T. Kasavin. M.: Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauki, 2020. S. 147–152. <http://rshps.ru/books/congress2020t4.pdf> (in Russian).
23. Prikhod'ko M.A. Razgranichenie magii i religii v traktate Origena «Protiv Tsel'sa» // Vir hermeneuticus: Sbornik statei k 60-letiyu professora R.V. Svetlova / pod red. L.E. Artamoshkinoi, I.G. Gur'yanova, D.S. Kurdybailo, A.A. Sinitsyna. SPb.: MOO «Platonovskoe filosofskoe obshchestvo», Izd-vo RKHGA, 2024. S. 179–193 (in Russian).
24. Shaw G. Theurgy and the Soul: The Neoplatonism of Iamblichus. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 1995 (in Russian).
25. Poster C. Silence as a rhetorical strategy in Neoplatonic mysticism // Mystics Quarterly. 1998. Vol. 24 (2). Pp. 48–73.
26. Takho-Godi A.A. Termin «simvol» v drevnegrecheskoi literature // A.A. Takho-Godi, A.F. Losev. Grecheskaya kul'tura v mifakh, simvolakh i terminakh. SPb.: Aleteiya, 1999. S. 329–361 (in Russian).
27. Losev A.F. Istoriya antichnoi estetiki. T. 8: Itogi tysyacheletnego razvitiya. Kn. I. M.: AST; Khar'kov: Folio, 2000 (in Russian).
28. Kurdybaylo D. Proclus on Indivisible and Continuous: Aristotelian Physics vs Platonic Theology // Platonic Investigations. 2022. Vol. 17 (2). Pp. 89–100.

Р.В. СВЕТЛОВ*

Античные истоки рациональной теологии. Опыт исследования в рамках проекта РФФИ

Рациональная теология обладает рядом универсальных характеристик. Именно эти характеристики, а также причины их появления стали предметом изучения исследовательской группы проекта 21-011-44178 «Формирование рациональной теологии в Античности и раннем Средневековье». Публикуемый материал является обобщением опыта работы исследователей прежде всего в контексте специфики возникновения и существования рациональной теологии и её универсалий в греко-римскую эпоху и в эпоху раннего Средневековья. Античная религия была не ортодоксией, но в первую очередь ортопраксией. В результате рационализации верований прояснение смыслов религиозных операций возникало не от лица держателей религиозных практик, жрецов, но благодаря интеллектуалам, в первую очередь – философам. Гераклит и Платон, Аристотель и Плотин полагали себя вполне правомочными носителями религиозной традиции. Именно по этой причине античная философия стала местом формирования рациональной теологии и её универсалий, ряд из которых существует до настоящего момента.

Ключевые слова: рациональная теология, её универсалии, платонизм и неоплатонизм, античная религия

Конкурс РФФИ «Теология» стал хорошей исходной площадкой для исследований в этой достаточно новой для научной номенклатуры России научной области. Исследовательская группа, в которую помимо автора данной статьи входили также Рустам Баевич Галанин, Максим Сергеевич Никулин и Максим Александрович Приходько, обратилась

к историческим истокам рациональных теологических концептов¹ (ил. 1). Очевидно, что с исторической точки зрения значимым для западной и отечественной традиции местом их формирования являются античная философия, а также раннее христианское богословие. Обычно начало мышления о божественном трактуется как формирование философской теоло-

* **Светлов Роман Викторович** — доктор философских наук, заведующий кафедрой богословия и церковной истории института теологии СПбГУ, руководитель проекта «Формирование рациональной теологии в Античности и раннем Средневековье» (21-011-44178).
E-mail: spatha@mail.ru

¹ Итогом работы стала коллективная монография [1].

Ил. 1. Монография
«Истоки рациональной теологии»

гии — т.е. попытки философии осмыслить реальность религиозного опыта и само религиозное учение. Философская теология рассматривается в контексте рациональной как более широкого понятия [2, с. 13–31].

«Держатели смыслов» античной религии

Здесь, правда, возникает существенное затруднение, которое необходимо прояснить. В античном мире интеллектуальные новации в области религии были связаны не с собственно «религиозными специалистами» (жрецами), каковые являлись главным образом хранителями поведенческих (обрядовых) ценностей и сакрального права, а с теми, кто мог указать на какие-то эмпирические проявления божественной воли (ил. 2). Религиозные новации, даже если они диктовались небесами (через сивилл, оракулов), касались не ценностей и смыслов, а конкретных практик и религиозных объектов, и санкционировались общиной. Религия

античных Греции и Рима определялась не догматикой, но конкретными нормами религиозного (и социального) поведения, а также выраженным в поэмах Гесиода и в «Гомеровских гимнах» литературным консенсусом по поводу характеристик наиболее важных божественных персонажей. Непосредственное управление со стороны богов осуществлялось с точки зрения античного человека через оракулов, божественные знаки, неожиданные повороты судьбы и экстраординарные явления. Но всё это касалось уточнения практик, а не смыслов.

Тему смыслов начинают привносить поэты, в первую очередь Гесиод с его проповедью праведной жизни, а также рассказом о богине Правде, благодаря которой Зевс действует справедливо (Hes. Erg. 254–265); отчасти — лирики (ср. песнь Пиндара в честь Ксенофонта Коринфского (Pind. Od. 13)), несомненно — античные драматурги. Но наиболее важную роль в этой рефлексии над смыслами, стоящими за религиозными отправлениями, играли, безусловно, античные философы — начиная с Ксенофана и Гераклита, а быть может, и Анаксимандра [3–5].

Проблема, впрочем, заключается в том, что в структуре греческой и римской религий не было закреплённых «держателей смыслов». Некоторым образом в качестве такового «держателя» выступала сама община, со всем массивом записанного и неписанного права, разнообразных и порой разноречивых представлений о богах, которые управляли её жизнедеятельностью. Она же была и решающим актором взаимодействия с божественной сферой. Обратим внимание, когда Сократ в «Апологии» спрашивает у обвинителей, кто же является настоящим знатоком в деле образования (частью которого было и приучение молодого человека к религиозным нормам), те последовательно говорили о законах, коллективе судей и полисе в целом (Pl. Apol. 24d–25a). Носителем истин религиозного была община, и эти истины в первую очередь были связаны с религиозной практикой.

Ил. 2. Жрец и жрица. Афинский барельеф II в. н.э.

В какой-то степени такими носителями являлись и поэты, особенно эпические («Гомер — учитель Эллады»), лирические, составлявшие дифирамбы в честь богов для религиозных фестивалей, и театральные. Однако античные поэтические «сказы о богах» не обладают необходимой теологической обязательностью, это постоянно меняющиеся вариации на «джазовые стандарты» мифологических сюжетов, к тому же, как правило, связанные с конкретными политическими обстоятельствами.

Отсюда кажущаяся странной для нас довольно длительная индифферентность греков к «вольнодумцам» — от гомерохулиателя Ксенофана до Протагора и Крития¹, Анаксагора и Демокрита, а позже, эпикурей-

цев. Преследования софистов, Анаксагора, а также казнь Сократа были вызваны спецификой политической и интеллектуальной обстановки в Афинах «позднего» Перикла и Пелопоннесской войны, а также страхом афинян перед тем, что их дискурс о богах угрожал привычным нормам поведения полиса и формам подкрепления его единства — через культы богов-покровителей общины. Этот «кейс» не применим к другим греческим общинам, да и Афинам «антиинтеллектуализм» был свойственен в течение жизни двух-трёх поколений, не более того.

В античном мире не было теологии в сколь-либо привычном нам смысле этого слова². Теологи в ту эпоху — те, кто говорят о богах, сообщают предания о них, об их

¹ См. об «атеизме» Крития материал Р.В. Галанина [6].

² Разнообразные «теологии», рассматриваемые, например, в сборнике «Теология древнегреческой религии», являют собой описание представлений о судьбе, смерти, происхождении законов, морали и т.д., почерпнутых из античной литературы, которая сама по себе не имела теологического статуса. Эти представления были весьма вариативными «общими местами» античного сознания (во многом «народной теологией»). Терминологически интересно, что платоновский теологический «проект» трактуется в сборнике как «секуляризация» теологии [8, с. 301–316]. Очевидно, что слово «теология» в данной работе используется в максимально широком и амбивалентном смысле. Ср. с позицией участников проекта [9].

деяниях. И это в первую очередь поэты. О них писал Августин: «В тот же период времени существовали поэты, которых называют теологами за то, что они писали стихи о богах, но о богах таких, которые были... людьми, или были стихиями... мира, или же по воле Творца и за свои заслуги облечены были начальствованием и властью» (De Civ. XVIII 14). Если искать какой-то аналог авраамическому Писанию в Античности, то это – сборники оракулов и сакральное право. Но второе касается практических и прагматических сторон жизни, оракулы же – это божье слово по конкретному случаю. А не космология, метафизика и моральная проповедь. Собственно, и греческое понятие «благочестие» – *θεοσεβεια*, как и римское понятие *religio*, предполагало именно скрупулёзность в исполнении обязанностей, не ортодоксию, но ортопраксию [7, с. 30–32]. Это касалось всего, в том числе и мистериальных практик, которые зачастую рассматриваются как некий особый аспект античной «духовности». Диоген Лаэртский демонстрирует, что афиняне те же Элевсинские мистерии воспринимали прежде всего в прагматическом смысле: «Афиняне просили его (Диогена Синопского. – Р.С.) принять посвящение в мистерии, уверяя, что посвящённые ведут в Аиде лучшую жизнь. “Смешно, – сказал Диоген, – если Агесилай и Эпаминонд будут томиться в грязи, а всякие ничтожные люди из тех, кто посвящён, – обитать на островах блаженных!”» (Diog. De vita. VI.39.; пер. М.Л. Гаспарова).

Вот что пишет о необходимости сохранения «отеческих обычаев» Филипп Опунтский в «Послезаконии»: «Законодатель, хоть чуть-чуть обладающий умом, никогда не отважится производить здесь нововведения и не допустит, чтобы его государство поддерживало новые, ещё неясные культы. Он не станет препятствовать жертвоприношениям, установленным оте-

ческими обычаями, так как он ровно ничего не понимает в этих делах, ведь смертной природе невозможно всё это знать» (Epin. 985c-d; пер. А.Н. Егунова).

При этом излишнее внимание к этой области порицалось, примером чему может быть описание «суеверности» в «Характерах» Теофраста. Сказанное не означает, что в античном мире не было людей, ориентированных на «внутреннее» благочестие, однако этот психосоциальный тип, судя по всему, не «культивировался» так, как это будет происходить в первые века нашей эры не только в христианской, но и в языческой среде.

Философская «коррекция» религиозных представлений

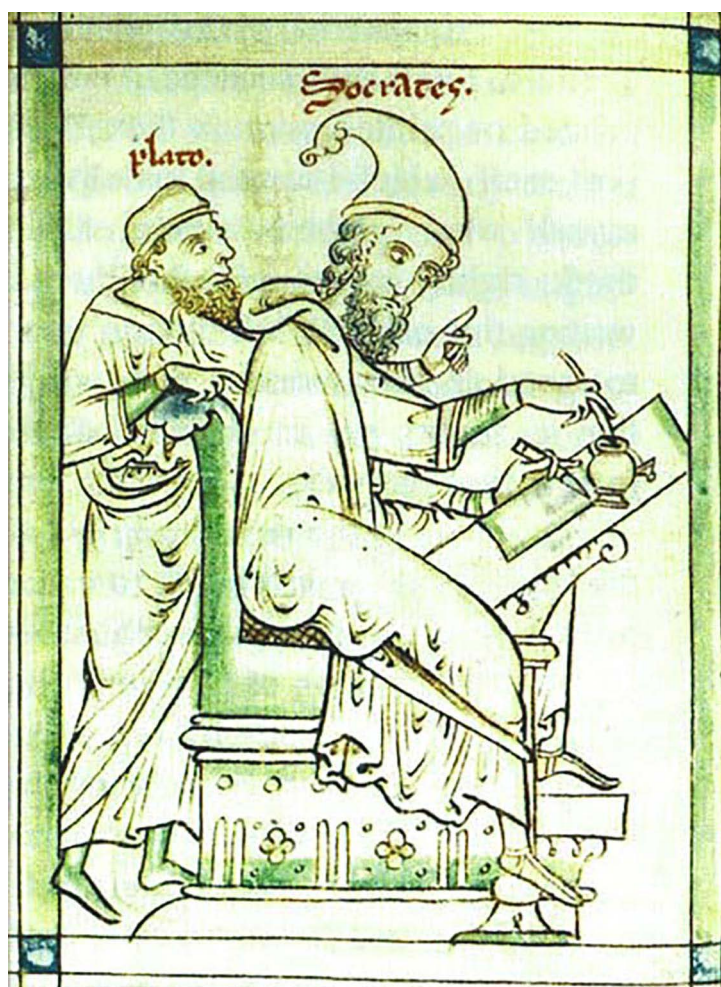
Философия возникает в античном мире в качестве той силы, которая критиковала мифические представления о богах, обращала внимание на противоречия между описанием их нрава и поступков у эпических поэтов и нормами гражданской полисной морали. Однако за исключением упомянутых выше «вольнодумцев» большинство античных философов не занимали позиции внешнего по отношению к текущему состоянию полиса рассудка. Они были скорее толкователями наличных религиозных представлений, их «корректорами», возводя их к разумному основанию, которое соответствовало бы их космологии и онтологии. Такая роль «корректора» не опротестовывалась общиной, хотя зачастую становилась предметом публичной иронии у тех же комедиографов. В каком-то смысле Академия, Стоя, Ликей принимали на себя функции, которые в последующем будут дарованы Вселенским Соборам – хотя санкции на это со стороны общины не было. Но не было и запрета на подобный интеллектуальный эксперимент, если его итоги не противоречили принятому укладу жизни¹.

¹ С этой точки зрения эпикурейцы, хотя и утверждавшие, что боги существуют, трактовались как безбожники, ибо их «теология» разрушала представления о необходимости служения богам, т.е. требовала существенного изменения всего социального уклада жизни.

Согласно античным представлениям, вселенная происходит из первоначала (хаоса), которое трактуется не как творящая божественная природа и даже не как источник, по отношению к которому мир является его манифестацией. Хаос не проявляется, он остаётся в подземных глубинах, где заложены страшные и мрачные истоки и исходы всего сущего (Hes. Theod. 735–745). Боги рождаются и развиваются вместе с космосом, являются его элементами, пусть бессмертными и правящими различными аспектами универсума. Философия, которая рассуждает о началах и причинах всего сущего (тех самых «истоках и исходах»), ищет также объяснение фигурам богов. Это совсем иная интеллектуальная и культурная ситуация, чем привычный нам контекст религии откровения: античные боги вписаны в природу настолько очевидно, что, например, физическая аллегореза в их понимании появляется на самой заре интеллектуальной истории (Теаген Регийский). А Гераклит вещает, что «Мир не создал никто из богов и никто из людей...» (Clem. Strom. V, 103, 6).

В итоге философ, который предлагает проект «правильной» теологии, является не учёным, проясняющим какую-то религиозную интеллектуальную традицию, выраженную в Писании, способах его трактовки и догматических положениях (как это происходит в случае философской теологии Томаса Рида, Канта или Вл. Соловьёва), а тем, кто сам формирует эту традицию. И потому плоды его трудов вполне возможно именовать «рациональной теологией»: он воспринимает себя таким же выразителем традиции, как и жрецы, осуществляющие религиозные требы. И куда более адекватным выразителем, чем обыватель.

Обратим внимание на интересный факт. Парменид пишет «Поэму» в подражание

Ил. 3. Платон и Сократ. Средневековая миниатюра

дидактическому эпосу Гесиода (в первую очередь — «Теогонии»), а решающие слова о сущем в ней произносит богиня, давая своему слушателю философское откровение. Современник Парменида Гераклит создаёт своё сочинение «О природе», очевидно, подражая сборникам оракулов. Едва ли это свидетельствует лишь о том факте, что философское сочинение к тому моменту ещё не нашло жанровую «нишу» для своего существования. Здесь ещё и претензия на совершенное знание, в том числе в области божественной.

Отдельного обсуждения достойна специфика представления образа Сократа и его «теологии» в сочинениях Платона [10]. Черты диалектика, ироника, эленхика у него смешаны с очевидными чертами пророка и медиума. Едва ли это — дань определённым условностям времени (ил. 3).

В конце концов Сократ неоднократно обсуждает различные виды божественной мании («Федр» — в отношении прорицания, «Апология» и «Ион» — в контексте поэтического творчества), в «Федре» он сам говорит о вдохновении-указании на произнесение покаянной песни, полученном им (Phaedr. 242b-c). Речь в «Пире» о подлинной природе Эроса и благочестивом учении о нём вкладывается в уста пророчицы Диотимы, Сократ-медиум лишь пересказывает её.

Универсалии античной философской теологии

Отметим, что целый ряд концептов, содержащихся в текстах Платона, оказал формирующее воздействие на античные теологические представления — как «философские», так и утвердившиеся в сознании «рядового» грека или римлянина. Некоторые из них были свойственны именно эпохе языческой Античности. Вот три наиболее характерных. 1. Учение о душепереселении и божественном воздаянии за несправедливость, хотя его истоки мы видим в орфико-пифагорейском движении, получило «каноническое» выражение в текстах Платона. 2. «Астральное» прочтение традиционных богов, которое мы видим во II книге «Государства» и в «Тимее», — нарратив, имеющий прямое отношение к формированию астральной религии как части языческого религиозного комплекса времён эллинизма и поздней Античности. 3. Чётко сформулированное в «Государстве» суждение о том, что небесные боги не покидают соответствующие им места, наложило запрет на представления о божественном кенозисе, что видно по критике христологии у того же Цельса (см. Origen. Contra Celsum. IV.5).

Другие такие концепты стали универсалиями рациональной теологии не только в античном мире, но и в будущем. 1. Прежде всего укажем на «космологический» аргумент, представленный в «Воспоминаниях о Сократе» Ксенофонта и развёрнуто

изложенный в Платоновских «Законах». 2. На наш взгляд, аргумент от аналогии, который приводится Феофилом Антиохийским в его «Апологии к Автолику», вырастает из дискурса «Алкивиада I» [11]. 3. Толкования на первую и вторую главы книги Бытия, начиная с Филона Александрийского и далее в христианском богословии несут на себе чёткие следы влияния «Тимея» (в том варианте его толкования, когда идеальная парадигма трактуется как замысел демиурга, не как что-то внешнее ему) и аристотелевского учения о причине возникновения «по искусству». Отметим, что они оказываются связаны и с будущей раннесредневековой антропологией [12, 13]. 4. В «Законах» и «Послезаконии» (как и в аристотелевском трактате «О философии») можно увидеть предпосылки двух способов получения знания о божественном: естественного (наблюдение за природой) и «по научению», которые закрепляются в раннехристианской традиции [14, 15].

Некоторые представления Платона о божественном руководстве мирозданием получают неожиданное визуальное выражение. Мы имеем в виду изображение космического универсума в виде сферы, крест-накрест (наподобие буквы «Х»), охваченной мировой душой. Этот образ из «Тимея» (Pl. Tim. 36c) встречается на реверсах монет римской эпохи — вплоть до христианской эпохи [16].

Примеры таких универсалий не ограничиваются Платоном и Аристотелем (сознательно оставляем за скобками необъятную тему аристотелевского Ума-Перводвижителя). Довольно много прибавили стоики — при этом отметим, что аргументы в пользу разумного руководства миром у них вплетены в рассуждения по поводу физической картины мира: теология здесь — часть физики как раздела философии. Та же стоическая физика разрабатывает формы телеологического объяснения мира и концепцию Промысла вопреки эпической и трагической идее судьбы.

Теология и философия в неоплатонизме

Продемонстрированный нами строй античной мысли делает понятным, отчего теология как самостоятельная субдисциплина начинает вычлениваться из философии лишь в неоплатонизме. Да и то не противопоставляется философскому дискурсу, но некоторым образом завершает и венчает его. Недаром Прокл полагает, что подлинный философ является «иереем» всего сущего (Marinus. Procl. 19).

Правда, неоплатонизм возникает и развивается в эпоху отчётливой и активной «конкуренции откровений», когда язычество вынуждено искать иной тип священных текстов, отличающийся от сборников оракулов, тип, который по своей полноте и консистентности мог бы соперничать с еврейской Библией, а также христианским Писанием (с конца III столетия таким же конкурентом становится манихейский канон). Благодаря «Философии из оракулов» Порфирия мы знаем о том, что в эти века богам задавались настоящие теологические вопросы (например, о статусе различных божественных сущностей). Но наиболее показательным является пример «Халдейских оракулов», теософской поэмы второй половины II в. н.э. Этот текст уже претендовал и на метафизические глубины, и на теологическую истину, и на проповедь поведенческих норм, параллельно легитимируя существование магов-теургов (ил. 4). Характерно, что появление и этой поэмы было связано с именем Платона. По словам Михаила Пселла, поклонники данного текста верили, что Юлиан теург смог получить сокровенное знание, поскольку его отец, Юлиан старший (Халдей), свёл его душу с душой Платона, «сообщавшуюся с Аполлоном и Гермесом, и [тот] прозревал эту душу священным искусством, и узнавал от неё всё, что ни пожелает» (Пер. А.В. Гараджи, цит. по: [17, с. 390]).

Античные авторы «тестировали» различные нарративы на возможность отсылки к ним как носителям глубинных истин.

Можно указать на трактат «Об Исиде» Плу-тарха Херонейского и на Нумения из Апа-меи с его представлением о вечных истинах, представленных в писаниях и учениях различных народов. В каком-то смысле идеи Нумения (позже Порфирия, Ямвлиха, Юлиана Отступника) — это та же стратегия, которую использовали и христианские авторы, видевшие в Вергилии, Гераклите, Сократе, Гермесе Трисмегисте языческих пророков о Христе или даже «христиан до Христа».

Несомненно, трактовка текстов Платона как боговдохновенных, а его самого как «божественного» автора — завершение периода поиска Писания в язычестве, правда, произошедшее уже на самом закате и в кругах языческих интеллектуалов (Ямвлих Халкидский и поздний неоплатонизм). Неудивительно, что к платоновским диалогам неоплатоники добавляли также «Халдейские оракулы», так называемые «Поэмы» Орфея, и в каком-то смысле — вообще все канонические античные тексты, особенно Гомера и Гесиода.

Неоплатонизм в целом — уникальное явление, своего рода тип философско-религиозной святости, когда философия понималась не просто как способ разумного познания мира, а как тотальная поведенческая и интеллектуальная практика (включая в себя исполнение своеобразно — теургически — понимаемых религиозных обязанностей), которая должна приводить к постижению высших начал и преобразованию (обожению) самого человека. То, что в глазах современного человека выглядит как некоторая возгонка интеллекта к парадоксальной возможности суждения о трансцендентном начале (особенно это видно в ряде трактатов Плотина, а также в работе «О началах» Дамаския Диадоча), являлось только видимой нам стороной интеллектуальных и в целом жизненных практик неоплатоников. Для них самих это была деятельность, полностью соотнесённая со специфическим пониманием святости, как и правильного теологического умозрения. О последнем отчётливо

Ил. 4. Статуя Гекаты, одной из важнейших божественных фигур халдейской теологии – III в. н.э.; Анталья, Турция

пишет Ямвлих в трактате «О египетских мистериях», различая дискурсы, которые описывают сотворённый мир, от дискурсов теологических (Iambl. De Myst. I.3). Частным, но важным примером неоплатонической теологии в этом случае выступает ноология, особенно Платиново учение о мировом уме [18].

Неоплатоники безусловно считали бы себя представителями того явления, которое мы называем рациональной теологией, рассуждающими о религиозной традиции и фундамирующие её откровения, которые они безусловно понимали расширительно, включая в него оракулы, платоновские диалоги, Орфея, Гомера и т.д. Такое само-

позиционирование возникает не только из-за постепенно сформировавшейся типологической близости конкурирующих в поздней Античности религиозных культур (иудаизм, христианство, язычество, манихейство). Оно связано со спецификой рационально-теологического дискурса в предшествующие эпохи – классики и эллинизма – и со спецификой самой греко-римской религиозности.

Выводы

В итоге можно обоснованно утверждать, что философско-теологический дискурс в античном мире не сводился к частным философским теологиям, обсуждающим

различные стороны имеющихся религиозных доктрин и форм их апологетики. Он претендовал на то, что сам является ядром теологического знания; и это было связано, как мы показали, со спецификой античной культуры и религиозности. Неудивительно, что ряд универсалий позднейшей рациональной теологии, происхождение которых изучали участники исследовательской группы, возникло именно в античном философском сознании, а в последующем оказалось не только адаптировано представителями христианской интеллектуальной культуры, но и продолжает существовать в современности, в ином интеллектуальном и культурном горизонте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Светлов Р.В., Никулин М.С., Галанин Р.Б., Приходько М.А. Истоки рациональной теологии. Сер. Античные исследования. СПб., 2023.
2. Шохин В.К. Философская теология: дизайнерские фасеты. М.: ИФ РАН, 2016.
3. Broadie S. Rational theology // The Cambridge Companion to Early Greek Philosophy / Ed. by A.A. Long. Cambridge, 2006. Pp. 205–224.
4. Lebedev A.V. Idealism (Mentalism) in Early Greek Metaphysics and Philosophical Theology: Pythagoras, Parmenides, Heraclitus, Xenophanes and Others (with Some Remarks on the «Gigantomachia about Being» in Plato's Sophist) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXIII: Материалы чтений, посвящённых памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2019. С. 651–704.
5. Никулин М.С. Ионийская ноология: рецепция и критика. // Истоки рациональной теологии. Светлов Р.В., Никулин М.С., Галанин Р.Б., Приходько М.А. Сер. «Античные исследования» Санкт-Петербург, 2023. С. 11–23.
6. Галанин Р.Б. Религиозные воззрения софиста Крития: рациональная теология или атеизм? // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2022. Т. 16. № 1. С. 113–138.
7. Шайд Дж. Религия римлян / Пер. с фр. О.П. Смирновой. М.: Новое издательство, 2006.
8. Theologies of ancient greek religion / Ed. by E. Eidinow, J. Kindt, R. Osborne. Cambridge University Press, 2016.
9. Светлов Р.В. Теология в горизонте драматургии Платоновских текстов // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2021. Т. 15. № 2. С. 856–867.
10. Галанин Р.Б. Религия Сократа: боги и демоны // Платоновские исследования. 2023. Т. 18. № 1. С. 11–46.
11. Светлов Р.В. «Алкивиад I» и происхождение «аргумента от аналогии». // Истоки рациональной теологии. Светлов Р.В., Никулин М.С., Галанин Р.Б., Приходько М.А. Сер. «Античные исследования» Санкт-Петербург, 2023. С. 113–121.
12. Светлов Р.В. Рациональная теология: казус Филона Александрийского // Вопросы теологии. 2020. Т. 2. № 1. С. 65–74.
13. Prikhodko M.A. The structure of an individual soul and the problem of «two minds» in the theology of Philo of Alexandria // Issues of Theology. 2022. Т. 4. № 2. С. 195–208.

14. Chroust A.H. «Mystical revelation» and «rational theology» in Aristotle's «On philosophy» // Tijdschrift voor Filosofie. 34ste Jaarg. Nr. 3 (September 1972). Pp. 500–512.
15. Приходько М.А. Теория естественного откровения у Иустина Философа // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2023. Т. 24. № 2. С. 210–221.
16. Latura G. Plato's Visible God: The Cosmic Soul Reflected in the Heavens // Religions 2012. № 3 (3). Pp. 880–886.
17. Гараджа А.В. «Толкование Халдейских оракулов» Михаила Псёлла (перевод и комментарии) // Платоновские исследования. Вып. 21. 2024. № 2. С. 388–417.
18. Никулин М.С. Ноология Плотина как опыт рациональной теологии // Вопросы теологии. 2022. Т. 4. № 2. С. 209–221.

Ancient Origins of Rational Theology. Research Experience in the Project of the Russian Foundation for Basic Research

Roman Viktorovich Svetlov – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Theology and Church History of the Institute of Theology of St. Petersburg State University, head of the project "Development of Rational Theology in Antiquity and the Early Middle Ages" (21-011-44178).
E-mail: spatha@mail.ru

Rational theology has a number of universal characteristics. These characteristics, as well as the reasons for their emergence, are the subject of study of the research group of the project 21-011-44178 "Development of Rational Theology in Antiquity and the Early Middle Ages". The publication is a generalization of the experience of researchers, primarily in the context of the specifics of the emergence and existence of rational theology and its universals in the Greco-Roman era and in the early Middle Ages. Antique religion was not orthodoxy, but primarily orthopraxy. The rationalization of beliefs resulted in clarifying the meaning of religious practices not on behalf of the holders of such practices, i.e. the priests, but through intellectuals – primarily philosophers.

Keywords: rational theology, its universals, Platonism and Neoplatonism, ancient religion

REFERENCES

1. Svetlov R.V., Nikulin M.S., Galanin R.B., Prikhod'ko M.A. Istoki ratsional'noi teologii. Ser. Antichnye issledovaniya. SPb., 2023 (in Russian).
2. Shokhin V.K. Filosofskaya teologiya: dizajnerskie fasety. M.: IF RAN, 2016 (in Russian).
3. Broadie S. Rational theology // The Cambridge Companion to Early Greek Philosophy / Ed. by A.A. Long. Cambridge, 2006. Pp. 205–224.
4. Lebedev A.V. Idealism (Mentalism) in Early Greek Metaphysics and Philosophical Theology: Pythagoras, Parmenides, Heraclitus, Xenophanes and Others (with Some Remarks on the «Gigantomachia about Being» in Plato's Sophist) // Indoevropeskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XXIII: Materialy chtenii, posvyashchyonnykh pamyati professora Iosifa Moiseevicha Tronskogo. SPb., 2019. S. 651–704.

5. Nikulin M.S. Ioniiskaya noologiya: retsepsiya i kritika. // Istoki ratsional'noi teologii. Svetlov R.V., Nikulin M.S., Galanin R.B., Prikhod'ko M.A. Ser. «Antichnye issledovaniya» Sankt-Peterburg, 2023. S. 11–23 (in Russian).
6. Galanin R.B. Religioznye vozzreniya sofista Kritiya: ratsional'naya teologiya ili ateizm? // Schole. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya. 2022. T. 16. № 1. S. 113–138 (in Russian).
7. Shaid Dzh. Religiya rimlyan / Per. s fr. O.P. Smirnovoi. M.: Novoe izdatel'stvo, 2006 (in Russian).
8. Theologies of ancient greek religion / Ed. by E. Eidinow, J. Kindt, R. Osborne. Cambridge University Press, 2016.
9. Svetlov R.V. Teologiya v gorizonte dramaturgii Platonovskikh tekstov // Schole. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya. 2021. T. 15. № 2. S. 856–867 (in Russian).
10. Galanin R.B. Religiya Sokrata: bogi i demony // Platonovskie issledovaniya. 2023. T. 18. № 1. S. 11–46 (in Russian).
11. Svetlov R.V. «Alkiviad I» i proiskhozhdenie «argumenta ot analogii». // Istoki ratsional'noi teologii. Svetlov R.V., Nikulin M.S., Galanin R.B., Prikhod'ko M.A. Ser. «Antichnye issledovaniya» Sankt-Peterburg, 2023. S. 113–121 (in Russian).
12. Svetlov R.V. Ratsional'naya teologiya: kazu Filona Aleksandriiskogo // Voprosy teologii. 2020. T. 2. № 1. S. 65–74 (in Russian).
13. Prikhodko M.A. The structure of an individual soul and the problem of «two minds» in the theology of Philo of Alexandria // Issues of Theology. 2022. T. 4. № 2. S. 195–208.
14. Chroust A.H. «Mystical revelation» and «rational theology» in Aristotle's «On philosophy» // Tijdschrift voor Filosofie. 34ste Jaarg. Nr. 3 (September 1972). Pp. 500–512.
15. Prikhod'ko M.A. Teoriya estestvennogo otkroveniia u Iustina Filosofa // Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii. 2023. T. 24. № 2. S. 210–221 (in Russian).
16. Latura G. Plato's Visible God: The Cosmic Soul Reflected in the Heavens // Religions 2012. № 3 (3). Pp. 880–886.
17. Garadzha A.V. «Tolkovanie Khaldeiskikh orakulov» Mikhaila Psyolla (perevod i kommentarii) // Platonovskie issledovaniya. Vyp. 21. 2024. № 2. S. 388–417 (in Russian).
18. Nikulin M.S. Noologiya Plotina kak opyt ratsional'noi teologii // Voprosy teologii. 2022. T. 4. № 2. S. 209–221 (in Russian).

ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ И ЦЕРКОВНОЙ ТРАДИЦИИ

Индекс УДК 234+811+94(47)

Код ГРНТИ 21.61.21

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-121-02-82-90

Т.И. АФАНАСЬЕВА*

Ярославский часослов как уникальный памятник древнерусской литургической письменности второй половины XIII века

В статье изучаются рукописные источники, которые демонстрируют изменения в монашеском келейном богослужении Древней Руси. На материале часословов, псалтирей и других богослужбных манускриптов XI–XIV вв. делаются наблюдения над древнерусской литургической традицией домонгольского периода и её трансформацией в конце XIII в. в Северо-Восточной Руси. В центре исследования находится известная древнерусская рукопись второй половины XIII в., хранящаяся в Ярославском музее-заповеднике, — так называемый Ярославский часослов, содержащий редкие молитвы и гимнографические сочинения. По своей структуре эта рукопись не имеет аналогов в славянской письменности, это конечная часть 12-часового часослова, который тем не менее имеет параллели в византийском богослужении XI–XII вв. Сравнение служб этой рукописи с древнерусскими и южнославянскими источниками, а также с их греческими оригиналами позволило понять, как составлялся этот сборник и какими целями руководствовался его автор — некий книжник Феодосий, работавший в Ростовской владычной библиотеке.

Ключевые слова: древнерусские часословы, славянская келейная Псалтирь, домонгольская литургическая традиция, текстология, палеография, древнеславянские переводы с греческого языка

Изучение монашеских традиций в Древней Руси неразрывно связано с интерпретацией литургических рукописей, в которых описывается келейное и храмовое богослужение в монастырях, — часословов, псалтирей

и различных сборников. К сожалению, источников XI–XII вв. дошло до наших дней крайне мало, но в рукописях XIII–XV вв. можно обнаружить списки древнейших молитв и песнопений, относящиеся к становлению древнерусского

* **Афанасьева Татьяна Игоревна** — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова, руководитель проекта «Монашеское келейное правило на Руси в домонгольский период: литургические источники, их богословская и филологическая интерпретация» (21-011-44032).

E-mail: atha@mail.ru

монашества. Книжники, работавшие уже после татаро-монгольского завоевания Киева в 1242 г. в разных регионах Древней Руси, заботливо переписывали древнеславянское письменное наследие и сохранили до наших дней многие тексты, важные для нашего понимания литургических традиций домонгольского периода.

В рамках работы по проекту исследовались литургические рукописи, происходящие из Новгорода, Пскова, Северо-Восточной Руси, Галицко-Волынского княжества. Их тексты сопоставлялись с греческими орологиями и псалтирями с целью установить, когда и где могли быть переведены данные типы этих богослужбных книг. В результате удалось выстроить хронологию основных изменений славянского Часослова и Псалтири, а также описать отдельные богослужбные сборники, появившиеся как авторские компиляции разных богослужбных книг. Одна из таких компиляций — Ярославский часослов второй половины XIII в. — подробно изучена и впервые опубликована [1].

История изучения памятника

Ярославский часослов уже более двух веков привлекает внимание филологов, историков русской культуры и богословов. Он был обнаружен А.И. Мусиным-Пушкиным в 1787 г. в ризнице Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле и взят им для изучения вместе с другими рукописями, в том числе и Хронографом, содержащим Слово о полку Игореве. Однако через некоторое время часослов был возвращён обратно в библиотеку монастыря, что спасло его от гибели в московском пожаре 1812 г., когда сгорела вся коллекция Мусина-Пушкина [2]. В конце XIX в. рукопись вновь становится объектом пристального изучения. Памятник содержит целый ряд особенностей, выделяющих его из корпуса других славянских часословов, в первую очередь это необычная организация дневного богослужения на 12 часов, а также целый ряд уникальных молитв. Некоторые молитвы были созданы рус-

скими авторами, прежде всего Кириллом Туровским, часть других имеет греческие аналоги либо в различных византийских богослужбных памятниках, либо в аскетической литературе. В рукописи также есть пласт переводных молитв западного происхождения (с латинских оригиналов).

Некоторые из текстов Ярославского часослова были изданы в различных статьях, но целиком памятник до сих пор не опубликовался, о чём сетовал ещё в 1955 г. И.П. Ерёмин [3, с. 365]. Между тем, именно с изучения этой рукописи начались такие глобальные темы в палеославистике, как церковнославянская поэзия и чешская литература X–XI вв., основы которых были заложены академиком А.И. Соболевским. Именно он, изучая Ярославскую рукопись, впервые заметил, что в ней есть молитва с глаголическим азбучным акростихом, которая имеет чёткий ритм и определённое число слогов [4]. Кроме того, он обратил внимание на одну из молитв, в которой упоминались святые Западной церкви, и связал её происхождение с чешскими землями, в которых в X–XI вв. было славянское богослужение [5].

Древнеславянские переводы Часослова

Работа над проектом позволила изучить Ярославский часослов в кругу византийской и славянской традиций этой богослужбной книги. В результате исследования нескольких десятков рукописей А.А. Андрееву удалось установить основные типы Часослова, которые были известны в Древней Руси: Часовник — для древнейшего этапа и Часословец — для более позднего. Важным элементом древнейшего Часослова — Часовника — являются изосиллабические гимны в составе повечерия, отражающие древнее константинопольское общественное богослужение VIII–IX вв., которое в конце IX–X вв. было перенесено в Болгарию, а оттуда на рубеже X–XI вв. — на Русь. Древнеболгарских списков Часовника не сохранилось, но в древнерусской письменной традиции он известен весь-

ма хорошо и представлен тремя списками XIII–XIV вв. [6].

Часословец имеет древнерусское происхождение и связан, видимо, с переводом «студийского» Орология, появившегося на Руси одновременно со Студийско-Алексиевским уставом в 60–70-е гг. XI в. Если о переводе Студийско-Алексиевского устава есть упоминания в Повести временных лет, Киево-Печерском патерике и Житии Феодосия Печерского, то о появлении на Руси Часословца никаких упоминаний обнаружить не удалось. Однако перевод Типикона вполне мог предполагать также и перевод Часослова, так как именно в нём подробно зафиксировано суточное богослужение монастыря, упомянутое в уставе лишь отрывочно. Наличие лексических русизмов в цикле молитв свт. Василия Великого, имеющих на каждой службе в этом памятнике, также даёт основание полагать, что он был переведён древнерусским книжником [7].

Кроме того, у славян, видимо, был известен особый тип Часослова — перевод византийского 24-псалмового Орология. А.А. Андреев установил, что именно 24-псалмовые орологии были более ранней книгой для келейной молитвы, чем Псалтирь с тропарями и молитвами (так называемая келейная Псалтирь). Взаимодействие этих богослужебных книг происходило следующим образом: существовавшая последовательность 24 псалмов, возможно египетского происхождения, проникла в Константинополь не позже IX в., где была добавлена к «агиополитскому» Орологию в качестве дополнительных келейных часов. Затем под влиянием часов Орология к псалмам были добавлены сначала тропари, а потом молитвы. Во второй половине XI в. возник другой тип книги для келейной молитвы — Орологий с междочасиями: это был облегчённый вариант, содержащий лишь четыре дневных келейных последования, а не 12, и его распространение, возможно, было связано со стремлением совершать все келейные чины совместно. Этот тип книги действительно стал более распространённым, и в те-

чение XII в. 24-псалмовые орологии сначала изменились под его воздействием, а затем исчезли окончательно.

Но настроенные на бóльший максимализм в келейной молитве компиляторы сохранили эту традицию путём приспособления корпуса молитв 24-псалмовых орологиев к Псалтири, которая издревле использовалась в качестве книги для келейной молитвы и содержание которой в рамках келейного правила могло исполняться в течение суток или даже какой-то их части. Этот вид келейной книги оказался более живучим, и келейные псалтири сохранились вплоть до печатных изданий, однако выбор молитв в них впоследствии был изменён: древние молитвы, заимствованные из 24-псалмовых орологиев, были вытеснены иными молитвами, восходящими к константинопольскому Евхологию и другим источникам [8].

Важное значение для келейного богослужения имеет славянская келейная Псалтирь, появившаяся сначала у южных славян в конце XII – начале XIII в., а затем перешедшая на Русь во второй половине XIII в. [9]. В отличие от греческих источников, где келейная Псалтирь происходит из 24-псалмовых орологиев, славянский Часословец и славянская Псалтирь переводились независимо друг от друга. Тем не менее эти памятники выполняли родственную функцию — употреблялись для совершения в том числе келейной молитвы ночью и поэтому остались тесно связаны друг с другом. Некоторые молитвы келейной Псалтири впоследствии попали в Часословец и были помещены в составе ночных келейных чинов — ночных часов и полунощницы. С другой стороны, при последующем развитии келейной Псалтири некоторые суточные молитвы Часословца попадали в её состав и размещались по кафизмам.

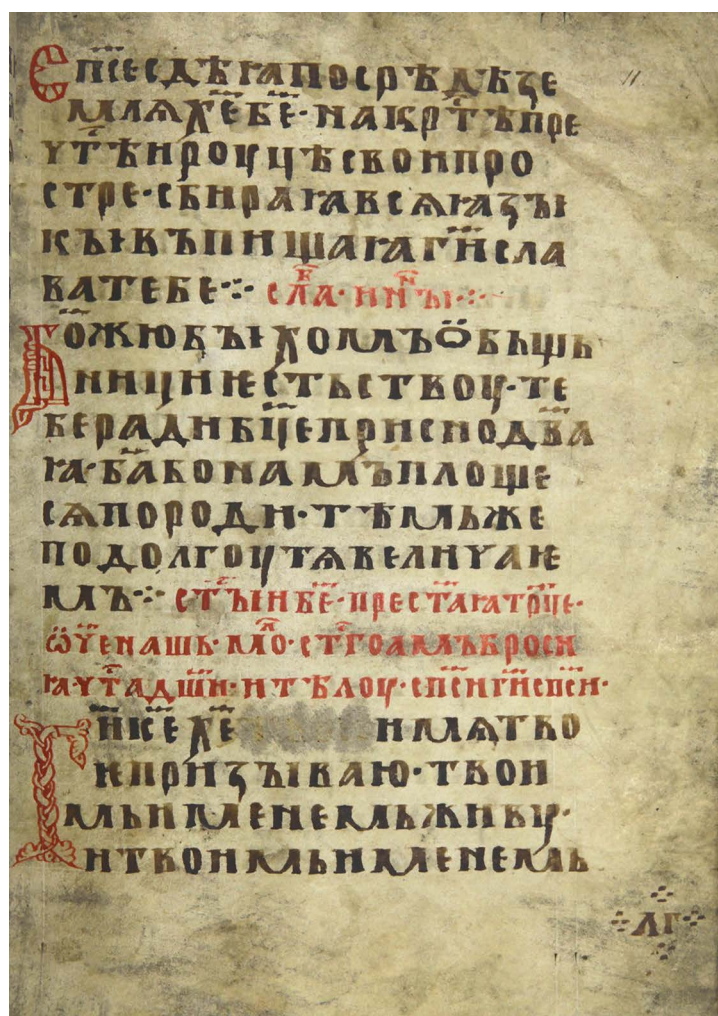
Особенности Ярославского часослова

Ярославский часослов удерживает элементы двух типов Часослова – Часовника и Часословца, а по структуре копирует

24-псалмовый часослов, списков которого, к сожалению, не сохранилось, но мы можем примерно представить, как он выглядел, исследуя Ярославскую рукопись и греческие 24-псалмовые орологи. Наличие в Ярославском часослове молитв из южнославянской келейной Псалтири позволяет утверждать, что он был составлен во второй половине XIII в., а не раньше, как предполагал М.Н. Сперанский [10]. Таким образом, Ярославский часослов является сводным памятником, личным сборником для келейной молитвы, состав которого был от начала до конца задуман древнерусским составителем.

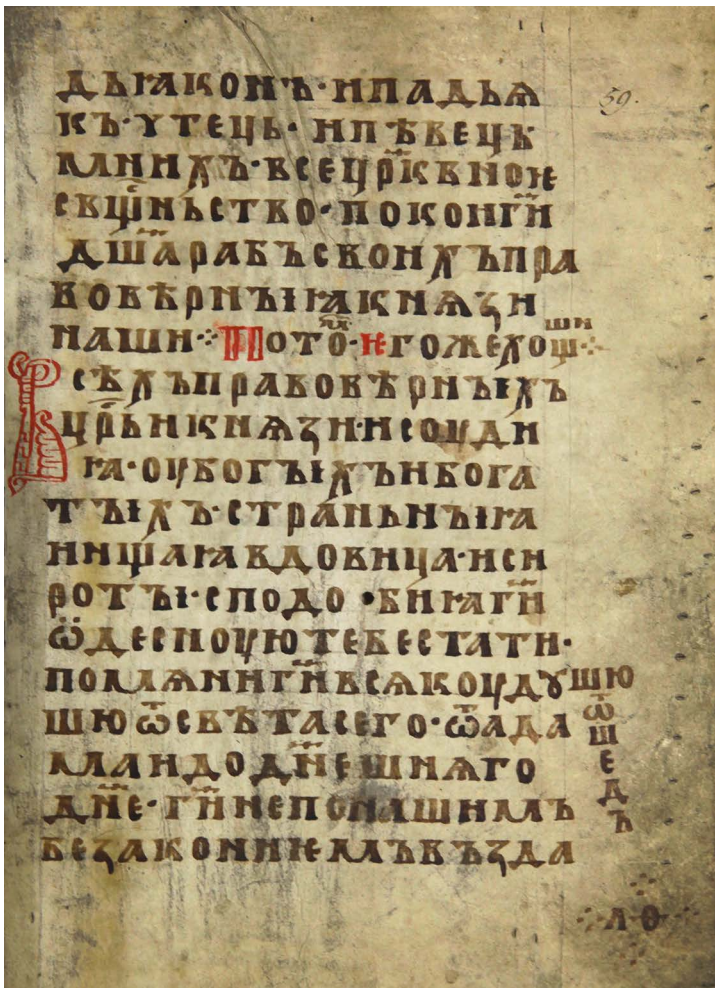
Палеографическое описание Ярославского часослова, выполненное А.Е. Соболевой, подтвердило прежнюю датировку второй половиной XIII в., однако показало, что рукопись всё-таки имеет северо-восточное происхождение, а не галицко-волынское, как считалось ранее [10, с. 124; 10, с. 36] (ил. 1).

Отдельные черты галицко-волынского говора в рукописи — прежде всего «новый ять» — следует считать влиянием протографов, которые в большом количестве были у составителя. Писец Феодосий, упомянувший себя в молитве двенадцатого часа, мог быть писцом данной рукописи [10, с. 122], а значит, как показало текстологическое исследование, и составителем всей антологии. Он, видимо, был связан с Ростовской владычной библиотекой, где впоследствии и хранилась данная рукопись, и имел перед собой значительное число древних киевских литургических памятников, которые он умело вплетал в свой личный келейный сборник. Эти источники отражали разные этапы в истории славянского Часослова и Псалтири — двух богослужебных книг, которые несколько раз переводились и ре-

Ил. 1. Ярославский часослов, л. 11

дактировались славянами на протяжении IX–XIII вв. В исследовании была сделана попытка связать эти переводы с различными эпохами в культурной жизни славянских народов: становлением славянского богослужения на глаголице в Охриде, строительством новой столицы Первого Болгарского царства в Преславе, устройством общежительного монашества на Руси в Киево-Печерском монастыре, появлением русской монашеской общины на Афоне. Переводы эти отражали изменения в византийском суточном богослужении, которое продолжало развиваться на протяжении IX–XIII вв., и прежде всего — во второй половине XI в., когда проходила усиленная кодификация монастырского богослужения и келейной молитвы в Константинополе (ил. 2).

Ил. 2. Ярославский часослов, л. 59

Особенностью богослужебной традиции на Руси было сосуществование разных традиций: переведённые на разных этапах типы Часослова не вытесняли друг друга, а продолжали переписываться. Ярославский часослов, таким образом, не является переводом какого-то особого греческого часослова, так как в целом не похож на сохранившиеся памятники византийского 24-псалмового Орология. Он, несомненно, представляет собой славянскую компиляцию нескольких литургических книг. В этой тенденции — сочетать разные по происхождению богослужебные книги, сохраняя особенности древних памятников, — компилятор Феодосий не был одинок: такой же принцип заложен в формировании древнерусских богослужебных сборников XIV в., подробно описанных свящ. И. Шугаевым [11]. Благодаря

этому подходу были сохранены древнейшие литургические тексты: так называемые «западные» молитвы, изосиллабические гимны и древнеславянский азбучный гимн на повечерии. Это позволяет нам предположительно реконструировать состав славянских богослужебных книг, не дошедших до наших дней: утраченные части Синайской глаголической Псалтири с воследованием XI в., 24-псалмового часослова и, возможно, домонгольской Псалтири с различными молитвами.

Один из важнейших вопросов проведённого исследования — связь Ярославского часослова с творчеством Кирилла Туровского. Ярославский часослов имеет слой молитв второй половины XIII в., текстов, напрямую заимствованных из келейной Псалтири, а значит, Кирилл Туровский, умерший после 1182 г., не мог быть его составителем, и предположение Сперанского о причастности свт. Кирилла к составлению данного сборника не подтвердилось. Тем не менее

рукопись содержала полный цикл седмичных молитв туровского святителя, а также связанные с ними рубрики, регламентирующие порядок его исполнения.

Текстологическое исследование сохранившихся часовых и вечерних молитв показало, что они редактировались в ранний период своего бытования. Первая редакция, видимо, была осуществлена в Киеве, и её целью было внедрение цикла молитв в монашескую келейную практику. Косвенно на это намекает широкое распространение этой редакции по всей территории Древней Руси, которое могло идти только из столицы митрополии.

Вторая редакция, также весьма ранняя по происхождению, подвергла тексты молитв значительным сокращениям и перделкам; она, по-видимому, делалась не в Киеве и в то время, когда у Кирилла Туровско-

го ещё не сложилось общерусского почитания и эпитет «русский Златоуст» к нему не применялся. Местом создания второй редакции, по-видимому, была Северо-Восточная Русь, где поначалу к Кириллу Туровскому было негативное отношение за его критику Андрея Боголюбского и ростовского епископа Федорца [3, с. 342–343].

И наконец, третья редакция — псалтирная, была сделана ещё позже, когда на Руси начинают распространяться келейные псалтири, пришедшие от южных славян во второй половине XIII в. Тогда некоторые молитвы цикла помещаются после кафизм Псалтири и претерпевают редактуру. Самая ранняя псалтирь, содержащая молитвы Кирилла Туровского, — псалтирь княгини Марины около 1296 г. — практически не меняет текста молитв, тогда как Симоновская и Фроловская псалтири начала XIV в. содержат существенные исправления, нацеленные на то, чтобы снять упоминание о памяти конкретного дня и часа [12, с. 168]. Чаще всего чтения псалтирной редакции ближе к первой редакции, но в них также читаются варианты из второй.

Составитель Ярославского часослова отдал предпочтение первой редакции, но отдельные чтения второй редакции всё-таки использовал. Кроме того, он распределил текст устава Кирилла, имевшийся у него в распоряжении, по всему сборнику. Таким образом, составитель поместил цикл молитв в свой сборник из протографа первой редакции, но переформатировал его изначальную структуру на блоки семи утренних, семи часовых и семи вечерних молитв. Эта перегруппировка свидетельствует о литургическом использовании молитв Кирилла Туровского в келейном богослужении Северо-Восточной Руси в XIII в.

Ярославский часослов и книжная культура второй половины XIII в.

Ярославский часослов хорошо вписывается в культурные процессы своего времени. В это время в книжной культуре Руси происходят события, связанные с переносом митрополии из Киева во Владимир, начав-

шимся при последнем киевском митрополите Кирилле II (1247–1281 гг.), который подолгу жил в Северо-Восточной Руси, и завершившимся впоследствии официальным перемещением митрополии в 1299 г. при митрополите Максиме (1283–1305 гг.). Владимир, как известно, уже с XII в. претендовал на особый статус, и при князе Андрее Боголюбском в 1169 г. предпринимались попытки устройства там второй восточнославянской митрополии, но при сильном Киеве это было невозможно [13, с. 187].

В послемонгольское время, ввиду ослабления влияния Киева, разорённого татарами, такая попытка оказалась успешной. С одной стороны, миграция (перенос) книжного центра, по мнению Н.И. Толстого, приводит к пересмотру книжного репертуара и языковых норм, к их обновлению [14, с. 86–88]. Действительно, именно в результате этого процесса на Русь со славянского юга попадают новые канонические и богослужебные книги. Прежде всего, это Номоканон Саввы Сербского, который был составлен на Афоне, но в Киев его привезли по заказу митрополита Кирилла II из Болгарии. В 1274 г. на церковном соборе во Владимире он был утверждён к употреблению в Северо-Восточной Руси [15, с. 185–199]. Адаптируется пришедший на Русь Евхологий Саввы Сербского, чины требника и службы суточного круга из него активно переписываются в древнерусских службениках XIII–XIV вв. [16]. Получает распространение келейная Псалтирь, зависящая от устава Саввы Сербского: многие древнерусские псалтири XIII–XIV вв. содержат тропари и молитвы после каждой кафизмы, и большинство из них помещены в том же переводе, что и в южнославянских псалтирях [8].

С другой стороны, рецепция южнославянской литургической письменности не вытесняет домонгольское литургическое наследие целиком. На примере Ярославского часослова и богослужебных сборников XIV в. видно, что многие уже вышедшие из употребления в Византии тексты суточного богослужения продолжают переписы-

ваться на Руси наряду с новыми последованиями. Это касается изосиллабических гимнов на повечерии, различных молитв, переведённых в самый ранний период славянской книжности, а также некоторых студийских особенностей, восходящих ко второй половине XI в.

Помимо сохранения домонгольских переводных текстов и внедрения более поздних южнославянских переводов, в Северо-Восточной Руси в это время также активно распространяется и древнерусское литургическое творчество. Одно из главных мест здесь занимают произведения Кирилла Туровского. Его Житием пополняется славяно-русский Пролог. Кирилл Туровский, когда-то осудивший епископа Федорца за сепаратизм, в конце XIII в. становится почитаемым святым, боровшимся за единство восточнославянской митрополии.

В Житии туровский святитель получает эпитет «другой Златоуст», что уже свидетельствует о высокой оценке его произведений в Северо-Восточной Руси в конце XIII в. [17, с. 233–234]. Произведения Кирилла Туровского внедряются в канонические и богослужебные книги: молитвы появляются в келейной Псалтири и Ярославском часослове, а «Сказание о черноризском чине» записывается в Новгородскую кормчую. Цитаты из произведений Кирилла Туровского представлены в древнерусском каноническом сборнике «Мерило Праведное» конца XIII – начала XIV в. [18, с. 47–50].

Полное издание Ярославского часослова и его историко-литургическое и филологическое исследование позволило показать место памятника в славянской книжной культуре и оценить его значение для древнерусской письменности конца XIII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ярославский часослов второй половины XIII в. Исследование и издание текста / Изд. подгот. А.А. Андреев, Т.И. Афанасьева, А.Е. Соболева; Отв. ред. Т.И. Афанасьева. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2024.
2. Моисеева Г.Н. Судьба пергаменного Часослова, «уничтоженного» в 1788 г. вместе со Спасо-Ярославским хронографом // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 46. С. 315–319.
3. Ерёмин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 342–367.
4. Соболевский А.И. Церковнославянские стихотворения IX–X вв. и их значение для изучения церковнославянского языка // Труды XI Археологического съезда в Киеве 1899 г. Т. 2. Отдельный оттиск. М., 1901. С. 1–12.
5. Соболевский А.И. Молитва на дьявола. Церковнославянский текст западного происхождения. С предисловием проф. А.И. Соболевского. СПб., 1899.
6. Андреев А.А., Афанасьева Т.И. К истории древнеболгарского Часослова // Scripta & e-Scripta. 2023. Т. 23. С. 105–134.
7. Андреев А.А., Афанасьева Т.И. Цикл молитв Василия Великого в составе древнерусских часословов XIII–XIV вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2024. № 2. С. 143–156.
8. Andreev A. The Early East Slavic Horologion: A Review and Re-Interpretation of the Sources // Λογική λατρεία. Proceedings of the Eighth International Congress of the Society of Oriental Liturgy, Thessaloniki, Greece, 13–18 June 2022. / Ed. by Ch. Nassis, A. Mikhail, D. Galadza. Münster: Aschendorff Verlag, 2025. Pp. 59–117.
9. Афанасьева Т.И. Устав о пении Псалтири и его влияние на славянскую традицию этой богослужебной книги XIII–XIV вв. // Slověne. 2023. Т. 12. № 1. С. 7–41.
10. Сперанский М.Н. Ярославский сборник молитв XIII в. Приложение к статье: Далмат (Юдин), иером. Доклад академика М.Н. Сперанского «Ярославский сборник молитв XIII в.» // Славяноведение. 2022. № 2. С. 119–139.

11. Шугаев И., свящ. Древнерусские богослужебные сборники XIV в. Историко-литургический анализ: Дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 1999.
12. Далмат (Юдин), иером. История списков цикла седмичных молитв свт. Кирилла Туровского // Таинство слова и образа. Сборник материалов научно-богословской конференции кафедры филологии Московской духовной академии (18–19 ноября 2020 г.). Сергиев Посад, 2021. С. 171–175.
13. Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси XI–XIII вв. М., 1989.
14. Толстой Н.И. Избранные труды. Т. 2: Славянская литературно-языковая ситуация. М., 1998.
15. Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.
16. Афанасьева Т.И. Евхологий Саввы Сербского и его рецепция в Древней Руси XIII–XIV вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4 (78). С. 144–156.
17. Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV веков. М., 2009.
18. Вершинин К.В. Мерило Праведное в истории древнерусской книжности и права. М., 2019.

The Yaroslavl Book of Hours as a Unique Monument of Ancient Russian Liturgical Writing of the Second Half of the 13th Century

Tatyana Igorevna Afanasyeva – Doctor of Philological Sciences, leading researcher at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute, head of the project “Monastic Cell Rule in Rus' in the Pre-Mongol Period: Liturgical Sources, Their Theological and Philological Interpretation” (21-011-44032).
E-mail: atha@mail.ru

The article studies manuscripts that demonstrate changes in monastic cell service in Ancient Rus. Sources, i.e. books of hours, psalters and other liturgical manuscripts of the 11th–14th centuries, allow to review ancient Russian liturgical tradition of the pre-Mongol period and its transformation at the end of the 13th century in North-Eastern Rus'. The research focuses on a well-known ancient Russian manuscript from the second half of the 13th century, kept in the Yaroslavl Museum-Reserve – the so-called Yaroslavl Book of Hours, which contains rare prayers and hymnographic works. Structurally, this manuscript has no analogues in Slavic writing; it is the final part of a 12-hour book of hours, which nevertheless has parallels in the Byzantine liturgy of the 11th–12th centuries. The comparison of services in this manuscript with Old Russian and South Slavic sources, as well as with their Greek originals, allows to understand how this collection was compiled and what goals guided its author – a certain scribe Theodosius, who worked in the Rostov Bishop's Library.

Keywords: Old Russian Books of Hours, Slavic Cell Psalter, pre-Mongol liturgical tradition, textual criticism, paleography, Old Slavic translations from Greek

REFERENCES

1. Yaroslavskii chasoslov vtoroi poloviny XIII v. Issledovanie i izdanie teksta / Izd. podgot. A.A. Andreev, T.I. Afanas'eva, A.E. Soboleva; Otv. red. T.I. Afanas'eva. M.; SPb.: Al'yans-Arkheo, 2024 (in Russian).
2. Moiseeva G.N. Sud'ba pergamennogo Chasoslova, «unichtozhennogo» v 1788 g. vmeste so Spaso-Yaroslavskim khronografom // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. SPb., 1993. T. 46. S. 315–319 (in Russian).

3. Eryomin I.P. Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. M.; L., 1956. T. 12. S. 342–367 (in Russian).
4. Sobolevskii A.I. Tserkovnoslavyanskii stikhotvoreniya IX–X vv. i ikh znachenie dlya izucheniya tserkovnoslavyanskogo yazyka // Trudy XI Arkheologicheskogo s"ezda v Kieve 1899 g. T. 2. Otdel'nyi ottisk. M., 1901. S. 1–12 (in Russian).
5. Sobolevskii A.I. Molitva na d'yavola. Tserkovnoslavyanskii tekst zapadnogo proiskhozhdeniya. S predisloviem prof. A.I. Sobolevskogo. SPb., 1899 (in Russian).
6. Andreev A.A., Afanas'eva T.I. K istorii drevnebolgarskogo Chasoslova // Scripta & e-Scripta. 2023. T. 23. S. 105–134 (in Russian).
7. Andreev A.A., Afanas'eva T.I. Tsikl molitv Vasiliya Velikogo v sostave drevnerusskikh chasoslovov XIII–XIV vv. // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2024. № 2. S. 143–156 (in Russian).
8. Andreev A. The Early East Slavic Horologion: A Review and Re-Interpretation of the Sources // Λογική λατρεία. Proceedings of the Eighth International Congress of the Society of Oriental Liturgy, Thessaloniki, Greece, 13–18 June 2022. / Ed. by Ch. Nassis, A. Mikhail, D. Galadza. Münster: Aschendorff Verlag, 2025. Pp. 59–117.
9. Afanas'eva T.I. Ustav o penii Psaltiri i ego vliyanie na slavyanskuyu traditsiyu etoi bogoslužhebnoi knigi XIII–XIV vv. // Slověne. 2023. T. 12. № 1. S. 7–41 (in Russian).
10. Speranskii M.N. Yaroslavskii sbornik molitv XIII v. Prilozhenie k stat'e: Dalmat (Yudin), ierom. Doklad akademika M.N. Speranskogo «Yaroslavskii sbornik molitv XIII v.» // Slavyanovedenie. 2022. № 2. S. 119–139 (in Russian).
11. Shugaev I., svyashch. Drevnerusskie bogoslužhebnye sborniki XIV v. Istoriko-liturgicheskii analiz: Dis. ... kand. bogosloviya. Sergiev Posad, 1999 (in Russian).
12. Dalmat (Yudin), ierom. Istoriya spiskov tsikla sedmichnykh molitv svt. Kirilla Turovskogo // Tainstvo slova i obraza. Sbornik materialov nauchno-bogoslovskoi konferentsii kafedry filologii Moskovskoi dukhovnoi akademii (18–19 noyabrya 2020 g.). Sergiev Posad, 2021. S. 171–175 (in Russian).
13. Shchapov Ya.N. Gosudarstvo i tserkov' Drevnei Rusi XI–XIII vv. M., 1989 (in Russian).
14. Tolstoi N.I. Izbrannye trudy. T. 2: Slavyanskaya literaturno-yazykovaya situatsiya. M., 1998 (in Russian).
15. Shchapov Ya.N. Vizantiiskoe i yuzhnoslavyanskoe pravovoe nasledie na Rusi v XI–XIII vv. M., 1978 (in Russian).
16. Afanas'eva T.I. Evkhologii Savvy Serbskogo i ego retseptsiya v Drevnei Rusi XIII–XIV vv. // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2019. № 4 (78). S. 144–156 (in Russian).
17. Loseva O.V. Zhitiya russkikh svyatykh v sostave drevnerusskikh Prologov XII – pervoi treti XV vekov. M., 2009 (in Russian).
18. Vershinin K.V. Merilo Pravednoe v istorii drevnerusskoi knizhnosti i prava. M., 2019 (in Russian).

Индекс УДК [[001.82+910.3]:726.012]:[2-1+911.3+911.5+930.24"731+735"]

Код ГРНТИ 21.31.00, 21.41.00, 39.19.31, 39.15

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-121-02-91-104

С.К. КОСТОВСКА, Т.А. ГАЛКИНА, А.А. ГЕРЦЕН, С.В. ИВАНОВ*

Храм и ландшафт: разработка и верификация типологии культовых сооружений по критериям места, эпохи, события

В статье представлены отдельные результаты, полученные членами научного коллектива при выполнении исследовательского проекта «Храм и ландшафт» (21-011-44277), в том числе систематизация культовых сооружений – объектов духовного и культурного наследия как индикаторов историко-географических ландшафтов. Рассмотрены закономерности расположения культовых сооружений разных религий в ландшафте в отдельные исторические эпохи, специфика географии культовых сооружений, отражение духовного развития этнических общностей в пространстве и времени. Показана зависимость размещения культовых сооружений от природных условий, исторических событий, времени их возникновения, планировки и существующей архитектуры окружающего пространства, эстетической привлекательности места возведения, открытости/закрытости территории, наличия строительного материала, транспортной доступности (расположения на больших путях) и других факторов. Выразительность храмов (храмовых комплексов) и ландшафтов усиливается благодаря их взаимосвязанному расположению. Использование междисциплинарного подхода и применение методов гуманитарных, естественных и технических наук (сравнительного, картографического, полевых наблюдений и др.) для изучения религиозных традиций, в том числе расположения храмовых комплексов в ландшафте, позволили разработать и верифицировать типологию культовых сооружений в зависимости от таких критериев, как место, эпоха, событие.

* **Костовска Силвия Костадинова** — кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии Российской академии наук (ИГ РАН), руководитель проекта «Храм и ландшафт» (21-011-44277).

E-mail: silvakos@igras.ru

Галкина Тамара Артаковна — кандидат географических наук, старший научный сотрудник ИГ РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: tamargalkin@yandex.ru

Герцен Андрей Артёмович — кандидат географических наук, старший научный сотрудник ИГ РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: gerzen@igras.ru

Иванов Сергей Владимирович — младший научный сотрудник ИГ РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: serviv@igras.ru

Ключевые слова: культовые сооружения, историко-географический ландшафт, систематизация, типология, религии, храм, культово-оборонительное зодчество, природный ландшафт, взаимосвязь природы и общества, картографические произведения, топонимы, выбор места, эпоха, событие

Храм – здание, помещение или пространство, предназначенное для исполнения религиозных обрядов. Этим целям служили и служат самые разнообразные объекты и сооружения, древнейшими из которых являются святилища, в основном языческие алтари, возведённые в местах, почитавшихся из-за особенностей ландшафта, уникального рельефа или природного явления.

Культовые сооружения (храмы) как объекты исследования

Культовые сооружения могли располагаться в глубине самых удалённых пещер, назначение которых выделялось наскальными рисунками на потолках и боковых поверхностях. История сохранила и алтари, устроенные в домах в виде помостов, на которых ставили терракотовые фигурки божеств. Святилища с идолами, называемые капищами, были и у славян. Широко известно почитание «синих камней» в России – огромных валунов ледникового происхождения. Культовым сооружениям на протяжении веков придавалась большая значимость, и выбор места их расположения для верующих в любую эпоху имел немало важное значение. Объекты духовного и культурного наследия, в том числе культовые сооружения, являются своеобразными индикаторами культурного ландшафта, могут восполнять недостающие звенья в истории исчезнувших цивилизаций или исторических периодов (ил. 1).

Храмы и храмовые комплексы являются наиболее многочисленными памятниками духовного наследия и представляют собой важнейшие элементы историко-географических ландшафтов, выступая маркерами историко-культурного развития любого региона [1]. Они оказывают влияние

на формирование вмещающего ландшафта, хранящего память о взаимодействии человека и природы на протяжении веков. В целом культовые сооружения не только продолжают сохранять характерные особенности религии, но и исторически выполняют одно из главных своих назначений – осуществление просветительской деятельности.

Этнические общности, сформировавшиеся на протяжении столетий, возводили свои культовые сооружения, такие как православные церкви и часовни, старообрядческие церкви, армянские апостольские церкви и часовни, римско-католические церкви и часовни, лютеранские церкви (кирхи), синагоги, мечети и др., представляющие основные религиозные направления. Установление связей с соседними государствами, ближними и дальними, связанными общностью веры, или наоборот, приводило к развитию культовой архитектуры (зодчества), появлению типов зданий с характерными особенностями – уникальными, оборонительно-крепостными и «привычными» формами.

Взаимосвязи и взаимозависимости, возникающие между этносами, ландшафтами и объектами храмовой архитектуры весьма разнообразны и требуют всестороннего изучения. Сложность подобного исследования заключается в их широком распространении, высоком многообразии, длительности эволюции, что требует привлечения комплексных и междисциплинарных подходов [2, 3].

Роль храма в формировании историко-географического ландшафта

Природное окружение и ландшафт учитывались при устройстве культовых зданий на протяжении всего доступного нашим

Ил. 1. Отдельные примеры культовых сооружений —
маркеров существования / наличия культурного ландшафта
(фото Т.А. Галкиной, А.Г. Хропова)

знаниям исторического периода созидательной активности человека. Сакральные места и здания архитектурно выделялись не только художественно-композиционными средствами, но и при помощи создания вокруг них особой, художественно организованной среды, в которой большое значение принадлежало умелому использованию ландшафта. Успехи технического и социального прогресса и естественный процесс урбанизации привели к большей зависимости культовых зданий от структуры городов, нежели от ландшафта.

Культовые здания, как правило, возводились как можно ближе к «небесной обители» и в основном располагались на вершинах холмов, на высоких скалах и берегах рек или, при отсутствии таковых, на специально возводимых искусственных основаниях, служа зримыми свидетельствами

идеи предопределённости мира по воле Бога. В зависимости от своего высотного расположения они приобретали величие и монументальность, становясь символами сверхъестественной связи Неба и Земли, придавая существованию человека больше значения, чем простое биологическое проживание [4].

Анализ связей архитектуры культовых памятников и природного окружения позволяет обнаружить общие приёмы воздействующих на эмоциональное состояние человека отдельных монументальных зданий или ансамблей. Во всех цивилизациях культовые здания выделялись значительными физическими параметрами на фоне рядовой застройки, а также умелым использованием ландшафта в соответствии с различными жизненными потребностями, в том числе религиозными.

Ил. 2. Примеры влияния условий и ресурсов природной среды на организацию культовых сооружений (закрытость / открытость территории, наличие строительного материала, транспортная доступность / недоступность)
(фото С.К. Костовска, А.Г. Хропова)

Причин для выбора местоположения объектов совершения религиозных обрядов может быть несколько, и в каждом отдельном случае необходим индивидуальный подход к анализу и характеристике условий и причин их возникновения, существования и сохранения. Выбор организации кафедр часто обусловлен

естественно-климатическими условиями, закрытостью/неприсутностью территории, наличием строительного материала, транспортной доступностью/недоступностью (ил. 2).

Немаловажными являются природные особенности территории, оказывающие влияние на распространение религиозных

учений. Например, согласно летописям, в VIII в. на юг России, Балканы, Малую Азию обрушивались такие холода, что в мае 787 г. в Европе птицы замерзали на лету и падали на землю [5]. Такие неблагоприятные погодные условия вынуждали людей искать не только новые места для проживания, но и возводить культовые сооружения, которые могли бы соответствовать природно-климатическим условиям конкретного региона. Так, например, для лесной зоны Европейской части России с её холодными и многоснежными зимами актуальным стало возведение комплексов с зимним и летним храмом, а также отдельно стоящей колокольной для совершения обрядов в них в соответствующие времена года. Для многих культовых сооружений характерны «приделы», меньшие по площади, по сравнению с главной частью, и с более низкими потолками.

Основное жизненное пространство любой этнической общности не только предоставляет ресурсы и обеспечивает условия жизнедеятельности народа (этноса), но и служит основой для формирования «культурного ландшафта» или, иными словами, «культурного пространства». Функционирование подобного ландшафта возможно при соблюдении разнообразных требований, одним из которых выступает его сложное строение. Культовые сооружения зачастую становятся «центральными местами», вокруг которых и формируются новые культурные ландшафты [6].

Среди объективных факторов, влияющих на устойчивость многонационального и многоконфессионального российского пространства, следует отметить обширные территории с богатыми природными ресурсами, разнообразными природно-климатическими условиями и ландшафтами, а также наличие межрелигиозного соседства и духовно-культурных связей, способных сохраняться на протяжении длительного времени, тесное взаимодействие с окружающей средой. Сложная национально-территориальная структура страны, обусловленная, в том числе, и раз-

личиями культур народов, проявляется в их религиозном отношении к природным ландшафтам и экосистемным услугам и выражается в специфике природопользования. Отметим, что такое разнообразие подходов к освоению ресурсов не наблюдается при моноэтническом населении.

Отношение человека к природе тесно связано с характером отношения человека к Богу и имеет различия в зависимости от вероисповедания, что отражается на подходах и методах освоения природных ресурсов. Выполнение чётких указаний и правил ведения хозяйственной деятельности, а также отношение людей к природе согласно нормам из Священных Книг способствует поддержанию и укреплению ландшафтно-экологических связей, а также сдерживает распространение негативных природных процессов. Наличие разнообразных объектов духовно-культурного и исторического наследия, в том числе памятников природы, архитектуры и храмов, можно рассматривать как «ориентиры» при территориальном планировании. Эти объекты на протяжении многих веков управляли и регламентировали хозяйственную деятельность и обращение с землёй [7].

Выявление особенностей земледелия и установление их связей с религиозными предписаниями, нормами и правилами ведения хозяйственной деятельности, сменяющие друг друга народы с их традициями природопользования оказали влияние на характер землепользования на протяжении ряда исторических периодов и сформировали своеобразные религиозно-культурные центры. Так, например, на территории Крыма выделяются так называемые пещерные города-крепости Чуфут-Кале, Мангуп, Эски-Кермен, Качи-Кальон (в XVII в. на месте этого «пещерного города» существовала христианская деревня Кальене, а с XVI в. — монастырь), Тепе-Кермен в долине реки Кача и Бахчисарайский Свято-Успенский пещерный монастырь. Удалённость монастырских земель от густонаселённых мест способствовала сохранению своеобразной системы управ-

ления земельными ресурсами, выработанной в соответствии с религиозными предписаниями из Священных Книг.

Отражение исторических и политических процессов в культурном ландшафте

Культовые сооружения строятся не только согласно религиозным соображениям, но и «включаются» в окружающий природный ландшафт, отражая те исторические и политические причины, которые спровоцировали их строительство именно в данном конкретном месте. В результате формируются своеобразные историко-культурные типы соответствия и взаимовлияния культового сооружения и окружающего ландшафта [4].

Ранние христианские культовые сооружения, скальные скиты зарождающейся религии, возникавшие в недрах уже сформировавшегося общества с устоявшейся религией, обычно враждебной к новой религии (например, вырытые в скальных берегах Днестра и Реута), как и связанные с иконоборческим движением, создали зону активного использования ландшафта (см. примеры на ил. 1, 2) [8, 9].

В раннем христианстве церкви возводились на погостах, устроенных вне поселений, на естественных холмах, вне затопления. Входя позже в черту современных населённых пунктов, часовни становились приходскими храмами и центрами жилых районов, связанных в единую поселенческую структуру. В ходе своей истории и развития новая религия видоизменялась, усложнялась; параллельно трансформировалась и архитектура храмов. Воспринятая извне религия приносила не только свою религиозную, идейную суть, но и внешние атрибуты, в том числе форму и декор культовых сооружений. Со временем эта внешняя сторона переделывалась в соответствии с местными традициями, вкусами, строительными материалами.

На протяжении истории культовые здания выделялись не только архитектурно-

композиционными средствами, но благодаря умелому использованию ландшафта вокруг них создавалась художественно организованная среда (ил. 3). Однако религии, как и другие стороны жизни той или иной страны, не существуют в изоляции, как и сами страны. Разнообразные внешние связи приводят к взаимодействию разных культур. Это взаимодействие в разные эпохи то усиливается, то сокращается, в зависимости от политической ситуации, как бы пульсируя во времени. Эти движения приводили и приводят к изменениям в административно-церковной структуре региона [10].

Размещение храмовых построек древних городов, таких как, например, Боровск, Изборск, Смоленск, Касимов, Бахчисарай и др., не случайно и продиктовано рельефом, планировкой и существующими строениями (см. ил. 3). Большинство из них построено в композиционных узлах пейзажа, существовавшего на момент возведения. Как правило, храмы (храмовые комплексы) строились на возвышающихся над местностью участках, если же культурная составляющая в ландшафте уже была сильно выражена (городская застройка и планировка), то церкви могли разместить на перекрёстке улиц, на месте потерянных башен крепостных стен, в непосредственной близости пристани и др. Наличие композиционных узлов и размещение значительной по размерам храмовой постройки в узле пейзажа усиливало его позитивное восприятие, а сам пейзаж умножал значимость и благоговение, внушаемые уже самим культовым сооружением. Таким образом, эстетическая выразительность, которую можно получить при продуманном размещении храма в ландшафте, позволяет усилить визуальную привлекательность как самого культового сооружения, так и окружающего его пространства, и, как следствие, повышает стабильность вмещающего ландшафта, добавляя ему своеобразие.

В истории храмового строительства выделяются временные промежутки,

Ил. 3. Примеры соответствия и взаимовлияния культовых сооружений и окружающих их природных и культурных ландшафтов
(фото С.К. Костовска, С.В. Иванова)

каждый из которых характеризуется собственной политической, экономической и общественной обстановкой в городе и стране. Достаточно простым отличительным признаком служит возведение или отсутствие строительства культовых сооружений [11].

Источники информации о культовых сооружениях

Значимость храмов в городском пейзаже, их видимость с дальних расстояний по-прежнему характерны для большинства населённых мест, несмотря на возросшую заселённость территории и повышение

этажности застройки. Такое взаимовлияние архитектуры и планировки с природной средой продолжает расставлять акценты в эстетическом восприятии ландшафта, делать его более ярким и запоминающимся.

Источниками, позволяющими получить общее представление о ландшафте и наглядно отображающими пространственную структуру территории, являются карты. Привлечение к изучению динамики пространственного размещения культовых сооружений картографического метода позволяет не только выявить историческую преемственность, но и определить конфессиональные особенности общества, пространственно-временное развитие и формирование особых историко-географических ландшафтов [12].

«Религиозный ландшафт» на территории России исторически претерпевал существенные изменения: культовые сооружения разрушались и совсем исчезли, после существенных переделок приспособлялись для выполнения различных хозяйственных функций либо сохранялись в руинированном состоянии. Трансформации, обусловленные по преимуществу «человеческим фактором», существенно искажают общую картину пространственного размещения культовых сооружений, сложившуюся «естественным» образом к началу XX в.; и для её понимания и выявления соответствующих закономерностей актуальным становится поиск достоверных, надёжных картографических и текстовых источников информации.

Идея о том, чтобы использовать в научных целях отчётные материалы церковных приходов, возникла в середине XIX в., когда было принято согласование между Петербургской академией наук, Святейшим Синодом и Министерством внутренних дел о доставлении в Академию из каждого церковного прихода «полного списка обитаемых мест с показанием в этом списке официальных и в просторечии употребляемых названий селений, также вод, при которых они находятся, и числа прихожан

обоёго пола каждого народа и состояния отдельно» [13]. 435 листов «трёхвёрстной карты» (1845–1863 гг.), составленные по результатам точных инструментальных съёмок, охватившие огромное пространство всей западной половины Европейской части Российской империи, позволяют получить достоверные и надёжные сведения о наличии и пространственном размещении культовых сооружений в середине XIX в. [14].

Проследить, как шло преобразование пространства, важными элементами которого являются культовые сооружения, возможно благодаря не только различным нарративным источникам (описаниям, описям), материалам статистики, картам и др., но и изучая топонимы, этимологически связанные с экклезионимами, которые могут служить лингвистической подсказкой. Экклезионимы – собственные имена места совершения обряда, места поклонения любой религии, в том числе названия церкви, часовни, креста, отдельно стоящего алтаря, священных камня, источника, дерева, оказывают влияние на возникновение топонимов. Научная новизна подобного исследования состоит в междисциплинарном подходе, объединяющем лингвистический и историко-географический подходы к анализу мотивационных номинативных связей между экклезионимией и топонимией, в результате которых могут быть выявлены три основные типа мотивации: первый тип – прямая мотивация, или явное мотивационное соответствие: экклезионим – топоним; второй тип – обратная мотивация, или топоним – экклезионим; третий тип – скрытая мотивация, или завуалированное мотивационное соответствие: экклезионим – лингвистические метаморфозы – топоним (при прямой мотивации) и топоним – лингвистические метаморфозы – экклезионим (при обратной мотивации) [15].

Древние культовые сооружения редко имеют точные даты строительства. Исследователи архитектуры в целях воссоздания полноты картины зодчества по перио-

дам и регионам используют специальные методики, которые позволяют приблизиться как можно точнее ко времени возведения сооружений и зданий, лишённых документальных сведений, среди которых изучение физико-химических свойств строительных материалов и растворов, однако эти методы не пользуются широкой популярностью. Одним из методов исследования выдающихся произведений зодчества, имеющих практическое значение, является поиск «ключа» к секрету создания архитектурной формы. Архитектурная творческая деятельность сильно зависит от социально-экономических и технических возможностей общества, в то же время архитектурная форма изменяется в соответствии со временем создания [16].

Анализ старинных карт служит важнейшим методом получения информации о памятниках наследия — храмах и храмовых комплексах различных эпох и конфессий. Зачастую сведения, предоставляемые подобными источниками, уникальны. О многих культовых сооружениях, выявленных в рамках исследования по проекту «Храм и ландшафт», не было известно ранее. Решение историко-географических загадок, окутывающих памятники наследия, проводится на основе комплексного полимасштабного историко-картографического анализа и применения современных геоинформационных методов. Наглядным примером в этом отношении служит метод сопоставления картографических изображений местности по хронологическим срезам (в различные исторические периоды), который позволил проследить историко-географическую эволюцию культовых сооружений до начала XXI в. [8].

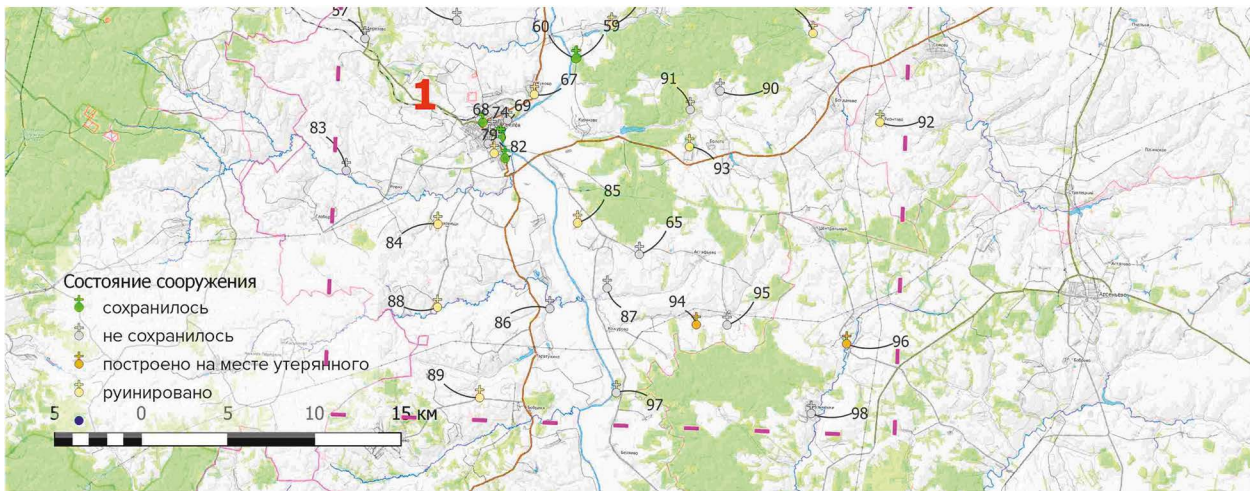
Систематизация и расширение понимания историко-географической эволюции местности, детализация полученных сведений в ходе полевых работ и др. методов, формирование целостного представления об исследуемом пространстве невозможны без комплексного картогра-

фического анализа [17]. Сведения письменных источников и анализ старинных географических карт позволяют воссоздать картину эволюции пространства, функциональной роли того или иного места в прошлом и настоящем. Новейшие геоинформационные технологии дают возможность на полимасштабном уровне сопоставить разнообразные картографические произведения: топографические карты, аэрофото- и космические снимки местности, высокоточные цифровые модели рельефа, гидрография и др. Благодаря им можно одновременно охватить гораздо большее пространство, дистанционно и сверхдетально рассмотреть исследуемые участки, генерализируя подробности [18].

Одним из ключевых участков, использовавшихся для верификации подходов к выделению типа культовых сооружений, стал микрорегион в пределах линии Воротынск — Перемышль — Чекалин (Лихвин) — Белёв, расположенный на землях, прилегающих к долине реки Оки в её верхнем течении на стыке современных Калужской и Тульской областей. В рамках проекта «Храм и ландшафт» для данной территории была создана база данных культовых сооружений, упоминавшихся в различных источниках, в том числе отображавшихся на разновременных картах, а также составлена серия тематических карт-схем (ил. 4).

Картографический, топонимический, культурологический и смежные с ними подходы, привлечение археологических материалов, письменных источников, исследований географов, историков, филологов, этнографов, культурологов, архитекторов и других специалистов могут быть использованы для воссоздания объективной картины прошлого отдельных культовых сооружений, а также эволюции историко-географического ландшафта в целом, позволяют с большей точностью определить место, значение и роль культовых сооружений в структуре ландшафтов.

№ п/п	Населённый пункт с храмом (топоним, подписанный на карте 1:126 000)	Административная принадлежность в XIX в.	Материал строения (кам. – каменный, дер. – деревянный)	Лист карты 1:126 000	Современный населённый пункт	Привязка к современной топографической карте (номенклатура листа и квадрат координатной сетки)	Современное состояние	Местоположение в населённом пункте
1	с. Спаское	Перемышльский уезд Калужской губернии	кам.	XIII-14	с. Спас в составе городского округа «Город Калуга» Калужской области	№37-049-В (кв. 4411)	Спасо-Преображенский Воротынский монастырь: собор Спаса Преображения (не ранее 1550) и храм Введения во храм Пресвятой Богородицы (кон. XVII в. – нач. XVIII в.). Восстановлен. Обозначен на картах 1:50 000 1942 г. и 1985 г. и на картах 1:100 000 1941 г., 1953 г. и 1989 г.	центральное место
2	с. Чижовка. На трёхвёрстной карте храм не отмечен	Калужский уезд Калужской губернии	кам.		д. Чижовка в составе городского округа «Город Калуга» Калужской области	№37-049-В (кв. 4316)	Храм Николая Чудотворца (ок. 1730). Восстановлен, действует. Обозначен на картах 1:50 000 1942 г. и 1985 г. и на картах 1:100 000 1941 г., 1953 г. и 1989 г.	центральное место
3	с. Заладужье (Сокорево-Никольское)	Перемышльский уезд Калужской губернии	дер.	XIII-14	д. Сокорево в составе городского округа «Город Калуга» Калужской области	№37-049-В (кв. 4112)	Не сохранился. Обозначен на нем. карте 1:50 000 1942 г. и на картах 1:100 000 1941 г. и 1953 г.	центральное место

Ил. 4. Храмы ключевого участка Воротынский — Перемышль — Чекалин (Лихвин) — Белёв: фрагмент базы данных культовых сооружений (составлено А.Г. Хроповым) и пример локализации храмов на одной из карт-схем (картограф А.С. Добрянский)

Типология культовых сооружений по критериям места, эпохи, события

Определение типологически различных критериев (подходов) выбора места (типа ландшафта) для сооружения объекта культа различных религий с учётом эпохи и события, предшествовавших появлению того или иного сооружения, возможно при выявлении их взаимосвязи с ландшафтами. Изучение культовых сооружений располагающихся в высоко-, средне- и слабоурбанизированных районах,

таких как на юге — субтропические Средиземноморье и Причерноморье, горные и прибрежные ландшафты Кавказа и Крыма, степные — Калмыкии; на юго-западе — степные, лесостепные и лесные ландшафты Северо-Западного Причерноморья, в том числе Среднего Днестра; в центральной части Европейской России — лесостепные и лесные ландшафты (на стыках Тульской и Калужской, Владимирской и Рязанской, и Смоленской областей); на севере — лесные и лесотундровые ландшафты Русского Севера, позволили выделить следующие

типы культовых сооружений в зависимости от критериев места, эпохи, со- бытия:

- 1) зарождающейся религии, возникавшие в недрах уже сформировавшегося общества с устоявшейся религией, обычно враждебной к новой религии (как правило, храмы максимально сливаются с окружающим ландшафтом или искусственно укрыты);
- 2) возводимые в эпоху угрозы завоеваний уже победивших и устоявшихся религий (зачастую для них характерны за- крывание, использование естественных укрытий, в том числе строительство пещерных храмов);
- 3) победившей религии (часто характе- ризуются перестраиванием местных храмов под нужды своей религии, тем более – в завоёванной стране);
- 4) признанной, главной религии страны (как правило, победно высются на самых видных, возвышенных местах, в центре городов, в отдельных случаях сами ста- новятся градообразующими);
- 5) обусловленные желанием человека уйти от суеты и суетности жизни общества, а также политическими причинами (строящиеся специально в заведомо уединённых местах монастыри и ски- ты, традиционно приуроченные к отдалённым и сравнительно труднодоступ- ным территориям: границам Русского государства, островам, полуостровам, устьям больших рек и т.п.);
- 6) построенные на месте, где происходи- ли какие-либо важные памятные собы- тия или в честь них: а) построены не- посредственно по окончании события, б) строительство начато по окончании

события, в) построены к юбилейной дате события (чаще всего размещают- ся в самом центре населённого пункта, подчёркивая своим местоположением важность отмечаемого события, либо на месте самого события);

- 7) связанные с дорогой – с началом пути, с его окончанием, с промежуточными остановками на долгом пути – «путе- вые» храмы (строились в местах, где ме- няют лошадей, останавливаются на от- дых, играя, хотя и скромную, но всё же градообразующую роль, обрстая по- сёлком);

- 8) моленные помещения в доме – «до- мовые церкви» (могут быть разного со- циального статуса и принадлежности, принадлежать императорской, королев- ской, отдельной семье, какой-либо ор- ганизации или учреждению, воинской ча- сти, больнице, госпиталю и др.; к таким храмам относятся и многочисленные храмы в русских дворянских усадьбах).

Результаты исследования по проекту «Храм и ландшафт» могут быть использо- ваны для дальнейших детальнейших специа- лизированных изысканий, обоснования охраны и развития структуры современ- ных городских и сельских ландшафтов, архитектурных ансамблей и историко- культурных комплексов, популяризации, образования (как духовного, так и свет- ского), а также обустройства инфра- структуры для развития и расширения туристического потенциала с учётом уже имеющихся компонентов (храмов, мона- стырей, других культурных и природных объектов) и выявленных закономерностей историко-географической эволюции про- странства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герцен А.А., Герцен О.А., Гордова Ю.Ю., Костовска С.К., Костовска Ст.К., Хропов А.Г. Аспекты картографии и топонимии культовых сооружений в историко-географической перспективе // ИнтерКарто. ИнтерГИС, 2023. Т. 29. С. 180–203. DOI: 10.35595/2414-9179-2023-2-29-180-203.
2. Герцен А.А., Нестерова Т.П., Паскарёв Е.Г., Тельнов Н.П. На перекрёстке цивилизаций: про- странство, время, наследие. Новейшие историко-географические исследования некоторых памятников Северо-Западного Причерноморья. М.; СПб.: Нестор-История, 2019.

3. Kostovska S.K., Gordova Yu.Yu., Herzen O.A., Herzen A.A. Historical-cartographic and Toponymic Approaches in Geoarchaeology: a Case Study of Temples and Temple Complexes // Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy: Proceedings of 9th Geoarchaeological Conference, Miass, Russia, 19–23 September 2022. Springer, 2023. Pp. 23–38. (Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences). DOI: 10.1007/978-3-031-46424-9_3.
4. Галкина Т.А. Место храма в природном ландшафте // Социоестественная история. 2021. Вып. 44. С. 149–157. DOI: 10.29003/m2598.s-n_history_2021_44/149-157.
5. Борисенко Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.: Мысль, 1988.
6. Юрченко Н.А. Церковь Св. Троицы А.В. Щусева в Верхних Кугурештах как неотъемлемая часть «одушевлённого пейзажа» в сельском пространстве // Социоестественная история. 2023. Вып. 45. С. 185–193. DOI: 10.15356/s-n_history_2022-45_25.
7. Некрич А.С., Костовска С.К. Земледелие в Бахчисарайском районе Крымского полуострова: основные черты на протяжении ряда исторических периодов // Социоестественная история. 2023. Вып. 45. С. 95–95. DOI: 10.15356/s-n_history_2022-45_12.
8. Герцен А.А. Храмы на старинных картах Северо-Западного Причерноморья // Социоестественная история. 2023. Вып. 45. С. 130–136. DOI: 10.15356/s-n_history_2022-45_18.
9. Нестерова Т.П. Культовые здания и ландшафт – исторический бином // Социоестественная история. 2023. Вып. 45. С. 96–101. DOI: 10.15356/s-n_history_2022-45_13.
10. Галкина Т.А. Палладианство и его роль в церковной архитектуре и культурном ландшафте России // Социоестественная история. 2023. Вып. 45. С. 46–56. DOI: 10.15356/s-n_history_2022-45_7.
11. Иванов С.В. Размещение культовых сооружений в природно-культурном ландшафте Смоленска // Социоестественная история. 2023. Вып. 45. С. 145–153. DOI: 10.15356/s-n_history_2022-45_20.
12. Костовска С.К., Костовска Ст.К. Культовые сооружения как элемент вмещающего ландшафта // Социоестественная история. 2021. Вып. 44. С. 208–215. DOI: 10.29003/m2606.s-n_history_2021_44/208-215.
13. Кёппен П.И. Города и селения Тульской губернии в 1857 г. [Электронный ресурс: Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина]. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1858. Т. XX. 214 с. URL: <https://www.prilib.ru/item/686063> (дата обращения: 01.02.2023).
14. Хропов А.Г. Анализ пространственного размещения культовых сооружений на основе картографических и литературных источников XIX века (на примере Епифанского уезда Тульской губернии) // Социоестественная история. 2023. Вып. 45. С. 170–178. DOI: 10.15356/s-n_history_2022-45_23.
15. Герцен О.А. Взаимовлияние экклезионимов и топонимов: номинативная мотивация // Социоестественная история. 2023. Вып. 45. С. 137–144. DOI: 10.15356/s-n_history_2022-45_19.
16. Нестерова Т.П. Пропорции в архитектуре как возможность определения времени возведения исторических сооружений // Социоестественная история. 2021. Вып. 44. С. 123–133. DOI: 10.29003/m2595.s-n_history_2021_44/123-133.
17. Герцен А.А., Паскарёв Е.Г., Хропов А.Г. Топографические карты Северо-Западного Причерноморья XVII – середины XVIII вв. // Геодезия и картография. 2021. № 6. С. 26–36. DOI: 10.22389/0016-7126-2021-972-6-26-36.
18. Герцен А.А., Костовска С.К., Нестерова Т.П. Загадки Василькова на Днестре: история, география, топонимия, архитектура // ИнтерКарто. ИнтерГИС, 2021. Т. 27. Ч. 4. С. 495–519. DOI: 10.35595/2414-9179-2021-4-27-495-519.

Temple and Landscape: Development and Verification of the Typology of Religious Buildings According to Place, Era, Event

Silvia Kostadinova Kostovska – Candidate of Science (Geography), senior researcher at the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (IG RAS), head of the project “Temple and Landscape” (21-011-44277).

E-mail: silvakos@igras.ru

Tamara Artakovna Galkina – Candidate of Science (Geography), senior researcher at IG RAS, executor of the same project.

E-mail: tamargalkin@yandex.ru

Andrey Artyomovich Herzen – Candidate of Science (Geography), senior researcher at IG RAS, executor of the same project.

E-mail: gerzen@igras.ru

Sergey Vladimirovich Ivanov – junior researcher at IG RAS, executor of the same project.

E-mail: serviv@igras.ru

The article presents individual results of the research team obtained in the implementation of the research project “Temple and Landscape” (21-011-44277). This included the systematization of religious buildings – objects of spiritual and cultural heritage as indicators of historical and geographical landscapes. The authors explore the patterns of location of different religious buildings in the landscape in certain historical periods, the specifics of the geography of religious buildings, and the reflection of the spiritual development of ethnic communities throughout space and time. The publication uncovers the dependence of the location of religious buildings on natural conditions, historical events, the time of their emergence, the layout and existing architecture of the surrounding area, the aesthetic appeal of the construction site, the openness/closedness of the territory, availability of construction materials, transport accessibility (major routes nearby) and other factors. The expressiveness of temples and their complexes and landscapes is enhanced by their interconnected location. The use of an interdisciplinary approach and the application of methods from the humanities, natural sciences and engineering (comparative, cartographic, field observations, etc.) to study religious traditions, including the location of temple complexes in the landscape, allowed to develop and verify a typology of religious buildings depending on criteria such as location, era, historical event.

Keywords: religious buildings, historical and geographical landscape, systematization, typology, religions, temple, religious and defensive architecture, natural landscape, correlation of nature and society, cartographic works, toponyms, choice of location, era, event

REFERENCES

1. Herzen A.A., Herzen O.A., Gordova Yu.Yu., Kostovska S.K., Kostovska St.K., Khropov A.G. Aspekty kartografii i toponimii kul'tovykh sooruzhenii v istoriko-geograficheskoi perspektive // Inter-Karto. InterGIS, 2023. T. 29. S. 180–203. DOI: 10.35595/2414-9179-2023-2-29-180-203 (in Russian).
2. Herzen A.A., Nesterova T.P., Paskar' E.G., Tel'nov N.P. Na perekryostke tsivilizatsii: prostranstvo, vremya, nasledie. Noveishie istoriko-geograficheskie issledovaniya nekotorykh pamyatnikov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya. M.; Spb.: Nestor-Istoriya, 2019 (in Russian).
3. Kostovska S.K., Gordova Yu.Yu., Herzen O.A., Herzen A.A. Historical-cartographic and Toponymic Approaches in Geoarchaeology: a Case Study of Temples and Temple Complexes // Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy: Proceedings of 9th Geoarchaeological Conference, Miass, Russia, 19–23 September 2022. Springer, 2023. Pp. 23–38. (Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences). DOI: 10.1007/978-3-031-46424-9_3.

4. Galkina T.A. Mesto khrama v prirodnom landshafte // Sotsioestestvennaya istoriya. 2021. Vyp. 44. S. 149–157. DOI: 10.29003/m2598.s-n_history_2021_44/149-157 (in Russian).
5. Borisenko E.P., Pasetskii V.M. Tysyacheletnyaya letopis' neobychnykh yavlenii prirody. M.: Mysl', 1988 (in Russian).
6. Yurchenko N.A. Tserkov' Sv. Troitsy A.V. Shchuseva v Verkhnikh Kugureshtakh kak neot'emlemaya chast' «odushevlyonnogo peizazha» v sel'skom prostranstve // Sotsioestestvennaya istoriya. 2023. Vyp. 45. S. 185–193. DOI: 10.15356/s-n_history_2022-45_25 (in Russian).
7. Nekrich A.S., Kostovska S.K. Zemledelie v Bakhchisaraiskom raione Krymskogo poluostrova: osnovnye cherty na protyazhenii ryada istoricheskikh periodov // Sotsioestestvennaya istoriya. 2023. Vyp. 45. S. 95–95. DOI: 10.15356/s-n_history_2022-45_12 (in Russian).
8. Herzen A.A. Khramy na starinnykh kartakh Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya // Sotsioestestvennaya istoriya. 2023. Vyp. 45. S. 130–136. DOI: 0.15356/s-n_history_2022-45_18 (in Russian).
9. Nesterova T.P. Kul'tovye zdaniya i landshaft – istoricheskii binom // Sotsioestestvennaya istoriya. 2023. Vyp. 45. S. 96–101. DOI: 10.15356/s-n_history_2022-45_13 (in Russian).
10. Galkina T.A. Palladianstvo i ego rol' v tserkovnoi arkhitekture i kul'turnom landshafte Rossii // Sotsioestestvennaya istoriya. 2023. Vyp. 45. S. 46–56. DOI: 10.15356/s-n_history_2022-45_7 (in Russian).
11. Ivanov S.V. Razmeshchenie kul'tovykh sooruzhenii v prirodno-kul'turnom landshafte Smolenska // Sotsioestestvennaya istoriya. 2023. Vyp. 45. S. 145–153. DOI: 10.15356/s-n_history_2022-45_20 (in Russian).
12. Kostovska S.K., Kostovska St.K. Kul'tovye sooruzheniya kak element vmeshchayushchego landshafta // Sotsioestestvennaya istoriya. 2021. Vyp. 44. S. 208–215. DOI: 10.29003/m2606.s-n_history_2021_44/208-215 (in Russian).
13. Kyoppen P.I. Goroda i seleniya Tul'skoi gubernii v 1857 g. [Elektronnyi resurs: Prezidentskaya biblioteka im. B.N. El'tsina]. SPb.: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1858. T. XX. 214 s. URL: <https://www.prlib.ru/item/686063> (data obrashcheniya: 01.02.2023) (in Russian).
14. Khropov A.G. Analiz prostranstvennogo razmeshcheniya kul'tovykh sooruzhenii na osnove kartograficheskikh i literaturnykh istochnikov XIX veka (na primere Epifanskogo uezda Tul'skoi gubernii) // Sotsioestestvennaya istoriya. 2023. Vyp. 45. S. 170–178. DOI: 10.15356/sn_history_2022-45_23 (in Russian).
15. Herzen O.A. Vzaimovliyanie ekklezionimov i toponimov: nominativnaya motivatsiya // Sotsioestestvennaya istoriya. 2023. Vyp. 45. S. 137–144. DOI: 10.15356/s-n_history_2022-45_19 (in Russian).
16. Nesterova T.P. Proportsii v arkhitekture kak vozmozhnost' opredeleniya vremeni vozvedeniya istoricheskikh sooruzhenii // Sotsioestestvennaya istoriya. 2021. Vyp. 44. S. 123–133. DOI: 10.29003/m2595.s-n_history_2021_44/123-133 (in Russian).
17. Herzen A.A., Paskar' E.G., Khropov A.G. Topograficheskie karty Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya XVII – serediny XVIII vv. // Geodeziya i kartografiya. 2021. № 6. S. 26–36. DOI: 10.22389/0016-7126-2021-972-6-26-36 (in Russian).
18. Herzen A.A., Kostovska S.K., Nesterova T.P. Zagadki Vasil'kova na Dnestre: istoriya, geografiya, toponimiya, arkhitektura // InterKarto. InterGIS, 2021. T. 27. Ch. 4. S. 495–519. DOI: 10.35595/2414-9179-2021-4-27-495-519 (in Russian).

Индекс УДК 272/279

Код ГРНТИ 21.31.51

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-121-02-105-114

**Прот. П.В. ХОНДЗИНСКИЙ,
А.В. МАЛЫШЕВ,
В.А. ЯЧМЕНИК***

Современное изучение древней латинской церковной традиции

В рамках проекта «Латинская церковная традиция IV–VII вв. в современном научно-богословском контексте», которому и посвящён этот обзор, преследовалась цель актуализации в контексте современного православного богословия церковного наследия латинского Запада позднеантичного и раннесредневекового периода. Были изучены особенности экклесиологической мысли и развития системы церковной организации на латинском Западе в IV–VII вв., специфика ранней латинской аскетической, мистической и эсхатологической традиции и рецепция латинского церковного наследия в русском богословии XIX–XX вв. Исследования по теологическому проекту, осуществлявшемуся усилиями десяти учёных ПСТГУ (прот. П. Хондзинского (руководитель), иер. А. Постернака, Г.Е. Захарова, М.В. Грацианского, А.Г. Небольсина, А.В. Анашкина, М.Ю. Биркина, Н.А. Кульковой, Е.В. Матеровой, И.С. Редьковой), обозначили значимость древнехристианского наследия латинского Запада для развития общеевропейского наследия и культуры и, в частности, русской богословской мысли.

Ключевые слова: латинская традиция, рецепция древнего Запада, экклесиология, женское служение, церковное управление, восточный Иллирик, блаженный Августин Иппонийский, Тихоний Африканский

* **Протоиерей Хондзинский Павел Владимирович** — доктор богословия, кандидат теологии, профессор и заведующий кафедрой практического богословия богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ), декан богословского факультета, руководитель проекта «Латинская церковная традиция IV–VII вв. в современном научно-богословском контексте» (21-011-44125).

E-mail: paulum@mail.ru

Малышев Артём Владиславович — кандидат теологии, старший преподаватель кафедры систематического богословия и патрологии богословского факультета ПСТГУ.

E-mail: artema.malyshev@gmail.com

Ячменик Вячеслав Александрович — кандидат теологии, старший преподаватель кафедры систематического богословия и патрологии богословского факультета ПСТГУ.

E-mail: yachmenik94@mail.ru

Латинская патристика и церковная история позднеантичного и ранне-средневекового Запада давно входит в круг активно разрабатываемых исследовательских направлений мировой гуманитарной науки, поскольку данный вопрос неразрывно связан с истоками европейской цивилизации. Особое внимание традиционно уделяется наследию блж. Августина, библиография трудов о котором не обозрима (см., например, фундаментальное, почти 600-страничное исследование Р. Кани, в большей своей части посвящённое обзору работ по триадологии блж. Августина [1]). Изучение данной проблематики не только носит внеконфессиональную историко-теологическую направленность, но и соотносится с богословской традицией конкретных религиозных сообществ, а также с межконфессиональной полемикой и диалогом.

Ниже мы кратко обозначим в хронологическом порядке (от древнего времени к XX в.) состояние вопроса по темам, которые раскрыты в отдельных изданиях и статьях, а также обозначим специфику российской традиции изучения латинской патристики.

Экклесиология латинского Запада в позднеантичный период

Одним из важнейших направлений работы исследовательского коллектива по проекту стало изучение экклесиологической традиции и церковной организации латинского Запада в позднеантичный период. Говоря о древнехристианской латинской экклесиологической традиции, западные исследователи сосредотачивают основное внимание на истории папского примата, в чём проявляется конфессиональная специфика их походов. При этом если католические авторы часто предлагают богословско-апологетические интерпретации истории раннего папства (П. Батиффоль [2], М. Маккарроне [3], К. Шатц [4] и др.), то протестантские исследователи склонны делать акцент на историко-политических аспектах феномена возвышения Римского престола (Е. Каспар [5]).

В современной научной литературе наметилась тенденция к совмещению двух подходов: идея римского первенства рассматривается в контексте генерирования важнейшими церковными центрами, находящимися в пространстве позднеантичного мира и конкурирующими между собой, различных экклесиологических моделей (концепция геоэкклесиологии Ф. Блодо [6]). Предпринимаются также попытки изучения истории идеи папского примата с точки зрения дискурсивного подхода. Вместе с тем особое внимание исследователи в последнее время уделяют изучению биографий и письменного наследия отдельных римских пап. Говоря об исследованиях по истории папства в XX в., нельзя не упомянуть монументальную монографию Ш. Пиетри, посвящённую христианскому Риму IV–V вв., в которой также большое внимание уделяется римской экклесиологической традиции, однако в целом история Римской Церкви подаётся как история столичной городской христианской общины [7].

Следует также подчеркнуть, что сосредоточенность исследователей на вопросе папского примата приводит к своеобразному сужению перспективы и не даёт возможности сформировать целостное видение латинской древнехристианской экклесиологической традиции в её единстве и многообразии. Хотя экклесиологическая мысль отдельных латинских отцов Церкви и становилась предметом недавних монографических исследований, но обобщающих трудов, в которых был бы предложен анализ общих тенденций развития латинской экклесиологической мысли, в последнее время так и не создано.

В рамках проекта для изучения римской экклесиологии и церковного управления в IV–V вв., когда закладывались основы современного понимания митрополий и папства, важной оказалась концепция трёх Петровых престолов, исследованная Г.Е. Захаровым [8], которая возникла в ответ на амбиции Константинополя и его попытки утвердить статус Нового Рима. Это подчёркивает важность конкуренции между двумя

Ил. 1. Базилика Сант-Аполлинаре-Нуово в Равенне, Италия:
«Шествие святых дев и мучеников». Мозаика выполнена в 526 г. н.э.

центрами христианства и показывает, как политические и церковные интересы переплетались в пространстве этой эпохи.

Не менее важным оказалось исследование развития церковно-административных структур, возникавших в Галлии и Восточном Иллирике под влиянием папских решений. Анализ начального этапа этих структур позволяет понять, как ранняя церковная иерархия организовывалась и адаптировалась к новым условиям и требованиям [9]. Кризис авторитета Римской Церкви во время понтификатов Зосимы и Бонифация, ставший предметом статьи М.В. Грацианского [10], позволяет поставить акцент на сложной роли императора в решении церковных конфликтов, в том числе по вопросам вероучения и назначения церковной иерархии. Папы оказались в ситуации, когда их власть стала подчинённой внешним политическим обстоя-

тельствам, что существенно ослабляло их авторитет и влияние.

Проследить, каким образом складывались отношения между двумя значительными центрами христианства – Римом и Константинополем, а также выявить влияние этих взаимосвязей на церковное устройство и иерархию того времени имеет своей целью проведённый А.В. Анашкиным анализ Послания римского папы Сикста (Ксиса) III к Проклу, архиепископу Константинопольскому [11]. Это послание даёт уникальную возможность глубже понять политические и церковные отношения того времени, что особенно важно для изучения роли Фессалоникийского викариата, поскольку в них представлены взаимосвязи между Римским престолом, Константинопольской и Фессалоникийской кафедрами в 430-е гг.

В статье «Старицы в Древней Церкви» иер. А. Постернак приходит к выводу о том,

что эволюция женского служения в Церкви, в первую очередь в западной её части, демонстрировала невозможность его дальнейшей институционализации и сближения с литургическим служением [12] (ил. 1). В рамках статьи были представлены основные этапы и направления развития западной (в первую очередь, англо-, франко- и немецкоязычной) историографии на примере наиболее значимых монографий и статей, посвящённых женщинам, которые выполняли церковное служение в Древней Церкви: в частности, диакониссам, вдовам и девам [13]. При этом продемонстрированы основные проблемы, в связи с которыми эти темы изучались, начиная с XVII в. вплоть до нынешнего времени, например, в контексте Нового Завета, истории нехалкидонитских Церквей — как с академических, так и гендерных позиций.

М.Ю. Биркин исследовал базовую для Средневековья оппозицию *auctoritas* и *potestas*, которая рассматривается применительно к фигуре епископа преимущественно на материалах постановлений Толедских соборов [14]. Сделанные наблюдения позволяют уточнить распространённое утверждение, что с V в. *auctoritas* якобы связывалась только с духовной властью, а *potestas* — со светской. В статье И.С. Редьковой на примере трактата регулярного каноника Гуго Фольетского «Об обители души» раскрывается, как цитирование отцов Церкви, использование старолатинских, отличающихся от стандартного перевода Иеронима цитат Библии, создают особенный, узнаваемый стиль экзегета [15].

«Толкование на Апокалипсис» Тихония как точка пересечения западной и восточной традиций

Одним из важнейших направлений исследований в рамках проекта стали также перевод и комментирование сочинения Тихония Африканского «Толкование на Апокалипсис» (ил. 2). Необходимость и возможность реконструкции данного текста, сохранившегося лишь в многочисленных цитатах у позднейших авторов и оказавшего огром-

ное влияние на нехилиастическую экзегезу и богословскую мысль последующих веков, была осознана в конце XIX в. Впервые вопрос об этом поставил немецкий учёный И. Хаусляйтер в 1886 г. В течение XX в. шла интенсивная подготовительная работа в этом направлении. В 1987 г. был издан синопсис фрагментов тихониевского комментария. В 2011 г., наконец, 125-летние труды завершились критическим изданием реконструированного текста и его французского перевода. В 2017–2018 гг. были изданы английский и немецкий переводы Комментария Тихония. В России осмысление наследия Тихония — в известном на тот момент объёме — началось ещё до революции. Архимандрит (впоследствии митрополит) Антоний (Храповицкий), высоко оценивая его Правила — единственный дошедший до нас полностью труд Тихония, — указывал на их значение для современной экзегетики, а автором первого в Европе труда монографического масштаба, посвящённого Тихонию, был выпускник — впоследствии профессор — Дерптского университета прибалтийский немецкий богослов Трауготт Хан. В настоящее время перевод Толкования Тихония на первые пять глав Апокалипсиса Иоанна по новому критическому изданию выполнили Е.В. Матерова и А.Г. Небольсин и опубликовали в виде статей [16–18]. Статьи продолжила книга «Тихоний Африканский. Толкование на Апокалипсис». Предложенный в ней перевод снабжён вступительной статьёй и комментариями.

Одновременно в рамках проекта исследовано своеобразие экзегезы Тихония на примере одного из бестиарных образов Откровения Иоанна Богослова — образа саранчи (Откр. 9), а также изучена рецепция труда Тихония у более поздних экзегетов — Цезария Арльского и Примасия Гадруметского [19].

Вклад отечественных исследований в изучение латинской патристики

Если изучение западной патристики представителями западной традиции не поддаётся краткому обзору, так

Ил. 2. Одна из серии гравюр Альбрехта Дюрера, созданная в 1496–1498 гг.

как не только по отдельным авторам, но и по отдельным сторонам их наследия написаны сотни монографий, не говоря уже о немалом количестве специализирующихся на этой теме научных журналов, то в православной богословской науке дело обстоит иначе. Её крупнейшие представители и на Востоке, и на Западе, и в России сосредоточены сегодня в основ-

ном на изучении наследия именно восточных, а не западных отцов Церкви. И если в одной из своих посмертно опубликованных статей «Эллинистический и римский разум в средние века Церкви» (1989) прот. Георгий Флоровский подчёркивал необходимость пристального внимания именно к наследию древнего христианского Запада, то, к сожалению, эта мысль пока

Ил. 3. Филипп де Шампень «Святой Августин»,
ок. 1650 г. Лос-Анджелес, Окружной художественный музей

ещё не является всеобщим достоянием современного православного, и в частности российского, богословия.

Правда, следует отметить, что в конце XIX – начале XX в. в русской богословской науке ощущался заметный интерес к западной патристике – прежде всего, конечно, к блж. Августину (библиография работ, ему посвящённых, насчитывает не один десяток монографий и статей), но также и к другим отцам западной Церкви: свт. Амвросию Медиоланскому, Иларию Пиктавийскому. Интерес этот имел под собой важное основание: провести исследование, преодолевающее односторонность западного католического или протестантского подходов. К сожалению, по известным историческим обстоятельствам эта традиция прервалась, хотя одна из последних крупных работ представителей русской дореволюционной богословской школы, «Св. Иларий, епископ Пиктавийский» мч. Иоанна Попова (следует напомнить, что перу того же И.В. Попова принадлежит также наиболее фундаментальное дореволюционное исследование личности и гносеологии блж. Августина),

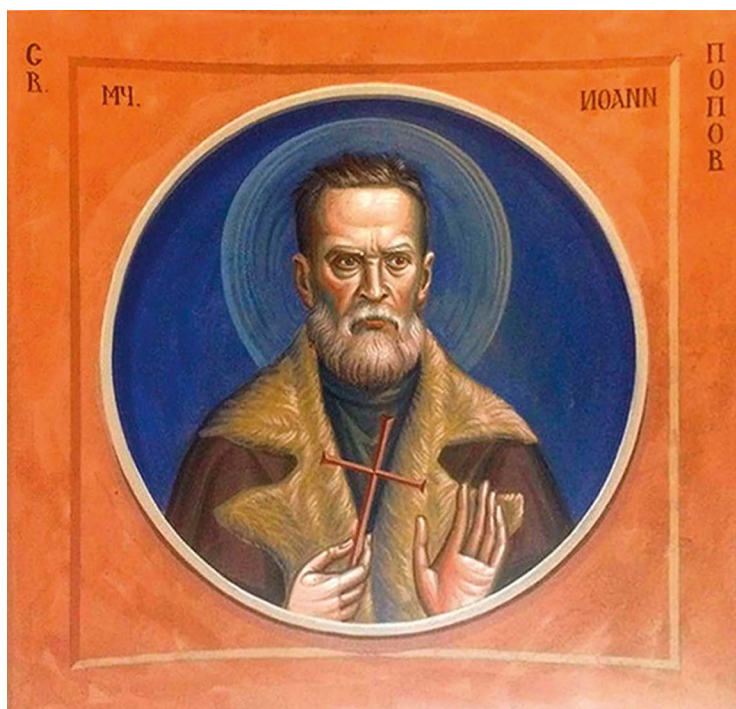
была написана, как известно, именно по западной патристике, причём уже в 1930 г.

Значению древней западной традиции в истории русского богословия эпохи Модерна посвящены написанные в рамках проекта статьи прот. П. Хондзинского, особое внимание в которых уделено корпусу сочинений блж. Августина (ил. 3).

В них, во-первых, впервые исследуется влияние работ французского патролога Эмиля Мерша на богословие диаспоры, прежде всего – богословие упомянутого прот. Георгия Флоровского. Полученные результаты актуальны для оценки релевантности концепции неопатристического синтеза в современном богословии [20]. Отдавая должное отцам Востока, Мерш считал, что своего итогового синтеза концепция достигает у авторов «французской школы» XVII в., где представление о личном мистическом единстве со Христом, восходящее к рейнским мистикам, соединяется с мыслью свт. Кирилла Александрийского и свт. Илария Пиктавийского о «природном» единстве Церкви в Евхаристии. В то же время этот синтез, по мысли Мерша, придавал закон-

ченное выражение учению блж. Августина о Церкви как «всецелом Христе» — totus Christus. Монография Мерша была замечена авторами диаспоры. На неё написала рецензию М. Лот-Бородина, прот. Сергей Булгаков почерпнул у Мерша нужные ему ссылки на блж. Августина, но наиболее вдумчиво к работе Мерша отнесся прот. Георгий Флоровский. Описывая его реакцию на монографию, следует учитывать, что изначально Флоровский стоял на позиции, сформированной в русском богословии ещё в начале XX в. представителями «нового богословия» и прежде всего митр. Антонием (Храповицким). Для этой позиции было характерно конституирование единства Церкви не столько на евхаристическом, сколько на нравственном уровне, представляющем, благодаря персоналистическому учению о взаимопрозрачности личностей, как единство природное. Важно также, что авторам концепции их учение представлялось тождественным святоотеческому. В статье прослеживается постепенная эволюция взглядов Флоровского от вышеуказанной концепции, через попытку соединить учение о totus Christus с учением митр. Антония, к однозначно выраженному христологическому и одновременно августинианскому акценту в экклесиологии.

Во-вторых, прот. П. Хондзинский выполнил научно-теологическое исследование докторской диссертации И.В. Попова «Личность и наследие блаженного Августина» (1916) (ил. 4). Актуальность исследования заключается в возможности на основе полученных выводов выявить значение диссертации Попова для современного осмысления богословских воззрений блж. Августина [21]. Хотя до нас дошёл только первый том труда русского патролога, он представляет значительный интерес уже тем, что свидетельствует о продолжающейся интеллектуальной эволюции его

Ил. 4. Мч. Иоанн Попов. Икона (XXI в.)

автора, который от изучения темы обожения в восточной патристике сделал резкий поворот в сторону патристики западной. Правда, наличие в западном богословии представлений об обожении признаётся сегодня далеко не всеми исследователями, да и сам Попов в своей докторской диссертации термин «обожение» также не употребляет. Однако вывод Попова о присущем блж. Августину своего рода онтологизме, понимаемом как возможность непосредственного общения с Богом уже в этой жизни, в известном смысле представляет собой следующий этап поисков автором органичного совмещения нравственной и мистической составляющих христианской жизни. Содержа в себе имплицитную, но актуальную для начала XX в. критику гарнаковского рационализма, труд мученика XX в. оказал влияние и на русскую мысль середины прошлого столетия, будучи востребован в русской диаспоре.

Выводы

Таким образом, подводя некоторый промежуточный итог и проделанной в рамках проекта работе, и оценке современного

состояния дел в изучении западной патристики, следует ещё раз подчеркнуть, что многообразие высказанных в этом отношении западными учёными взглядов не избавляет православную, и в том числе русскую богословскую традицию от необходимости и дальше развивать это направление. И дело не в ситуативных экуменических проектах. Гораздо важнее то, что само разделение на Восток и Запад не является изначальной данностью церковной жизни, а конституируется уже заметно позднее в процессе, растянутом на века. При таком взгляде на первый план

выступает скорее взаимодополняемость традиций, чем их антагонизм, подчёркиванием которого так увлекались многие русские авторы ещё со времён славянофилов. По объективным причинам оказавшись в XX в. на периферии интересов русского богословия, западная патристика в XXI в. становится всё более перспективной и значимой областью исследования, позволяющей приблизиться к решению целого ряда актуальных теологических вопросов сегодняшнего дня и перспективам концептуально обусловленного межконфессионального диалога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kany R. Augustins Trinitätsdenken. Bilanz, Kritik und Weiterführung der modernen Forschung zu "De Trinitate". Tübingen, 2007.
2. Batiffol P. Cathedra Petri: études d'histoire ancienne de l'Eglise. P., 1938.
3. Maccarrone M. Romana ecclesia – cathedra Petri. Vol. I. Roma, 1991.
4. Schatz K. La primauté du Pape. Son histoire, des origines à nos jours. P., 1992.
5. Caspar E. Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft. Bd. I. Tübingen, 1930.
6. Blaudeau Ph. Qu'est-ce que la géo-ecclésiologie?: éléments de définition appliqués à la période tardo-antique (IVE–VIe s.) // Costellazioni geo-ecclesiali da Costantino a Giustiniano: dalle Chiese 'principali' alle Chiese patriarcali. XLIII Incontro di studiosi dell'Antichità Cristiana (Roma, 7–9 maggio 2015). Roma, 2017. Pp. 39–56.
7. Pietri Ch. Roma Christiana. Recherches sur l'Église de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440). Rome, 1976.
8. Захаров Г.Е. Три Петровых престола в римской экклезиологической традиции конца IV – первой половины V в. // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2022. № 103. С. 37–49.
9. Грацианский М.В. Римские епископы и развитие церковно-административных структур «сверхпровинциального» уровня в начале V в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 101. С. 9–33.
10. Грацианский М.В. Кризис авторитета Римской Церкви в понтификаты Зосима (417–418) и Бонифация (418–422) // Византийский временник. Т. 105. 2021. С. 40–59.
11. Анашкин А.В. Послание римского папы Сикста (Ксиса) III к Проклу, архиепископу Константинопольскому // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2022. Вып. 104. С. 135–144.
12. Постернак А.В. Старицы в Древней Церкви // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2022. Вып. 104. С. 11–26.
13. Постернак А.В. Западная историография о женском служении в Древней Церкви // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2023. Вып. 110. С. 11–28.
14. Биркин М.Ю. «Auctoritas» и «potestas» как метафоры образа действий епископа в канонах Толедских соборов VII в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2022. Вып. 109. С. 26–51.

15. Редькова И.С. Святоотеческая традиция и старолатинские переводы Библии в западноевропейской экзегетике XII века: казус Гуго Фольетского // Человеческий капитал. 2021. № 156. С. 34–38.
16. Тихоний Африканский. Комментарий на Апокалипсис (Откр. 1) / Пер. с лат. и коммент. Е.В. Матеровой // Вестник ПСТГУ. Серия III. Вып. 48. М., 2016. С. 108–117.
17. Тихоний Африканский. Комментарий на Апокалипсис (Откр. 2–3) / Пер. с лат. Е.В. Матеровой; Коммент. А.Г. Небольсина // Там же. Вып. 50. М., 2017. С. 98–118.
18. Тихоний Африканский. Комментарий на Апокалипсис (Откр. 4–5) / Пер. с лат. Е.В. Матеровой; Коммент. А.Г. Небольсина // Там же. Вып. 52. М., 2017. С. 115–130.
19. Матерова Е.В. Экклезиологические аспекты образа саранчи (Откр 9) в толковании латинских экзегетов IV–VI вв. // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2021. Вып. 98. С. 11–24.
20. Хондзинский П.В., прот. Экклезиологическая концепция Э. Мерша и её восприятие богословами русской диаспоры // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2022. Вып. 102. С. 29–49.
21. Хондзинский П.В., прот. Портрет учителя Запада в интерьере синодальной эпохи: диссертация И.В. Попова о блаженном Августине // Вопросы теологии. 2022. Т. 4. № 1. С. 54–73.

Modern Study of Ancient Latin Church Tradition

Archpriest Pavel Vladimirovich Khondzinsky – Doctor of Theology, Candidate of Science (Theology), professor and head of the Department of Practical Theology of the Theological Faculty of Saint Tikhon's Orthodox University of the Humanities (STOUH), Dean of the Theological Faculty, Head of the Project “Latin Church Tradition of the 4th-7th Centuries in the Modern Scientific and Theological Context” (21-011-44125).

E-mail: paulum@mail.ru

Artyom Vladislavovich Malyshev – Candidate of Science (Theology), senior lecturer of the Department of Systematic Theology and Patrology of the Theological Faculty of Saint Tikhon's Orthodox University of the Humanities.

E-mail: artema.malyshev@gmail.com

Vyacheslav Aleksandrovich Yachmenik – Candidate of Science (Theology), senior lecturer of the Department of Systematic Theology and Patrology of the Theological Faculty of Saint Tikhon's Orthodox University of the Humanities.

E-mail: yachmenik94@mail.ru

The reviewed project “Latin Church Tradition of the 4th-7th Centuries in the Modern Scientific and Theological Context” is aimed at updating the church heritage of the Latin West of the late antique and early medieval period in the context of modern Orthodox theology. The authors study features of ecclesiological thought and the development of the system of church organization in the Latin West in the 4th-7th centuries, the specifics of the early Latin ascetic, mystical and eschatological tradition and the reception of the Latin church heritage in Russian theology in the 19th-20th centuries. Research on a theological project carried out by ten scholars from Saint Tikhon's Orthodox University of the Humanities (Archpriest P. Khondzinsky (leader), priest A. Posternak, G.E. Zakharov, M.V. Gratsiansky, A.G. Nebolsin, A.V. Anashkin, M.Yu. Birkin, N.A. Kulkova, E.V. Materova, I.S. Redkova) has highlighted the importance of the ancient Christian heritage of the Latin West for the development of pan-European heritage and culture, and in particular, Russian theological thought.

Keywords: Latin tradition, reception of the ancient West, ecclesiology, women's ministry, church administration, Eastern Illyricum, St. Augustine of Hippo, Ticius Africanus

REFERENCES

1. Kany R. Augustins Trinitätsdenken. Bilanz, Kritik und Weiterführung der modernen Forschung zu "De Trinitate". Tübingen, 2007.
2. Batiffol P. Cathedra Petri: études d'histoire ancienne de l'Eglise. P., 1938.
3. Maccarrone M. Romana ecclesia – cathedra Petri. Vol. I. Roma, 1991.
4. Schatz K. La primauté du Pape. Son histoire, des origines à nos jours. P., 1992.
5. Caspar E. Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft. Bd. I. Tübingen, 1930.
6. Blaudeau Ph. Qu'est-ce que la géo-ecclésiologie?: éléments de définition appliqués à la période tardo-antique (IVe–VIe s.) // Costellazioni geo-ecclesiali da Costantino a Giustiniano: dalle Chiese 'principali' alle Chiese patriarcali. XLIII Incontro di studiosi dell'Antichità Cristiana (Roma, 7–9 maggio 2015). Roma, 2017. Pp. 39–56.
7. Pietri Ch. Roma Christiana. Recherches sur l'Eglise de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440). Rome, 1976.
8. Zakharov G.E. Tri Petrovykh prestola v rimskoi ekkleziologicheskoi traditsii kontsa IV – pervoi poloviny V v. // Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie. 2022. № 103. S. 37–49 (in Russian).
9. Gratsianskii M.V. Rimskie episkopy i razvitie tserkovno-administrativnykh struktur «sverkhprovintsial'nogo» urovnya v nachale V v. // Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. 2021. Vyp. 101. S. 9–33 (in Russian).
10. Gratsianskii M.V. Krizis avtoriteta Rimskoi Tserkvi v pontifikaty Zosima (417–418) i Bonifatsiya (418–422) // Vizantiiskii vremennik. T. 105. 2021. S. 40–59 (in Russian).
11. Anashkin A.V. Poslanie rimskogo papy Siksta (Ksista) III k Proklu, arkhiepiskopu Konstantinopol'skomu // Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. 2022. Vyp. 104. S. 135–144 (in Russian).
12. Posternak A.V. Staritsy v Drevnei Tserkvi // Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. 2022. Vyp. 104. S. 11–26 (in Russian).
13. Posternak A.V. Zapadnaya istoriografiya o zhenskoi sluzhenii v Drevnei Tserkvi // Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. 2023. Vyp. 110. S. 11–28 (in Russian).
14. Birkin M.Yu. «Auctoritas» i «potestas» kak metafory obraza deistvii episkopa v kanonakh Toledskikh soborov VII v. // Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. 2022. Vyp. 109. S. 26–51 (in Russian).
15. Red'kova I.S. Svyatootecheskaya traditsiya i starolatinskie perevody Biblii v zapadnoevropeiskoi ekzegetike XII veka: kazus Gugo Fol'etskogo // Chelovecheskii kapital. 2021. № 156. S. 34–38 (in Russian).
16. Tikhonii Afrikanskii. Kommentarii na Apokalipsis (Otkr. 1) / Per. s lat. i komment. E.V. Materovoi // Vestnik PSTGU. Seriya III. Vyp. 48. M., 2016. S. 108–117 (in Russian).
17. Tikhonii Afrikanskii. Kommentarii na Apokalipsis (Otkr. 2–3) / Per. s lat. E.V. Materovoi; Komment. A.G. Nebol'sina // Tam zhe. Vyp. 50. M., 2017. S. 98–118 (in Russian).
18. Tikhonii Afrikanskii. Kommentarii na Apokalipsis (Otkr. 4–5) / Per. s lat. E.V. Materovoi; Komment. A.G. Nebol'sina // Tam zhe. Vyp. 52. M., 2017. S. 115–130 (in Russian).
19. Materova E.V. Ekkleziologicheskie aspekty obraza saranchi (Otkr. 9) v tolkovanii latinskikh ekzegetov IV–VI vv. // Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie. 2021. Vyp. 98. S. 11–24 (in Russian).
20. Khondzinskii P.V., prot. Ekklesiologicheskaya kontseptsiya E. Mersha i eyo vospriyatие bogoslovami russkoi diaspory // Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie. 2022. Vyp. 102. S. 29–49 (in Russian).
21. Khondzinskii P.V., prot. Portret uchitelya Zapada v inter'ere sinodal'noi epokhi: dissertatsiya I.V. Popova o blazhennom Avgustine // Voprosy teologii. 2022. T. 4. № 1. S. 54–73 (in Russian).

СОВРЕМЕННЫЙ ИСЛАМСКИЙ ДИСКУРС В ФОКУСЕ ТЕОЛОГИИ

Индекс УДК 297.1
Код ГРНТИ 21.31.51
DOI: 10.22204/2587-8956-2025-121-02-115-121

**Т.К. ИБРАГИМ,
Н.В. ЕФРЕМОВА***

О возрождении философской теологии фальсафы в реформаторско-модернистском дискурсе

В статье обсуждается практически не исследованный в исламоведческой литературе вопрос о реформаторско-модернистской рецепции фальсафы — главной школы философской теологии классического ислама, крупнейшими представителями которой были перипатетики аль-Фараби (ум. 950), Ибн-Сина (Авиценна; ум. 1037) и Ибн-Рушд (Аверроэс; ум. 1198). Возрождение их идей, многие из которых опережали своё время и традиционно считались гетеродоксальными (порой даже еретическими), преимущественно освещается на примере творчества основоположников модернистской теологии XIX–XX вв., прежде всего Джамаляддина аль-Афгани (1838/1839–1897) и Мухаммада Абдо (1849–1905), которые были ориентированы на разработку нового дискурса, более открытого на конфессионально-религиозное разнообразие (притом как внутри ислама, так и в мировом масштабе), научную рациональность и духовно-культурный прогресс. Помимо реактуализации универсалистско-плюралистической установки как основы инклюзивистской концепции диалога, преемственность с фальсафской теологией ниже прослеживается по линиям, связанным с тезисами об этерналистском креационизме, естественном профетизме и сотериологическом презентизме.

Ключевые слова: фальсафа, мусульманская философская теология, мусульманский модернизм, Ибн-Сина, Авиценна, аль-Фараби, Ибн-Рушд, Аверроэс, Джамаляддин аль-Афгани, Мухаммад Абдо

* **Ибрагим Тауфик Камель** — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института востоковедения (ИВ) РАН, руководитель проекта «Модернизаторский потенциал философской теологии фальсафы» (21-011-44037).

E-mail: nataufik@mail.ru

Ефремова Наталия Валерьевна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИВ РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: salamnat@mail.ru

В фальсафе был осуществлён жизнеспособный синтез веры и разума, религии и философии (включавшей в себя тогдашнюю науку); и сама по себе уже она выступала ярким образцом плодотворного диалога культур. Для разработанной в ней философии религии базисной выступает идея об эссенциальном единстве философии и религии как о двух аспектах единой богооткровенной истины (эзотерическом и экзотерическом) и о ноуменальном единстве философской истины при феноменальной множественности её религиозных выражений.

Инклюзивистская теология диалога

Согласно фальсафской эпистемологии, философия (наука) и религия имеют единый источник — Деятельный разум, который представляет собой последний из космических разумов (на языке религии — ангелов). От него свои знания черпают и пророк, и философ. Отличаются же они тем, что философ получает их в виде ментальных, абстрактных понятий, тогда как пророк способен обрести соответствующие истины посредством не только своего разума, но и воображения, так что дарованные ему свыше истины он может представлять в виде имитирующих «аналогов», предназначенных для широкой публики. Единство источника обеспечивает фундаментальное тождество религии и философии, их субстанциальное родство; и именно в этом смысле, надо полагать, Ибн-Рушд характеризует философию как «спутницу» религии и её «молочную сестру» [1, с. 581].

Исходя из тезиса о единстве философии и религии, фальсафа (представители фальсафы, «философы») конструируют свой социально-политический идеал — «совершенный град», во главе которого стоит не просто философ (как в платоновском «Государстве»), а философ-пророк. Но в отличие от платоновско-аристотелевского «града», ориентированного на греческий полис, фальсафский идеал объединяет всё человечество в своего рода конфедерацию «совершенных»

сообществ. По аль-Фараби, град представляет собой «малую» совершенную общность; при содействии друг другу в достижении счастья грады на территории данного народа образуют «среднюю» совершенную общность, а содействующие друг другу народы в масштабах всей ойкумены — «великую» совершенную общность. Поскольку же символическое изображение единой философской истины может варьироваться от одного народа к другому, то «могут быть совершенные грады и народы с различными религиями (милля), хотя все они стремятся к одному счастью и преследуют единую цель» [2, с. 167–168, 190–191]. Так, универсалистская интенция сочетается с конфессиональным плюрализмом, притом не только на уровне отношений между религиями, но и внутри каждой из них.

В области догматики главные основоположения, общие для всех [богооткровенных] религий, суть три: (1) о едином Боге-Творце; (2) о Божьем откровении пророкам; (3) о потустороннем воздаянии [3, с. 525–526; 1, с. 566]. Касаясь последнего принципа, Ибн-Рушд замечает, что иудаизм, христианство и ислам едины в утверждении о существовании иного бытия после смерти, но различаются между собой относительно свойств этого бытия. Для себя же философ должен избирать ту религию, которая наилучшим образом соответствовала бы его времени, «хотя для него (философа) все они истинны» [4, с. 556].

Реактуализируя эти установки, Дж. аль-Афгани ратовал за сплочение последователей трёх богооткровенных религий, особенно христианства и ислама, поскольку эти религии едины по своему принципу и цели [5, с. 75–77, 177–179]. М. Абдо уповал на приход такого времени, «когда две великие конфессии, христианство и ислам, как следует ознакомятся одна с другой — вот тогда они обменяются дружеским рукопожатием, обнимутся братским объятием; Тора, Евангелие и Коран придут в согласие между собой и станут подтверждающими друг для друга Писаниями, которые с пиетизмом будут изучать последователи

обеих религий» [6, с. 356]. А на страницах богословского журнала *аль-Манар* (т. 1–35, 1898–1935 гг.), основанного учеником М. Абдо – Рашидом Ридой (1865–1935), была разработана методологическая платформа межконфессионального диалога, главное положение которой получило название «Золотое правило аль-Манара»: «Сотрудничать по тем вещам, на которых мы сходимся; и прощать друг друга касательно тех вещей, по которым мы расходимся» [7, с. 623].

Характерным для теологии реформаторов-модернистов (сравнительно с фальсафой) является обращение к Корану в обоснование плюралистической установки как основы инклюзивистской концепции диалога. Обстоятельной критике они подвергают милитантистскую интерпретацию текстов Корана и Сунны (прежде всего это касается аятов-стихов 9: 5 и 9: 29, известных, соответственно, как «айат о мече» и «айат о джизйе»), а также три положения традиционной теологии: о нормативности консенсуса-*иджмы*, о фальсификации Библии и о единственно спасённом толке (подробнее см.: [8, с. 481–496]).

Извечно творящий Бог

Модернистская теология проявляет не только толерантность, но и благосклонность к фальсафскому тезису об извечности творения – тезису, который со времён теолога аль-Газали (ум. 1111) ревнители правоверия квалифицировали как ересь. И вообще, фальсафская концепция о Боге как об интеллектном первопринципе мира, перманентно деятельном и каузально управляющем Своими творениями, представлялась им более соответствующей как Его всесовершенству, так и современной научной картине мира и истории; немаловажную роль в этом сыграл и тот факт, что тезис об извечности креационного акта рьяно поддерживал маститый оппонент фальсафы, видный ханбалит Ибн-Таймийа (ум. 1328).

В пользу этерналистского креационизма философы выдвигали как рациональные доказательства, так и доводы «от Корана». Модернисты развивали дальше эту аргу-

ментацию, а с ней и фальсафскую критику темпорального финитизма теологов-мутакаллимов (представителей доктринальной теологии – *калама*), на основе которого строится главное их обоснование бытия Бога [9, с. 170–268; см. также: 8, с. 497–501]. Опровергая утверждение о том, что тезис о [темпоральном] творении мира входит в число основоположений религиозной доктрины, модернисты указывали, что в пользу такого тезиса нет какого-либо свидетельства Откровения – коранического аята или пророческого хадиса; посему категорически неправомерно каламское обвинение философов в ереси из-за признания ими извечности некоторых творений [9, с. 161, 253, 259].

В связи с этим модернисты модифицируют характерное для фальсафы обоснование бытия Творца как Бытийно-необходимого, ибо это обоснование (подобно каламскому аргументу) опирается на тезис о невозможности бесконечной регрессии, который подвергается ими суровой критике в рамках полемики с темпоральным финитизмом мутакаллимов [8, с. 501–504]. Примечательно, что в «Трактате о единобожии» [10], составленном М. Абдо как учебное пособие по каламу, излагается модифицированное фальсафское доказательство бытия Бога «от возможности/контингентности» (в двух версиях), а не традиционный для калама аргумент «от возникновения».

Радикальному пересмотру в модернистской теологии подвергалось традиционно типичное для мутакаллимов отрицательное отношение к фальсафской трактовке ряда Божьих атрибутов, тесно связанных с учением об извечности творения, особенно знание, могущество и воля (подробнее см.: [8, с. 505–511]). Относительно фальсафского тезиса о Божьем знании партикулярный универсальным образом, которое часто, вслед за аль-Газали, мутакаллимы объявляли еретическим, истолковывая его как неведение об этих партикуляриях, модернисты замечают, среди прочего, что универсальность Божьего знания об изменчивых партикуляриях подразумевает не возвышенность над постижением из-

менения в них, а неизменность вследствие их изменения [9, с. 357–358].

Комментируя каламское доказательство Божьего «знания», исходящее из царящей в мире гармонии и благоустроенности, родоначальники мусульманского модернизма характеризуют этот тип аргументации (от следствий – к принципу/причине) как наиболее подходящий в данном контексте, а именно в деле обоснования религиозных догматов и последующего обретения [убеждения], ведущего к спасению согласно Закону. Вместе с тем при исследовании реалий ради постижения их сущности более подобает иной тип доказательства – «причинного» (от причины – к причинённому). Философы же, ориентируясь именно на такое исследование, обосновывают Божье знание о творениях: Он ведает о Своей самости, от каковой исходит любое возможное в мире, а знание о причине влечёт за собой знание обо всех её причинённых [9, с. 357–358].

Естественный профетизм

Фальсафской теории «естественного пророчества» реформаторская теология отдаёт явное предпочтение перед традиционным каламским профетизмом. Отказываясь от каламской трактовки чуда в качестве доказательства аутентичности пророческих миссий, модернистский профетизм аккумулирует в себе оба характерных для фальсафы рациональных обоснования феномена пророчества: (а) социотелеологическое, исходящее из необходимости пророка в качестве законодателя [8, с. 512–517]; (б) психоноэтическое, которое апеллирует к наличию людей с предельной возвышенной душой, особенно в плане интеллектуальной интуиции и креативной имажинации [8, с. 517–521].

Социотелеологическая аргументация чётко прослеживается в лекции, которую в декабре 1870 г. аль-Афгани провёл в Стамбульском университете Дар аль-Фунун и после которой реформатор вынужден был покинуть турецкую столицу, переселившись в Египет (см.: [11, с. 340]). Таковая воспро-

изводится и в обращённом к узкому кругу читателей сочинении «Инспирации» [12, с. 72]. В адресованном широкой публике «Трактате о единобожии» М. Абдо она также фигурирует, но в соседстве с традиционно каламскими доводами [10, с. 126–142].

В указанном трактате на авиценновский манер освещается и особенность пророческой души, связанная с её интеллектуальной силой [10, с. 146–148]. Вслед за философами здесь далее говорится и о способности пророческой души (точнее – её имажинативной силе) визуализировать ангелов и аудизировать поступающее от них откровение [10, с. 148–149]. Благодаря такой способности данное свыше откровение пророк может представить не только в качестве абстрактных истин, обращённых к интеллектуальной элите, но и в виде конкретных, живых образов, предназначенных для широкой публики и более подходящих для её просвещения и воспитания.

Соответственно этому выдвигается иная (нежели традиционно каламская) трактовка понятий «откровение» (*вахй*) и «пророк-посланник» (*наби-расуль*) [8, с. 521]. Означенные определения отражают установку, в которой порой усматривают главное отличие неокалама от традиционного (см., например: [13, с. 125]), а именно установку на подчёркивание активной роли пророка в оформлении откровения, что закладывает основу для историзации/контекстуализации Закона. Своими корнями эта установка уходит в фальсафское учение о вербализации (словесном оформлении) пророком поступающего к нему свыше откровения – Божьей «речи», которая для фальсафа (а вслед за ними и для модернистов) может быть только интеллектуальной. С мыслью о такой субъектности пророка связан достаточно далёкий от традиционной теологической доктрины тезис модернистов о «речи» (*калям*) Бога как о метафорическом описании (наподобие приложения к Нему описания *йад-«рука»*) [9, с. 484, 491–492].

Разделяя фальсафский тезис о двух типах чуда как свидетельства Божьего посланничества – «экстернальном» (мате-

риальном) и «адекватном» (духовном) [8, с. 522–525; 14, с. 487–488], модернисты говорят об апелляции Корана исключительно ко второму типу [9, с. 422–429; 10, с. 22–24, 114–115, 183–225, 252–254; 15, с. 105–116, 228–250]. В этом отношении показательно высказывание Шибли ан-Нумани (1857–1914) о том, что Коран пришёл для исправления извечно и повсеместно распространённого заблуждения о неразлучности чуда и пророчества [16, с. 245].

С модернистской точки зрения в последнем отражается общее стремление мусульманского Писания утвердить религиозность, уже ориентирующуюся на разум и науку, что знаменует собой переход человечества в фазу совершеннолетия [10, с. 24, 199–205; 15, с. 112, 248]. По М. Абдо, именно в этом смысле следует понимать известное доктринальное положение о «запечатлении пророчества» (*хатм ан-нубувва*) [10, с. 147, 225–226; см. также: 15, с. 248]. Означенная трактовка впоследствии утвердилась в качестве своего рода эмблемы модернистского дискурса (см.: [8, с. 528–529]).

Сотериологический презентизм

Учение о будущей жизни философы разрабатывали в форме презентистской, индивидуальной эсхатологии, точнее – сотериологии, сосредоточиваясь на рациональном обосновании имматериальности человеческой души, её нетленности и модусах её судьбы после разлучения с телом (см.: [17, с. 193–228]). К фальсафской сотериологии модернистская мысль обращалась с целью преодоления доминировавшего в традиционной теологии апокалиптического эсхатологизма, который сочетался с практически фаталистической трактовкой Божьего детерминизма-кадара и в котором реформаторы усматривали фундаментальнейшую причину стагнации и деградации мусульманского мира [8, с. 529–531].

Фактически отрицая нормативность собственно пророческих преданий-хадисов как источника кредо-акыды, модернисты исключают из традиционного перечня общеобязательных догматов все основанные

на хадисах принципы, включая предания о близости конца света и о предшествующих ему знамениях. Опровергая достоверность всех этих преданий, Р. Рида сначала отмечает, что такие хадисы идут вразрез с кораническим свидетельством о внезапном приходе Часа (в частности, с аятом 7: 187). К тому же вера в подобные приметы, при последовательном их развёртывании и достаточной протяжённости во времени, скорее приводит к эффекту, который прямо противоположен Божьему замыслу, заложенному в этой, подчёркнутой Им внезапности, а именно намерению дисциплинировать человека, который в любой момент может предстать перед Богом, чтобы отчитываться перед Ним! В связи с этим спрашивается, какая может быть польза от предупреждения Пророком о приходе Даджжала (Антихриста), если о его приходе, как гласят хадисы, предупреждали все прежние пророки, начиная с Ноя, но тот так и не появился?! [18, с. 488–489; см. также: 8, с. 531–536].

Вместе с оптимизмом фальсафской космологии модернисты перенимают и каузальный детерминизм фальсафской метафизики с её трактовкой предопределения-кадара в смысле причинно-следственного порядка, установленного Богом в мире. В качестве «закономерностей» мира трактуются Божьи *сунан* («установки»), о неизменности которых неоднократно говорится в Коране (например, в аятах 3: 137, 33: 62 и 35: 43). С тех же каузально-детерминистских позиций наказание квалифицируется (вслед за фалсаифа) как эндогенная импликация [8, с. 540–542].

В реформаторской теологии реабилитируется целый ряд фальсафских концепций, прежде относимых к числу гетеродоксальных: имматериальность души; невоскресимость земного тела; инаковость потусторонней телесности; интеллектуально-имагинативная природа посмертной жизни; всеобщность конечного спасения (апокатастасис) [8, с. 536–543]. Как бы выражая общую для модернистов установку, Мухаммад Икбал (1877–1938) заявляет: «В исламе нет вечного проклятия» [19, с. 122].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ибн-Рушд. О соотношении философии и религии // Ибрагим Т.К., Ефремова Н.В. (ред.) Мусульманская философия (фальсафа): Антология. Казань: Изд. ДУМ РТ, 2009. С. 547–581.
2. Аль-Фараби. Совершенный град // Ибрагим Т.К., Ефремова Н.В. (ред.) Мусульманская философия (фальсафа). Там же. С. 106–206.
3. Ибн-Сина. Исцеление: теология. Т. 1. М.: ИВ РАН, 2024.
4. Ибн-Рушд. Тахафут ат-Тахафут. Бейрут: Марказ дирāsāt аль-вахда аль-‘арабиййа, 1988 (на арабском).
5. Рида Р. Тарих аль-устаз аль-имам аш-шайх Мухаммад Абдух. Т. 1. Каир: Дар аль-Фадыла, 2006 (на арабском).
6. Абдо М. Рисаля иля аль-кысс Исхак Тайлур // Аль-А‘маль аль-камиля. Т. 2. Бейрут-Каир: Дар аш-Шурук, 1993. С. 355–356 (на арабском).
7. Рида Р. Ар-Рихля ас-суриййа ас-саниййа // Аль-Манар. 1339/1921. Т. 22. № 8. С. 617–623.
8. Ибрагим Т.К., Ефремова Н.В. О модернистской рецепции фальсафской теологии // Исламская мысль. 2022. № 7. С. 475–548.
9. Аль-Афгани Дж., Абду М. Ат-Та‘аликат // Аль-Афгани Дж. Аль-Асар аль-камиля. Т. 7. Каир: Мактабат аш-Шурук ад-дувалиййа, 2002. С. 151–502 (на арабском).
10. Абдо М. Трактат о единобожии. М.: Медина, 2021.
11. Абдо М. Тарджамат Джамаляддин аль-Афгани // Абдо М. Аль-А‘маль аль-камиля. Бейрут-Каир: Дар аш-Шурук, 1993. Т. 2. С. 336–345 (на арабском).
12. Аль-Афгани Дж. Аль-Варидат // Аль-Афгани Дж. Аль-Асар аль-камиля. Т. 2. Каир: Мактабат аш-Шурук ад-дувалиййа, 2002. С. 49–78 (на арабском).
13. Рифаи А. Мукаддима фи ‘ильм аль-калям аль-джадид. Хартум: Дар аль-Мусавварат, 2021 (на арабском).
14. Ибн-Рушд (Аверроэс). О методах обоснования принципов вероучения. Часть четвертая // Minbar. Islamic Studies. 2019. Т. 12. № 2. С. 463–498.
15. Рида Р. Аль-Вахй аль-мухаммади. Бейрут: Му‘ассасат ‘Иззаддин, 1986 (на арабском).
16. Ан-Нумани Ш. ‘Ильм аль-калям аль-джадид. Каир: аль-Марказ аль-каўми ли-тарджама, 2012 (араб. пер. с урду).
17. Ибрагим Т.К., Ефремова Н.В. Мусульманская религиозная философия: фальсафа. Казань: Изд-во Казанского университета, 2014.
18. [Абдо М., Рида Р.] Тафсир аль-Кур‘ан аль-хаким. Т. 9. Каир: Дар аль-Манар, 1947 (на арабском).
19. Икбал М. Реконструкция религиозной мысли в исламе. М.: Восточная литература, 2002.

On the Revival of the Philosophical Theology of Falsafa in Reformist-Modernist Discourse

Tawfik Kamel Ibrahim – Doctor of Philosophy, senior researcher at the Institute of Oriental Studies (IOS) of the Russian Academy of Sciences, head of the project “Modernization Potential of the Philosophical Theology of Falsafa” (21-011-44037).

E-mail: nataufik@mail.ru

Natalia Valerievna Efremova – Candidate of Science (Philosophy), senior researcher at IOS RAS, executor of the same project.

E-mail: salamnat@mail.ru

The article discusses the understudied issue of the reformist-modernist reception of falsafa, the main philosophical theology school of classical Islam. Falsafa greatest representatives in-

clude the peripatetics al-Farabi (d. 950), Ibn Sina (Avicenna; d. 1037), and Ibn Rushd (Averroes; d. 1198). The revival of their ideas, many of which were ahead of their time and were traditionally considered heterodox (sometimes even heretical), is exemplified by the work of the founders of modernist theology of the 19th–20th centuries, primarily Jamal al-Din al-Afghani (1838/1839–1897) and Muhammad Abduh (1849–1905). They focused on developing a discourse more open to confessional and religious diversity (both within Islam and on a global scale), scientific rationality, and spiritual and cultural progress. In addition to the re-actualization of the universalist-pluralist attitude as the basis of the inclusivist concept of dialogue, the continuity with Falsafi theology can be traced below along lines related to the theses on eternalist creationism, natural prophetism, and soteriological presentism.

Keywords: Falsafa, Muslim philosophical theology, Muslim modernism, Ibn Sina, Avicenna, al-Farabi, Ibn Rushd, Averroes, Jamal al-Din al-Afghani, Muhammad Abduh

REFERENCES

1. Ibn-Rushd. O sootnoshenii filosofii i religii // Ibragim T.K., Efremova N.V. (red.) Musul'manskaya filosofiya (fal'safa): Antologiya. Kazan': Izd. DUM RT, 2009. S. 547–581 (in Russian).
2. Al'-Farabi. Sovershennyi grad // Ibragim T.K., Efremova N.V. (red.) Musul'manskaya filosofiya (fal'safa). Tam zhe. S. 106–206 (in Russian).
3. Ibn-Sina. Istselenie: teologiya. T. 1. M.: IV RAN, 2024 (in Russian).
4. Ibn-Rushd. Takhafut at-Takhafut. Beirut: Markaz dirāsāt al'-vakhda al'-arabiiia, 1988 (in Arabic).
5. Rida R. Tarikh al'-ustaz al'-imam ash-shaikh Mukhammad Abdukh. T. 1. Kair: Dar al'-Fadyala, 2006 (in Arabic).
6. Abdo M. Risalya ilya al'-kyss Iskhak Tailur // Al'-A'mal' al'-kamilya. T. 2. Beirut-Kair: Dar ash-Shuruk, 1993. S. 355–356 (in Arabic).
7. Rida R. Ar-Rikhlya as-suriiia as-saniiia // Al'-Manar. 1339/1921. T. 22. № 8. S. 617–623.
8. Ibragim T.K., Efremova N.V. O modernistskoi retseptsii fal'safskoi teologii // Islamskaya mysl'. 2022. № 7. S. 475–548 (in Russian).
9. Al'-Afgani Dzh., Abdu M. At-Ta'alikat // Al'-Afgani Dzh. Al'-Asar al'-kamilya. T. 7. Kair: Maktabat ash-Shuruk ad-duvaliia, 2002. S. 151–502 (in Arabic).
10. Abdo M. Traktat o edinobozhii. M.: Medina, 2021 (in Russian).
11. Abdo M. Tardzhamat Dzhamilyaddin al'-Afgani // Abdo M. Al'-A'mal' al'-kamilya. Beirut-Kair: Dar ash-Shuruk, 1993. T. 2. S. 336–345 (in Arabic).
12. Al'-Afgani Dzh. Al'-Varidat // Al'-Afgani Dzh. Al'-Asar al'-kamilya. T. 2. Kair: Maktabat ash-Shuruk ad-duvaliia, 2002. S. 49–78 (in Arabic).
13. Rifai A. Mukaddima fi 'il'm al'-kalyam al'-dzhadid. Khartum: Dar al'-Musavvarat, 2021 (in Arabic).
14. Ibn-Rushd (Averroes). O metodakh obosnovaniya printsipov veroucheniya. Chast' chetvertaya // Minbar. Islamic Studies. 2019. T. 12. № 2. S. 463–498 (in Russian).
15. Rida R. Al'-Vakhi al'-mukhammadi. Beirut: Mu'assasat 'Izzaddin, 1986 (in Arabic).
16. An-Numani Sh. 'Il'm al'-kalyam al'-dzhadid. Kair: al'-Markaz al'-kaymi li-tardzhama, 2012 (Arabic trans. from Urdu).
17. Ibragim T.K., Efremova N.V. Musul'manskaya religioznaya filosofiya: fal'safa. Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 2014 (in Russian).
18. [Abdo M., Rida R.] Tafsir al'-Kur'an al'-khakim. T. 9. Kair: Dar al'-Manar, 1947 (in Arabic).
19. Ikbal M. Rekonstruktsiya religioznoi mysli v islame. M.: Vostochnaya literatura, 2002 (in Russian).

Индекс УДК 811.351.12'37:28+811.161.1'37:28
Код ГРНТИ 16.31.61
DOI: 10.22204/2587-8956-2025-121-02-122-133

П.А. МАГОМЕДОВА*

Аспекты исследования религиозного (исламского) дискурса в полиязыковом пространстве

Статья посвящена результатам междисциплинарного (теолингвистического) проекта «Исламский дискурс: теологическая мысль и коммуникация в русскоязычной оболочке», направленного на решение общей задачи формирования оригинальной обобщающей теории исламского дискурса (с её теоретической и экспериментальной верификацией) посредством установления лингвокультурологических, когнитивно-семантических, коммуникативно-прагматических и социолингвистических механизмов реализации религиозной мысли и коммуникации мусульман в языковом пространстве. Отмечено, что язык мусульманских верующих представляет собой самостоятельную микросистему, которая характеризуется особыми параметрами и реализует многоаспектные возможности функционирования. Комплексный междисциплинарный подход, который был необходим в связи с многомерностью и разноплановостью анализируемого феномена, позволил получить новые теоретические знания, вписывающиеся в общую картину как отечественной, так и зарубежной теолингвистики. Исследование осуществлялось в нескольких направлениях: 1) лингвокультурологическом (исследование языка и религии сквозь призму религиозного кода национальной лингвокультуры: особенностей содержания и функционирования концептов в пространстве как русскоязычного, так и многоязычного исламского дискурса); 2) когнитивно-семантическом (установление механизмов семантико-когнитивного моделирования ключевых концептосфер, релевантных для религиозного и языкового сознания мусульман); 3) коммуникативно-прагматическом (изучение языкового воплощения религиозной коммуникации в различных жанрах исламского дискурса: проповедь, фетва и др.); 4) комплексной разработки проблем получения адекватного перевода духовных текстов мусульман на русский язык. Описание религиозного дискурса как междисциплинарной области знаний выдвигает необходимость использования специфических методов и приёмов анализа материала, одним из которых можно считать синтез лингвосемиотического, лингвокультурологического и теоконцептологического методов, позволяющий описать содержание концепта не только на языковом и культурно-историческом уровнях, но и на духовно-мировоззренческом, в результате чего раскрываются «духовные смыслы» вероучения, репрезентированные на уровне языка.

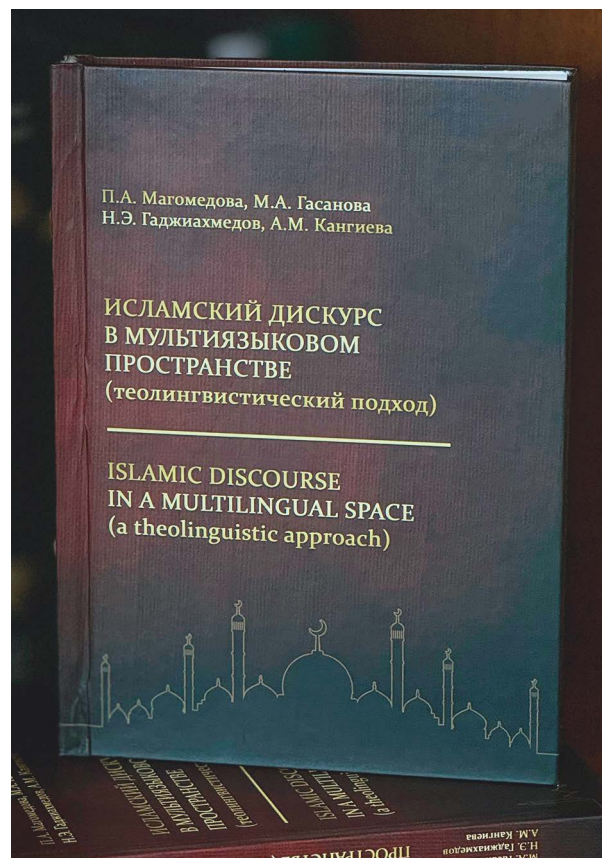
* **Магомедова Патимат Ариповна** — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Дагестанского государственного университета, руководитель проекта «Исламский дискурс: теологическая мысль и коммуникация в русскоязычной оболочке» (21-011-44245).
E-mail: p_magomedova@mail.ru

Ключевые слова: религиозный концепт, исламский дискурс, теолингвистика, религиозная коммуникация, духовные тексты, проблемы перевода, сопоставительная лингвоконцептология, полиязыковое пространство

Конец XX в. характеризовался активным интересом научного сообщества к междисциплинарному знанию, формированием и развитием междисциплинарных направлений (особенно на стыке лингвистики и других наук). Нельзя не согласиться с мнением, что именно на стыке наук стало возможным получение действительно нового знания, проясняющего подлинную сущность рассматриваемых объектов [1]. Вместе с тем учёные указывают на междисциплинарность, понимаемую как «необходимость выхода за рамки узкой дисциплины в попытке решения существенной теоретической проблемы» [2, с. 9], как основополагающий методологический принцип современной лингвистики [3]. В связи с этим актуальными видятся проблемы исследования языковой сущности религиозных текстов [4–6], описания ключевых религиозных концептов и механизмов моделирования коммуникации в рамках междисциплинарной области гуманитарного знания – теолингвистики [7, 8], сфокусированной на изучении «взаимосвязи и взаимодействия (интеракции) языка и религии в её конфессиональном многообразии» [4, с. 128].

Исламская теолингвистика в контексте междисциплинарных исследований

Понятие религиозного дискурса, неоднозначно трактуемого лингвистами и теологами, представляет достаточно многогранное и трансцендентное явление. Вместе с тем можно констатировать, что религиозный христианский (православный, католический и др.) дискурс языка достаточно многоаспектно исследован, а научные разработки в области исламской теолингвистики представлены незначительным числом работ [9–11], в том числе первым

Ил. 1. Первое монографическое исследование в области исламской теолингвистики

монографическим изданием по результатам реализованного проекта (ил. 1).

«На языковом уровне происходит накопление и концентрация смыслов, образов, концептов, канонических установок определённой конфессии, фиксирующихся в памяти и языковом сознании народа» [12, с. 153]. Это может фиксироваться в лексических и фразеологических единицах, пословично-поговорочном фонде языка, концептах, религиозных, научно-богословских, художественных и др. текстах.

Изучение религиозного дискурса позволяет существенно расширить и дополнить общую теорию дискурса и включить в круг рассмотрения как общие вопросы концептологического плана, жанровой и ценност-

ной дифференциации, так и более частные вопросы прецедентности сакральных имён и текстов.

Семантико-когнитивное моделирование фрагментов религиозной картины мира в языке

В рамках проекта осуществлено масштабное исследование механизмов семантико-когнитивного моделирования религиозной (исламской) картины мира в русскоязычном корпусе в сопоставительном (с арабским, кумыкским и дагестанскими языками/аварским/лезгинским/лакским) аспекте. Исследованы ключевые концепты Иман/Вера, Благоденствие, Харам, Грех, Молитва, Милость и Милосердие, Покаяние и Прощение, Ложь/Обман, Гордыня и др. В традиционном исламском сознании осмысленное миропонимание, регулирующее всю сознательную жизнь мусульманина, построено на ценностных смыслах священного Корана (ил. 2) и Сунны, процесс решения любой проблемы в правовой, научной, художественной и повседневной деятельности мусульманина, его отношения внутри общины и с «внешним» миром основаны на этом факте, что находит непосредственную объективацию в языковой концептуализации.

К примеру, остановимся на концепте Молитва. Семантический объём (нейтральной по отношению к конфессиональной природе) лексемы *молитва* в русском языке сопоставим с семантикой лексемы *намаз*, имеющей ограничения в употреблении (только в рамках исламского русскоязычного дискурса).

Лексикографические источники русского языка представляют семантизацию лексемы *молитва*: «1) а) Хвалебное, благодарственное или просительное обращение к Богу, святым; б) устар. Мольба, горячая просьба о чём-л. 2) Установленный текст, читаемый или произносимый верующим при обращении к Богу, к святым» [13]. Сходством сущности понятия Молитва в христианской и исламской картинах мира является его двунаправленность:

1) каноническая Молитва (рус.: *молитва, намаз*; араб.: *صلاة* *саяят*; авар.: *как*), ритуализованная в соответствии с правилами конфессии; 2) Молитва-просьба, мольба (рус.: *молитва/мольба, дуа*; араб.: *دعاء*; авар.: *дугла*), обращённая к Всевышнему в произвольной форме.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в русскоязычном православно-христианском дискурсе вербальным оператором концепта 1) и 2) выступает одна и та же лексема в разных лексико-семантических вариантах. Тогда как в русскоязычном, равно как и в авароязычном исламском дискурсе, каноническая Молитва и Молитва-просьба представлены дифференцировано: 1) рус. *намаз* – авар. *как*; 2) рус. *дуа* – авар. *дугла*. Каноническая мусульманская молитва является одним из столпов исламской религии, обязательным действием для каждого мусульманина (пятикратная молитва – фарз/д). Хадис гласит: «Намаз – это ми`радж верующих. Моменты, когда рабы ближе всего к Господу, – это те мгновенья, когда они смиренно и почтительно совершают намаз. Намаз – это встреча и беседа с Господом, пребывая ещё в земном мире» [14].

Заемствование из персидского *намаз* со смыслом ‘поклонение’ считается синонимом араб. *саяят*, переводимого как «мольба, поклонение, дуа» [15]. О тождественности значений лексем *намаз* и *саяят* говорит и тот факт, что в исламском энциклопедическом словаре использован отсылочный способ толкования слова *намаз* (*намаз* см. *саяят*) [16]. В русскоязычном мусульманском пространстве при религиозной коммуникации отдаётся предпочтение лексеме *намаз*. Несмотря на то, что данная лексема имеет ограниченную рамками исламского дискурса сферу употребления, она достаточно регулярно используется в текстах различного типа: *Прекрасен был дервиш, подобный пророку, с лицом восковым, обращённым к востоку, на коврике драгом творящий намаз.* (Е.А. Евтушенко, 1968). *Мы проводим солнце, обувь скинем и свершим*

Ил. 2. Страницы рукописного Корана XII в.

под звёздным, тёмным, синим милосердным небом свой намаз. (И.А. Бунин, 1915: <https://ruscorpora.ru/>).

Словообразовательный потенциал лексемы намаз представлен несколькими производными лексемами: намазник 1) 'коврик для намаза, мусульманской Молитвы': ковры-намазники для Молитвы, намаза (https://t.me/s/namazniki_shop); 2) 'одежда для намаза, закрывающая аврат (обычно для женщин)': платья-намазники, намазники для женщин; красивые намазники; намазник с капюшоном; (<https://alfacasting.ru/faq/cto-takoe-namaznik-u-musulman-orisaniie-i-naznacenie>). **Нама́зный** 'к намазу относящийся' [Даль: URL]. **Намазная комната**.

Согласно лексикографическим источникам аварского языка, лексема как 'каноническая мусульманская молитва' строго однозначна, используется только в религиозном дискурсе языка: *рогъалил* как 'утренний намаз'; как *ахлизе* 'призвать к намазу'; как *базе* 'совершить намаз'; как *бецлизе* 'возмещать [пропущенный] намаз'; [АРС, 2006: 540].

Не случайно употребление указанной лексемы как репрезентанта понятия Молитва в аварском языке подтверждается ещё и наличием устойчивых сочетаний (фразеологизированных), фиксирующих признак канонической Молитвы/намаза как точки отсчёта в номинации определённого периода жизни мусульманки: *какиль гьечлеб* => как балареб => как базе *хИрамаб*; 'не в намазе находящееся время' => 'намаз не совершающая' => 'намаз совершать грешное время'; *какица тарай чужугадан* => как балареб *мех букIунарей* => *кидаго* как базе *бегулей*; 'намазом оставленная женщина' => 'не имеющая времени, когда нельзя совершать намаз' => 'всегда в состоянии совершать намаз'. Аварские паремии фиксируют понятие Как 'молитва' в качестве ориентира для поведенческой, религиозно-этической характеристики мусульманина: например, авар. *Как гурев, клал гурев* 'Ни молитвы, ни поста' (о вероотступнике).

Ядерные вербальные операторы понятия каноническая Молитва (как – в аварском языке и намаз – в русском) представляют

собой единицы с широкой селективностью, хотя и ограничены рамками религиозного дискурса. Вербальный оператор концепта Молитва-просьба в аварской лингвокультуре — лексема-арабизм *дуҕа* и русскоязычный эквивалент *дуа* 'мольба, просьба' *Ду'а* (араб. دعاء) 'мольба, взывание' (ил. 3).

В исламской картине мира адресатом *дуа/мольбы/просьбы* является только Всевышний, при обращении к другим инстанциям (к человеку, например) эта лексема не употребляется, что говорит о сакральном статусе данного репрезентанта. Концепт Молитва в русском и аварском языках необходимо рассматривать дифференцировано: как коммуникативный жанр религиозного языка и как религиозный концепт.

Структура исследуемого религиозного концепта Намаз/Как многокомпонентна, что позволяет назвать его фреймом. Инвариантная ситуация, описываемая фреймом каноническая Молитва, в сущности, сводится к модели: «*обращение => восхваление [Бога] и благодарность [Ему] => признание [своей] слабости и покаяние [в грехах] => просьба-мольба => покорность и упование [на Всевышнего]*». Сравним с другим исламским концептом-фреймом Харам, аналогично изложенным в рамках проекта. Инвариантная ситуация, описываемая фреймом Харам: рус. «*грех; проступок => вина => наказание*»; авар. «*запрет => проступок (вина) => наказание*».

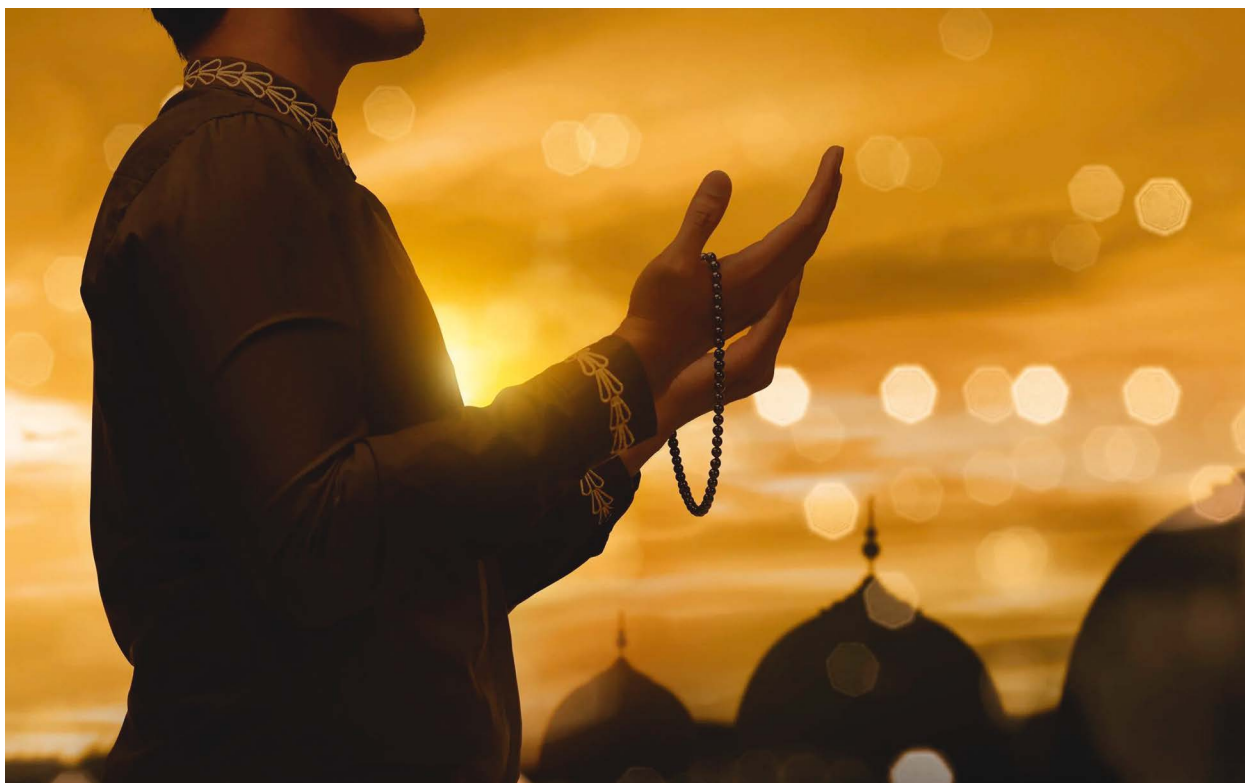
Концепт-фрейм Харам включает следующие признаки: 1) поступки и качества (человека), находящиеся под запретом; 2) запрещённые для употребления предметы и вещества; 3) заповедные (охраняемые) от «плохого» локации; 4) запреты, налагаемые на паломника во время Хаджа. Внутри фрейма выделяются субфреймы, обладающие определённой конфигурацией слотов: вершинными слотами являются «Субъект», «Причина», «Результат» и терминальными — «Степень тяжести последствия», «Время». В русскоязычном исламском дискурсе в Харам объективирован признак «наруше-

ние действием, словом или мыслью воли Бога, религиозно-нравственных предписаний или правил (грех)», а признак «запрет, запрещение нарушения» представлен имплицитно. В аварском языке, наоборот: концептуальный признак «запрет, запрещение нарушения» выражен эксплицитно, признак «грех, проступок» — имплицитен. Любое понятие греха, отступления от законов Бога / Аллаха содержит (явно либо скрыто) идею наказания, расплаты за вину перед Всевышним, следовательно, на периферии концептуального поля представлены соответствующие вербальные операторы: рус. *наказание, кара, возмездие*; авар. *тамихI [гьабизе], къисас, гIазаб, жаза*. См. подробнее в [12].

Концепты религиозного дискурса могут функционировать в различных нерелигиозных контекстах, приобретая особые оттенки значения, с другой стороны, нейтральные (никак не связанные с религиозной сферой) концепты получают особое преломление в рамках религиозного дискурса. Процесс десакрализации семантики тех или иных концептов (например, Харам, Намаз и др.), выявленный в лингвокультуре (духовные тексты, пословичный фонд, народные формулы проклятий), представлен динамическим процессом закрепления в значении лексемы-репрезентанта нерелигиозного компонента смысла и актуализации его в результате регулярного употребления.

Сходства и различия в вербализации того или иного религиозного концепта: 1) могут зависеть от специфики религиозно-языкового сознания человека, его мировосприятия; 2) могут быть обусловлены дискурсом, в котором реализуется концепт, а значит, и объективация проходит в разных картинах мира (религиозной, обыденной и др.) [12].

Анализ лексикографических справочников сопоставляемых языков показал, что лексикографы в словарных статьях учитывают не все концептуальные признаки исследованных репрезентантов, в частности, в толковании лексем *намаз, харам* не ука-

Илл. 3. Религиозная коммуникация (*дуа/дуг'а*) в неканонической форме

заны несколько лексико-семантических вариантов, что отражается в функциональных возможностях их использования.

Некоторые наблюдения над русскоязычными переводами духовных исламских текстов

Осмысление, интерпретация и перевод религиозных (сакральных) текстов признаются наиболее значимыми явлениями, а исследования, посвящённые указанным вопросам, – перспективными и вызывающими живой научный интерес.

Проведение в рамках проекта теолого-лингвистической экспертизы современных русскоязычных переводов духовной литературы для оценки соответствия эквивалентности перевода тексту-оригиналу, использование языковых маркеров в переводах с учётом культурно-исторической специфики ислама предоставили возможность на большом эмпирическом материале сформулировать рекомендации по устранению несоответствий. При этом ставились задачи определения специфики

русскоязычного перевода, обусловленной феноменом исламской религиозной картины мира, определения неадекватности перевода и искажения смысла [17]; проводились анализ и оценка русскоязычных переводов сакральных текстов с арабоязычными лексемами-этимонами сквозь призму лингвотекстологического, богословского и теолингвистического аспектов [18].

Мы рассмотрели проблему перевода сакральных текстов Корана и Сунны на конкретных примерах, что позволило сделать вывод об условиях адекватного и полноценного перевода на русский язык, не искажающего феноменальность священного Писания. При имеющемся контрасте между арабским и русским религиозно-языковым сознанием можно рекомендовать практикующим переводчикам с арабского на русский реализовать указанную выше модель по известной схеме «сворачивания исходного текста в целостность => разворачивания её на языке перевода». Условием адекватного перевода сакральных текстов с арабского на русский язык может стать

интеграция когнитивно-лингвистических, лингвокультурологических и богословских знаний автора перевода.

На наш взгляд, перевод должен осуществляться с оригинала посредством опоры на арабские и персидские тафсиры, которых насчитывается более десятка. Переводчик должен расшифровать исходную религиозную картину мира, объективированную на языке оригинала коранического Писания, чтобы затем воссоздать её на языке перевода.

Коммуникативно-прагматический аспект реализации исламской коммуникации в речи (проповедь, фетва и др.)

Коммуникативно-прагматический подход, используемый при анализе текстов, позволяет описать жанрообразующие черты, выявить как общее в структурных элементах коммуникативного акта, так и отличительные особенности, свойственные религиозным жанрам коммуникации в конкретной конфессии.

Отдельным направлением реализации нашего проекта явилось исследование специфики религиозной коммуникации в различных жанрах исламского дискурса: язык и стиль мусульманских проповедей/хутба, обращений и фетв представителей духовных управлений, язык исламских СМИ, соцсетей, выступлений богословов на просветительских и дискуссионных площадках, речь озвучки исламских фильмов и др.) в русле коммуникативно-прагматического аспекта. Это особый стиль исламской религиозной коммуникации, который непосредственно связан с отправлением религиозных обрядов мусульман, следовательно, непосредственно связан с текстом Корана. Стиль мусульманской риторики до сих пор почти без изменений используется в религиозной и повседневной жизни мусульман [19].

Язык и религия участвуют в обеспечении религиозной коммуникации посредством жанров проповеди/хутбу, фетвы, мавлида и т.п., целью которых является

донесение до сознания людей определённой области религиозного учения в совокупности с духовными явлениями, т.е. учение о Боге, о мире видимом и вечном, о добродетелях и страстях.

Исследователи христианской (православной, протестантской и др.) проповеди выделяют в качестве традиционных участников коммуникативного акта адресанта (проповедника) и адресата (прихожан), а также «подразумевают участие в этом акте третьего «скрытого коммуниканта» – Бога, который выступает одновременно и как «скрытый наадресант», и как «скрытый наадресат» [20, с. 61]. Коммуникативная ситуация, лежащая в основе мусульманской проповеди, соответствует модели: *Субъект/имам => Объект/мусульмане => Инструмент/Священное Писание/Сунна*. Привлечение Бога/Аллаха в качестве участника акта коммуникации, согласно мусульманскому вероучению, считается неприемлемым. Слово Всевышнего, Сунна Пророка, авторитетное мнение учёных-богословов прошлого – это Инструмент Субъекта.

Используемые в исламском дискурсе посредством особых речевых жанров (проповедь, фетва, мавлид и др.) коммуникативные стратегии, дифференцируясь на общедискурсивные и специфические, представлены в основном в форме: 1) утверждающей; 2) призывающей; 3) оценивающей и 4) контролирующей стратегий.

Исследование русскоязычной мусульманской проповеди, к примеру, проведённое на большом количестве письменных и устных текстов (свыше 940 единиц), типологизация жанра, определения особенностей языка, стилеобразующих средств, позволили сделать некоторые обобщения. Во-первых, русскоязычная исламская проповедь, какой бы тематике ни была посвящена (основам вероучения, практическим вопросам жизнедеятельности верующих или по поводу религиозных праздников и ритуалов), подчинена строгой регламентированности и каноническим традициям жанра. Во-вторых, отсутствие в русском языке специальных лексем, с помощью

Ил. 4. Зикр (помявание Всевышнего) в тасаввуфе

которых можно было бы раскрыть, понять и передать истинное значение исламских реалий, способствует интенсивному процессу узуализации исламской терминологии [21]. В-третьих, широкое употребление арабизмов как стилиобразующих лексических средств проповедей, не заменяя их на существующие в языке эквиваленты, свидетельствует о желании авторов максимально приблизить модель религиозной коммуникации к сакральному языку Корана [22].

Выделяя общности дискурсивных характеристик проповеди в христианской и исламской религиозных картинах мира, отметим, что по своей структуре, композиции, стратегиям коммуникации и аргументации мусульманские проповеди достаточно отличаются от остальных. Прежде всего здесь речь идёт о специфике экспликации исламских реалий на русскоязычной основе. И эти значительные отличия заключаются в том, что стратегии аргументации в мусульманской проповеди, да и в рели-

гиозном дискурсе в общем, направлены на апелляции к авторитету.

Фетва, согласно исламскому энциклопедическому словарю А. Али-заде, «в исламском праве разъяснение какой-либо проблемы религиозно-правового характера, а также ответ на вопрос религиозного характера, который даёт компетентный человек» [18]. Согласно Словарю иностранных слов русского языка, *Фётва* (араб.) – заключение муфтия по религиозной, юридической или общественной проблеме, основывающееся на Коране, Сунне и Шариате.

Фетва содержит в себе введение (постановка проблемы), описание проблемы, аргументированную часть (обоснование) и повеление (установленное правило поведения). Основную часть ответа-разъяснения в фетве занимает аргументация с опорой на сакральные тексты Корана, Сунны и авторитетных учёных-богословов.

Перспективным считаем исследование различных жанров религиозной коммуникации мусульман, дискурсивно-праг-

матических механизмов экспликации теологической мысли и коммуникации в мультязыковом пространстве. В этой области исламской теолингвистики и прагмалингвистики имеется большой пробел.

Вместе с тем исследованы ключевые характеристики уникального религиозного вида коммуникации *Ното religious* с Аллахом (коммуникативная модель суфийских текстов; феномен игры в суфийской коммуникативистике, эпистолярный жанр в суфийской коммуникативистике и др.) [23], позволившие вскрыть механизмы специфической (суфийской) коммуникативной модели (ил. 4).

Особую остроту на современном этапе приобретают также социолингвистические проблемы, связанные с использованием русского языка как инструмента коммуникации в религиозных (исламских) институтах (проведение хутбы – пятнич-

ной проповеди в мечетях; делопроизводство на русском в духовных управлениях и муфтиятах; язык исламской журналистики, в том числе особенности функционирования русского как языка исламских интернет-порталов; обучение культуре русской речи в исламских учебных заведениях; выступления богословов в СМИ; подготовка правильных переводов духовной (исламской) литературы и т.п.)

Вопрос о перспективности, востребованности и необходимости дальнейшего исследования специфики анализируемого феномена в силу доминирующей и определяющей роли религиозной коммуникации в контексте жизнедеятельности человека и общества в целом тесно связан с вопросами духовной и информационной безопасности этого общества и личности в нём. Поэтому считаем высоко значимыми поставленные и решённые в проекте задачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лысак И.В. Междисциплинарность и трансдисциплинарность как подходы к исследованию человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6. Ч. II. С. 134–137. https://iues.sfedu.ru/wp-content/uploads/2016/09/Lysak_Interdisciplinarity.pdf.
2. Плунгян В.А. Русский язык: современное состояние, словари, проблемы усвоения и обучения (Комплексные исследования) // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 2 (109). С. 9–16. DOI 10.22204/2587-8956-2022-109-02-9-16.
3. Ашурова Д.У. Междисциплинарный подход к исследованию языка // Нижневартковский филологический вестник. 2021. № 2. С. 127–137. https://www.researchgate.net/publication/356798614_Interdisciplinary_approach_to_language.
4. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности и жанры // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 162–167.
5. Буевич А.А. Взаимоотношение языка и религии сквозь призму духовно-религиозного кода русской лингвокультуры // Метафизика. 2016. № 4 (22). С. 111–122.
6. Бугаева И.В. Язык православных верующих в конце XX – начале XXI века: Монография. М., 2008.
7. Гадомский А.К. Русская теолингвистика: история, основные направления исследований // Стил. 2010. № 9. С. 357–374.
8. Постовалова В.И. Религиозные концепты в православном мирозерцании (опыт теолингвистического анализа) // Критика и семиотика. 2014. № 2. С. 127–148.
9. Исламский дискурс в мультязыковом пространстве: теолингвистический подход / П.А. Магомедова, М.А. Гасанова, Н.Э. Гаджихмедов, А.М. Кангиева. Махачкала: АЛЕФ, 2023.
10. Magomedova P.A. Islamic Theolinguistics in the Context of Interdisciplinary Research: Religious Thoughts and Communication in a Multilingual Space // Cultural Perspectives. 2023. Vol. 28. Pp. 117–152. DOI: 10.29081/cp.2023.28.06.

11. Казиева А.М. Концептуализация дискурса ислама в современной России: когнитивно-прагматический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики/ Philology. Theory & Practice, 2024. Т. 17. Вып. 11 С. 4186–4191. <https://philology-journal.ru/article/phil20240590/fulltext>.
12. Магомедова П.А. Опыт семантико-когнитивного моделирования религиозной картины мира в разноструктурных языках (на примере концепта ХАРАМ) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 4. С. 150–182. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-150-182.
13. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный: В 2 т. М.: Русский язык, 2000.
14. Абу Джафар Ат-Тирмизи. Сунан Ат-Тирмизи. Бейрут: Дар аль-Муассаса ар-Рисаля ан-Наширун, 2015.
15. Баранов К.Х. Большой арабско-русский словарь: В 2 т. 11-е изд. Стереотип / К.Х. Баранов. М.: Живой язык, 2006.
16. Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007.
17. Магомедова П.А. Исламский дискурс: проблема адекватности перевода религиозных текстов с арабского на русский / П.А. Магомедова, М.П. Гаджиев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Philology. Theory & Practice. 2022. Т. 15. Вып. 1. С. 178–185.
18. Магомедова П.А. Семантический портрет и механизм функционирования лексем-этимонимов в сакральном тексте Корана и в его переводах на русский язык (теолингвистический аспект) / П.А. Магомедова, А.А. Магомедов // Исламоведение. 2024. Т. 15. № 1 (59). С. 63–76. DOI 10.21779/2077-8155-2024-15-1-63-76.
19. Жулинская А.С. Жанровое пространство религиозных текстов // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». Т. 18 (57). 2005. № 2. С. 198–203.
20. Боженкова Р.К. Структурно-композиционные особенности православной (русскоязычной) и протестантской (англоязычной) проповеди / Р.К. Боженкова, Н.А. Боженкова, Д.В. Атанова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2016. № 1 (18). С. 56–63.
21. Александрова О.И. Русскоязычный исламский дискурс в интернет-пространстве // Русский язык в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: Сборник статей I Международной научно-практической конференции, Москва, 8–9 февраля 2017 г. М.: Российский университет дружбы народов, 2017. С. 66–72.
22. Ицкович Т.В. Мусульманские проповеди на русском языке: коммуникативно-прагматический аспект / Т.В. Ицкович, А. Туголбайкызы // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2019. Т. 7. № 2 (14). С. 47–62. DOI: 10.29252/iarll.13.2.47.
23. Магомедова П.А. Homo ludens в суфийской коммуникативистике (теолингвистический аспект) / П.А. Магомедова, А.М. Кангиева // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т. 8. № 1. С. 41–56. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-1-0-3.

Aspects of Study of Religious (Islamic) Discourse in Multilingual Space

Patimat Aripovna Magomedova – Doctor of Philology, professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Dagestan State University, head of the project “Islamic Discourse: Theological Thought and Communication in the Russian-Speaking Environment” (21-011-44245).
E-mail: p_magomedova@mail.ru

The article studies the results of the interdisciplinary (theological & linguistic) project “Islamic Discourse: Theological Thought and Communication in the Russian-Speaking Environment”, aimed at solving the general problem of forming an original general theory of Islamic discourse (with its theoretical and experimental verification) by establishing linguistic-cultural, cognitive-semantic,

communicative-pragmatic and sociolinguistic mechanisms for the implementation of religious thought and communication of Muslims in the linguistic space. The author notes that the language of Muslim believers is an independent microsystem marked by specific characteristics and provides multidimensional opportunities of operation. A comprehensive interdisciplinary approach, which was due to the multidimensional and diverse nature of the studied subject, uncovered new theoretical knowledge that fits the overall picture of both domestic and foreign theolinguistics. The research was carried out in several areas: 1) linguistic & cultural (research of language and religion from the viewpoint of the religious code of the national linguistics and culture, i.e. features of the content and operation of concepts in both Russian-speaking and multilingual Islamic discourse); 2) cognitive & semantic (establishment of mechanisms for semantic-cognitive modeling of key conceptual areas relevant to the religious and linguistic consciousness of Muslims); 3) communicative & pragmatic (study of the linguistic manifestation of religious communication in various genres of Islamic discourse: sermon, fatwa, etc.); 4) comprehensive development of the problems of adequate translation of Muslim spiritual texts into Russian. The description of religious discourse as an interdisciplinary field of knowledge highlights the need to use specific methods and techniques for studying the material. One of them is a synthesis of linguosemiotic, linguacultural and theoconceptual methods, which allows to describe the content of a concept not only at the linguistic and cultural-historical levels, but also at the spiritual-worldview level, resulting in revealing the “spiritual meanings” of doctrine represented at the language level.

Keywords: religious concept, Islamic discourse, theolinguistics, religious communication, spiritual texts, translation problems, comparative linguoconceptology, polylinguistic space

REFERENCES

1. Lysak I.V. Mezhdistsiplinarnost' i transdistsiplinarnost' kak podkhody k issledovaniyu cheloveka // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 6. Ch. II. С. 134–137. https://iues.sfedu.ru/wp-content/uploads/2016/09/Lysak_Interdisciplinarity.pdf (in Russian).
2. Plungyan V.A. Russkii yazyk: sovremennoe sostoyanie, slovari, problemy usvoeniya i obucheniya (Kompleksnye issledovaniya) // Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2022. № 2 (109). S. 9–16. DOI: 10.22204/2587-8956-2022-109-02-9-16 (in Russian).
3. Ashurova D.U. Mezhdistsiplinarnyi podkhod k issledovaniyu yazyka // Nizhnevartovskii filologicheskii vestnik. 2021. № 2. С. 127–137. https://www.researchgate.net/publication/356798614_Interdisciplinary_approach_to_language (in Russian).
4. Bobyreva E.V. Religiozniy diskurs: tsennosti i zhanry // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2008. № 1. S. 162–167 (in Russian).
5. Buevich A.A. Vzaimootnoshenie yazyka i religii skvoz' prizmu dukhovno-religioznogo koda russkoi lingvokul'tury // Metafizika. 2016. № 4 (22). S. 111–122 (in Russian).
6. Bugaeva I.V. Yazyk pravoslavnykh veruyushchikh v kontse XX – nachale XXI veka: Monografiya. M., 2008 (in Russian).
7. Gadomskii A.K. Russkaya teolingvistika: istoriya, osnovnye napravleniya issledovaniy // Stil. 2010. № 9. S. 357–374 (in Russian).
8. Postovalova V.I. Religioznye kontsepty v pravoslavnom mirosozertsanii (opyt teolingvisticheskogo analiza) // Kritika i semiotika. 2014. № 2. S. 127–148 (in Russian).
9. Islamskii diskurs v mul'tiyazykovom prostranstve: teolingvisticheskii podkhod / P.A. Magomedova, M.A. Gasanova, N.E. Gadzhiakhmedov, A.M. Kangieva. Makhachkala: ALEF, 2023 (in Russian).

10. Magomedova P.A. Islamic Theolinguistics in the Context of Interdisciplinary Research: Religious Thoughts and Communication in a Multilingual Space // Cultural Perspectives. 2023. Vol. 28. Pp. 117–152. DOI: 10.29081/cp.2023.28.06.
11. Kazieva A.M. Kontseptualizatsiya diskursa islama v sovremennoi Rossii: kognitivno-pragmaticheskii aspekt // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki/ Philology. Theory & Practice, 2024. T. 17. Vyp. 11 S. 4186–4191 <https://philology-journal.ru/article/phil20240590/fulltext> (in Russian).
12. Magomedova P.A. Opyt semantiko-kognitivnogo modelirovaniya religioznoi kartiny mira v raznostrukturnykh yazykakh (na primere kontsepta KHARAM) // Nauchnyi dialog. 2023. T. 12. № 4. S. 150–182. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-150-182 (in Russian).
13. Efremova T.F. Novyi slovar' russkogo yazyka: Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi: V 2 t. M.: Russkii yazyk, 2000. (in Russian).
14. Abu Dzharfar At-Tirmizi. Sunan At-Tirmizi. Beirut: Dar al'-Muassasa ar-Risalya an-Nashirun, 2015.
15. Baranov K.Kh. Bol'shoi arabsko-russkii slovar': V 2 t. 11-e izd. Stereotip / K.Kh. Baranov. M.: Zhi-voi yazyk, 2006 (in Russian).
16. Ali-zade A. Islamskii entsiklopedicheskii slovar'. M.: Ansar, 2007 (in Russian).
17. Magomedova P.A. Islamskii diskurs: problema adekvatnosti perevoda religioznykh tekstov s arabskogo na russkii / P.A. Magomedova, M.P. Gadzhiev // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Philology. Theory & Practice. 2022. T. 15. Vyp. 1. S. 178–185 (in Russian).
18. Magomedova P.A. Semanticheskii portret i mekhanizm funktsionirovaniya leksem-etimonov v sakral'nom tekste Korana i v ego perevodakh na russkii yazyk (teolinguvisticheskii aspekt) / P.A. Magomedova, A.A. Magomedov // Islamovedenie. 2024. T. 15. № 1 (59). S. 63–76. DOI: 10.21779/2077-8155-2024-15-1-63-76 (in Russian).
19. Zhulinskaya A.S. Zhanrovoe prostranstvo religioznykh tekstov // Uchyonye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya». T. 18 (57). 2005. № 2. S. 198–203 (in Russian).
20. Bozhenkova R.K. Strukturno-kompozitsionnye osobennosti pravoslavnoi (russkoyazychnoi) i protestantskoi (angloyazychnoi) propovedi / R.K. Bozhenkova, N.A. Bozhenkova, D.V. Atanova // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika. 2016. № 1 (18). S. 56–63 (in Russian).
21. Aleksandrova O.I. Russkoyazychnyi islamskii diskurs v internet-prostranstve // Russkii yazyk v Internetе: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kul'tura: Sbornik statei I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 8–9 fevralya 2017 g. M.: Rossiiskii universitet druzhby narodov, 2017. S. 66–72 (in Russian).
22. Itskovich T.V. Musul'manskie propovedi na russkom yazyke: kommunikativno-pragmaticheskii aspekt / T.V. Itskovich, A. Tugolbaikyzy // Issledovatel'skii zhurnal russkogo yazyka i literatury. 2019. T. 7. № 2 (14). S. 47–62. DOI: 10.29252/iarll.13.2.47 (in Russian).
23. Magomedova P.A. Homo ludens v sufiiskoi kommunikativistike (teolinguvisticheskii aspekt) / P.A. Magomedova, A.M. Kangieva // Nauchnyi rezul'tat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki. 2022. T. 8. № 1. S. 41–56. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-1-0-3 (in Russian).

БИБЛЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Индекс УДК 22

Код ГРНТИ 21.31.51

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-121-02-134-143

**М.Г. СЕЛЕЗНЁВ,
А.А. ЛУПОВА,
Л.В. ШУЛЯКОВ***

Структура рассказа о творении мира в первой главе книги Бытия

В статье представлены историко-филологический комментарий и анализ композиции рассказа, описывающего творение Богом мира (Бытие 1:1–2:3). История творения, или Шестоднев, задаёт перспективу всему повествованию книги Бытия от праистории человечества к циклу о патриархах. Этот рассказ отличается выверенной композицией и возвышенным стилем. Текст, который обычно связывают с так называемым жреческим кодексом, служит выражению важнейших богословских представлений и может быть назван литургическим гимном единому Богу, его творческому замыслу и попечению о мире и человеке. В статье, в частности, представлены аргументы в пользу понимания первого стиха как временного придаточного. Такая трактовка соответствует древнейшему пониманию первых строк Бытия и хорошо согласуется с другими параллельными текстами не только книги Бытия, но и месопотамской космогонии «Энума элиш». При разборе истории творения в статье рассмотрены древние текстуальные свидетельства, в первую очередь, греческого перевода Библии – Септуагинты, в котором отражена рецепция библейской истории в эллинистическую эпоху.

Ключевые слова: Библия, Ветхий Завет, книга Бытия, Шестоднев, история творения, библейская экзегеза

* **Селезнёв Михаил Георгиевич** — доктор филологических наук, профессор Института классического Востока и Античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), руководитель проекта «Историко-филологические комментарии к Ветхому Завету: комментирование избранных текстов и разработка принципов русскоязычного библейского комментария» (21-011-44267).

E-mail: mgseleznev@gmail.com

Лупова Анна Анатольевна — младший научный сотрудник Института классического Востока и Античности НИУ ВШЭ.

E-mail: anayalupova@mail.ru

Шуляков Леонид Викторович — преподаватель Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ.

E-mail: lshulyakov@gmail.com

Творение мира Богом — одно из важнейших понятий еврейской Библии в её канонической форме, а также всех основанных на Библии религиозных традиций (ил. 1). Самое развёрнутое описание творения представлено в первых главах книги Бытия, первой книге Ветхого Завета, или Танаха (еврейской Библии). Строго говоря, книга Бытия содержит сразу два рассказа о творении: Быт. 1:1–2:3 и Быт. 2:4–3:24. Ещё с XVIII в. в академической библеистике принято считать, что они относятся к разным «источникам» книги Бытия: в рамках гипотезы Ю. Велльгаузена Быт. 1:1–2:3 обычно связывают с жреческим кодексом, а Быт. 2:4–3:24 — с яхвистом (подробнее об источниках см. [1, с. 5–11]). Эти два рассказа не столько дублируют друг друга, сколько отражают две разные перспективы, два разных видения и в чём-то дополняют друг друга. Данная статья посвящена первому рассказу о творении мира, его структуре и композиции.

Структура первого рассказа о творении

В древних переводах Библии (арамейских таргумах, греческом, латинском, сирийском, церковнославянском и др.), а также в большинстве современных переводов первый стих книги Бытия понимается как независимое предложение (ср. перевод РБО: «В начале сотворил Бог небо и землю».).

Однако еврейский текст допускает и иное прочтение, впервые отмеченное в классических для еврейской традиции комментариях Раши¹. Следующий за словом *barē šit* глагол *bārā* «сотворил» при иной огласовке может быть прочитан как

Ил. 1. Бог-творец с циркулем.
Миниатюра из иллюстрированной Библии (*Bible moralisée*),
ок. 1220–1230, Австрийская национальная библиотека,
Codex Vindobonensis 2554, f.1 verso

инфинитив от того же корня *barō*, при этом инфинитив *barō* окажется вторым членом генетивной конструкции (сопряжённого сочетания, см., напр., [2]). Поскольку инфинитив в древнееврейском языке обозначает имя действия, первый стих при такой огласовке можно перевести следующим образом: «В начале творения Богом неба и земли...» (= «Когда Бог начал творить небо и землю...»)². Весь стих Быт. 1:1 оказывается при таком прочтении придаточным времени, а начало книги Бытия (Быт. 1:1–3), учитывая широкую семантику союза *wa*, с которого

¹ Рабби Соломон бен Исаак (1040–1105).

² Подробнее об интерпретации Раши см., напр., [3, р. 45–47; 4, р. 94–98; 5, р. 12; см. также [6, 7].

Таблица 1

Быт. 1:1–2:3	Быт. 2:4–2:5
<i>В начале творения Богом неба и земли,</i>	<i>В день создания ГОСПОДОМ Богом земли и неба,</i>
<i>[когда] земля была пуста и пустынна, и тьма была над пучиной, и Дух Божий парил над водами,</i>	<i>[когда] никакого куста полевого ещё не было на земле и никакая трава полевая ещё не росла, ибо ГОСПОДЬ Бог не посылал дождя на землю, и не было человека, чтобы возделывать землю, и поток выходил из земли и орошал всю землю,</i>
<i>[тогда] сказал Бог: «Да будет свет!»</i>	<i>[тогда] создал ГОСПОДЬ Бог человека...</i>

начинаются второй и третий стих, начинается звучать так:¹

«В начале творения Богом неба и земли, [когда] земля была пуста и пустынна, и тьма была над пучиной, и Дух Божий веял над водами,

[тогда] сказал Бог: «Да будет свет!».

В пользу такого понимания свидетельствует, в частности, сравнение структуры двух приведённых в первых главах книги Бытия рассказов о творении мира: Быт. 1:1–2:3 и Быт. 2:4–2:5 (см. табл. 1, где сравниваются начальные стихи этих двух рассказов).

Во-первых, оба рассказа начинаются с указания точки отсчёта («В начале творения Богом неба и земли» / «В день создания ГОСПОДОМ Богом земли и неба»). Параллелизм заметен и на лексико-синтаксическом уровне: предлог *bə* «в» + существительное со значением «период времени» (*yôm* «день», *rē šît* «начало») + глагольная группа, говорящая, что речь идёт о творении мира.

Во-вторых, оба рассказа продолжают описанием беспорядка и недостачи, которые предшествовали творению мира Богом («[когда] земля была пуста и пустынна...» / «[когда] никакого куста полевого ещё не было на земле... и не было человека...»).

В-третьих, после описания беспорядка и недостачи начинается рассказ о деяниях Бога («[тогда] сказал Бог: «Да будет свет!» / «[тогда] создал ГОСПОДЬ Бог человека...»). В первом рассказе это творение света, неба, земли и всего, что наполняет небо и землю и кладёт конец хаосу;

во втором рассказе Бог творит человека и насаждает сад — т.е. кладёт конец «недостаче» человека и растительности, о которой говорилось ранее.

Ещё одной параллелью может служить начало 5-й главы книги Бытия. В Быт. 5:1 мы сталкиваемся с очередным заголовком: «Вот родословие Адама». После этого заголовка вновь рассказывается про сотворение человека: «В день творения Богом человека, Он по подобию Божию создал его, мужчину и женщину создал...». Здесь повествование также начинается с указания на точку отсчёта: «В день творения Богом человека...».

Едва ли такой строгий параллелизм может быть случайностью. Можно предположить, для древнееврейской культуры было естественно описывать творение мира и человека именно по такой модели.

Рассказы Быт. 2:4 и Быт. 5:1 начинаются с зачина «В день создания/творения». Для Быт. 1:1 такой зачин не подошёл бы — слово *yôm* ‘день’ создавало бы неуместную переключку с идущими далее упоминаниями шести дней творения. Поэтому вместо слов *bəyôm bəgō* ‘в день сотворения’ / *bəyôm ʾāsôt* ‘в день создания’ Быт. 1:1 начинается словами *bəgē šît bārā* (*bəgē šît bəgō*) ‘В начале творения’.

Такого рода зачины встречаются в еврейской Библии не только в начале рассказов о творении мира или человека. Ср. напр., Втор. 32:8, Пс. 114:1–2: в обоих случаях зачин (предлог *bə* + глагольная группа) задаёт тему повествования, фон,

¹ Здесь и далее перевод с еврейского М.Г. Селезнёва.

Таблица 2

	Быт. 1:1-3а (интерпретация Раши)	Быт. 2:4b-7a	Быт. 5:1	Энума элиш*
Указание на точку отсчёта	<i>В начале творения Богом неба и земли,</i>	<i>В день создания ГОСПОДОМ Богом земли и неба,</i>	<i>В день творения Богом человека,</i>	<i>Когда вверху не названо небо, А суша внизу была безымянна,</i>
Описание обстоятельств, предшествующих творению мира (хаос, недостача того, что необходимо для нормального существования мира)**.	<i>[когда] земля была пуста и пустынна, и тьма была над пучиной, и Дух Божий парил над водами,</i>	<i>[когда] никакого куста полевого ещё не было на земле и никакая трава полевая ещё не росла, ибо ГОСПОДЬ Бог не посылал дождя на землю, и не было человека, чтобы возделывать землю, но поток выходил из земли и орошал всю землю,</i>		<i>Апсу первородный, всесотворитель, Праматерь Тиамат, что всё породила, Воды свои воедино мешали. Тростниковых загонов тогда ещё не было, Тростниковых зарослей видно не было. Когда из богов никого ещё не было, Ничто не названо, судьбой не отмечено,</i>
Главное предложение / основное действие (начало творения)	<i>[тогда] сказал Бог: «Да будет свет!»</i>	<i>[тогда] создал ГОСПОДЬ Бог человека...</i>	<i>Он по подобию Божию создал его, мужчину и женщину создал...</i>	<i>Тогда в недрах зародились боги...</i>

Примечания: *Пер. В.К. Афанасьевой и И.М. Дьяконова [10]. **Интересно, что в ряде случаев в том или ином виде присутствует мотив водной бездны или подземных вод.

на котором разворачивается дальнейшее повествование. Очевидна структурная близость к разобранным выше примерам.

Структурные параллели первому рассказу о творении можно найти не только в Библии, но и в текстах других культур древнего Ближнего Востока. Наиболее известная параллель — вавилонский эпос «Энума элиш» (аккад. *Eṇūma eliš* — «Когда наверху...»). Структурное сходство разобранных выше библейских текстов и начала эпоса «Энума элиш» отражено в таблице (табл. 2)¹.

Параллели между начальными строками Бытия в интерпретации Раши (Быт. 1:1

как придаточное предложение времени), зачином Быт. 2:4–7, Быт. 5:1 и зачином вавилонского эпоса «Энума элиш», по нашему мнению, могут говорить в пользу того, что именно интерпретация Раши соответствует древнейшему пониманию первых строк Бытия; кажется весьма вероятным, что именно её подразумевал автор первого рассказа о творении.

Структура Шестоднева

Поскольку в первом рассказе о творении мира Бог творит мир за шесть дней, его принято называть Шестодневом². К этому рассказу примыкают стихи Быт. 2:1–3,

¹ О др. параллелях между «Энума элиш» и библейским рассказом о творении см., напр., [8, р. 41–48; 9, р. 8–15].

² Греч. ἡ ἑξαήμερος (sc. περίοδος), τὸ ἑξαήμερον. Это наименование, встречающееся у многих отцов Церкви, впервые засвидетельствовано в сочинениях еврейского эллинистического философа Филона Александрийского (Phil. *Legum allegoriarum* 2:12; *De decalogo* 1:100).

говорящие о дне седьмом и об установлении субботы. Стилистически и композиционно Шестоднев и рассказ о седьмом дне — это единый текст.

В шесть дней творения укладываются восемь творческих деяний Бога. На первый, второй, четвёртый и пятый дни приходится по одному творческому деянию, на третий и шестой — по два. Так, в первый день Он творит (1-е творческое деяние) свет и отделяет его от тьмы, во второй — (2) твердь, в третий — (3) сушу и собрание вод (землю и моря), а также (4) растения, в четвёртый — (5) небесные светила, в пятый — (6) морских и небесных существ, в шестой — (7) земных животных и (8) человека.

Композиция Шестоднева очень продумана и выверена. Во-первых, рассказы о каждом из деяний строятся по определённой схеме.

(А) Всё начинается с торжественного повеления Бога, чтобы появился новый элемент творения: «*И сказал Бог: “Да будет свет”*» (Быт. 1:3а; см. также 6а, 9а, 11а, 14–15а, 20, 24а, 26).

(Б) За повелением Бога следует описание того, как это повеление претворяется в жизнь: «*Бог создал твердь и отделил воды, которые под твердью, от вод, которые над твердью*» (1:7; см. также 12, 16, 21, 25, 27). Формулировки таких описаний различны, однако практически каждое из них начинается с формулы «*и стало так*» (1:6б, 9б, 11б, 15б, 24б, 30б; в 1:3б «*и стал свет*»; в рассказе о пятом дне этот элемент отсутствует). В рассказах о творении света (1-й день), а также суши и собрания вод (3-й день) содержится только формула, а само описание опущено.

(В) То, что Бог творит, получает Его одобрение («*И увидел Бог, что это хорошо*» — 10б, 12б, 18б, 21б, 25б; в 1:4а — «*Бог увидел, что свет хорош*»). Этот элемент пропущен лишь в рассказе о творении тверди. Оконченное творение «*очень хорошо*» (1:31). При творении земных животных и человека Бог благословляет свои создания (1:22, 28).

(Г) Сущности, которые создаются в первых трёх деяниях (день и ночь, небо, земля и моря), сперва обозначаются описательно, не «настоящим» своим именем (свет и тьма, твердь, суша и собрание вод). Лишь после творения, чтобы вещь окончательно обрела своё бытие, Бог даёт ей настоящее имя («день», а не просто «свет»; «ночь», а не просто «тьма»; «небо», а не просто «твердь»; «земля», а не просто «суша»; «моря», а не просто «собранные воды»; 1:5а, 8а, 10а). Примечательно, что Бог не даёт имена животным — это задача человека (2:20).

(Д) Описание каждого дня завершается словами: «*Настал вечер, настало утро*», за которыми следует уточнение, какой именно день творения был описан выше (1:5б «*первый день*», 8б «*второй день*», см. также 13, 19, 23, 31б).

Определённая симметрия композиции заметна не только в общей схеме описания каждого этапа творения, но и в том, как эти этапы соотносятся друг с другом. В последовательности шести дней творения первый день соотнесён с четвёртым, второй — с пятым, третий — с шестым. В каждой паре в первый из дней (1-й, 2-й и 3-й) создаётся неодушевлённый элемент творения, а во второй (3-й, 4-й и 5-й) он населяется живыми существами. Так, в первый день сотворён свет — а в парный ему четвёртый день появляются светила (в древнем мире небесные светила осознавались как одушевлённые существа; следы этого мы видим и в библейском тексте, где Солнце и Луна властвуют над днём и ночью, а звёзды образуют «воинство небесное» (напр., Быт. 1:18, Втор. 4:19, Суд. 5:20)). Во второй день Бог творит небесный свод и тем самым вносит организующий принцип в водный хаос; в пятый день, который соотносится со вторым, вода и небо заселяются живыми существами. На третий день создана земля и её растительный покров; третьему дню соответствует шестой, когда на земле появляются животные и человек, а растения становятся для них пищей (этому посвящена последняя, заключительная речь Бога в Шестодневе). Та-

Таблица 3

Структура Шестоднева

И сказал Бог: да будет свет.	И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной, чтобы отделять день от ночи, и чтобы указывать сроки, дни и года. Пусть будут они на тверди небесной светилами, освещающими землю.
И стал свет.	
Бог увидел, что свет хорош,	И стало так. И создал Бог два великих светила: светило большее, чтобы оно правило днями, светило меньшее, чтобы оно правило ночами, – и звезды. И поместил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю, и править днями и ночами, и отделять свет от тьмы.
и отделил его от тьмы,	
и дал свету имя «день», а тьме – имя «ночь».	И увидел Бог, что это хорошо.
Настал вечер, настало утро – первый день .	Настал вечер, настало утро – день четвёртый .
И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды.	И сказал Бог: Пусть вода кишит живыми существами; и птицы пусть полетят над землею, по тверди небесной.
И стало так. Бог создал твердь, и отделил воды, которые под твердью, от вод, которые над твердью.	И сотворил Бог огромных чудищ морских и всякие живые существа, которые снуют и кишат в воде, сообразно их видам, и всяких птиц крылатых, сообразно их видам.
И Бог дал тверди имя «небо».	И увидел Бог, что это хорошо.
Настал вечер, настало утро – день второй .	И благословил их Бог такими словами: будьте плодovиты и многочисленны, и наполняйте воды морей, и птицы пусть будут многочисленны на земле.
	Настал вечер, настало утро – день пятый .
И сказал Бог: Пусть воды, что под небом, соберутся вместе, и да покажется суша.	И сказал Бог: да произведет земля живые существа сообразно их видам: скот, и мелкую живность, и зверей земли, сообразно их видам.
И стало так.	И стало так. И создал Бог зверей земли, сообразно их видам, и скот, сообразно его видам, и всякую живность земную, сообразно её видам.
Бог дал суше имя «земля», а собравшимся водам имя «моря».	И увидел Бог, что это хорошо.
И увидел Бог, что это хорошо.	
И сказал Бог: Пусть земля произрастит растения: траву, дающую семена, и дерево с плодами, приносящее, сообразно виду своему, плод, в котором семя его на земле.	И сказал Бог: Создадим человека – Наш образ и Наше подобие – чтобы он господствовал над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всею живностью, которая снуёт по земле.
И стало так. Земля произрастила растения: траву, дающую семена, сообразно виду своему, и дерево, приносящее, сообразно виду своему, плод, в котором семя его.	Бог сотворил человека, образ Свой, Божий образ Он сотворил, мужчину и женщину сотворил.
И увидел Бог, что это хорошо.	И благословил их Бог такими словами: – Будьте плодovиты и многочисленны, заселяйте землю и покоряйте её. Господствуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всеми животными земли.
Настал вечер, настало утро – день третий .	И сказал Бог: Я отдаю вам в пищу все травы с семенами, какие есть на земле, и все деревья, приносящие плоды с семенами. А зверям земли, и птицам небесным, и живности земной – всем, в ком дышит жизнь, – Я отдаю в пищу зелень растений.
	И стало так.
	И увидел Бог, что все, что Он создал, – это очень хорошо!
	Настал вечер, настало утро – день шестой .

ким образом, можно сказать, что за первые три дня Бог творит неодушевлённый мир, а за последующие три дня творит живое. Примечательно также, что именно на третий и соотнесённый с ним шестой день

приходится по два творческих деяния Бога, тогда как на остальные дни – по одному.

Структуру Шестоднева можно отразить в таблице (табл. 3). Каждый из дней творения в первом столбце соотносится

с расположенным справа днём творения из второго столбца. Повторяющиеся элементы композиции размечены разными цветами: (А) – красный, (Б) – жёлтый, (В) – зелёный, (Г) – голубой, (Д) – серый.

Приведённая схема творения: (А) повеление Бога; (Б) «и стало так» + описание того, как повеление претворяется в жизнь; (В) одобрение созданного Богом; (Г) наречение имён; (Д) «и был вечер, и было утро, день...» – как уже было отмечено выше, в некоторых местах еврейского текста нарушается. Так, в описании второго дня (Быт. 1:7) отсутствует одобрение Бога. Позднейшие экзегеты пытались подыскать этому объяснения, например, что творение вод в этот день было ещё не завершено, а завершится лишь на третий день; или, что слова одобрения здесь не уместны, поскольку воды, впервые упоминаемые в этот день, будут инструментом кары во время Потопа; или что в этот день появилось «разделение»; или даже что в этот день была сотворена Геенна [см. дискуссию по этому поводу в Берешит Рабба 4:6]. Правдоподобнее, однако, что древний автор этих строк просто не стремился к полному формульному единообразию описания всех дней творения.

Септуагинта – древний перевод Ветхого Завета на греческий – заполняет такие композиционные лакуны. Так, в описании второго дня творения появляется одобрение Богом: καὶ εἶδεν ὁ θεὸς ὅτι καλόν 'и увидел Бог, что это хорошо' (Быт. 1:8). В рассказе о творении земли и морей, где в еврейском тексте опущено описание того, как повеление Бога претворяется в жизнь, в греческую версию это описание было добавлено: καὶ συνήχθη τὸ ὕδωρ τὸ ὑποκάτω τοῦ οὐρανοῦ εἰς τὰς συναγωγὰς αὐτῶν καὶ ᾤφθη ἡ ξηρὰ 'и собрались воды, которые под небом, вместе, и показала суша' (1:9б). В рассказ о творении морских и небесных существ в пятый день вставлена отсутствующая в еврейском тексте формула καὶ ἐγένετο οὕτως 'и стало так' (1:20б). Хотя можно было бы предполагать, что эти элементы оригинальны и были утрачены в еврейском тексте, но сохранены в греческом переводе, большинство

исследователей согласны в том, что они были добавлены для гармонизации текста либо в Септуагинту [3, р. 56–57], либо в еврейский протограф Септуагинты [11, р. 35].

Седьмой день

Рассказ о седьмом дне (Быт. 2:2–3) не вписывается в общую структуру Шестоднева и стоит особняком. Средневековые христианские богословы, делившие библейский текст на главы, даже поместили его в следующую – вторую – главу.

Согласно еврейскому тексту, в седьмой день Бог «завершил работу свою» и «пребывал в покое» (2:2), а также «благословил седьмой день и сделал его священным» (2:3) (ил. 2). Этот рассказ представляет собой этиологию субботы, или шаббата, священного дня и в ветхозаветной религии, и в современном иудаизме. В первом рассказе о творении сотворение мира соотносится с семидневной неделей; последний день недели – священный день, благословлённый Богом, день покоя, когда Сам Бог пребывал в покое (ср. Исх. 20:8–11). Само название этого дня – «суббота» (евр. *šabbāt*), – по мнению ряда исследователей, связано с глаголом *šāḥaṭ* («пребывать в покое»), который фигурирует в 2:2–3. Исследователи, поддерживающие эту точку зрения, расходятся в том, было ли существительное образовано от глагола (напр., [12, р. 475–76; 13]) или глагол от существительного [14, р. 185–87]. Связь глагола *šāḥaṭ* с понятием субботы явно прослеживается в библейских текстах (напр., Исх. 16:30; 23:12; 31:17; 34:21; Лев. 23:32; 25:2; ср. Быт. 2.2–3), хотя нельзя исключать, что она обусловлена народной этимологией.

Еврейский текст Быт. 2:2–3 говорит о завершении работы в седьмой день; его можно понять так, что в седьмой день работа ещё продолжалась. По-видимому, в иудаизме эллинистического периода, когда отношение к закону становилось всё скрупулёзнее, выражение «завершил Бог в седьмой день дела Свои» стало казаться недостаточно однозначным. В Септуагинте эта двусмысленность исправлена посредством

Ил. 2. Бог благословляет Седьмой День. Мозаика, Венеция, базилика Сан-Марко, XIII в.

того, что в первой половине стиха «седьмой день» заменён на «шестой день»: «и завершил Бог в шестой день работу Свою... и почил в день седьмой». Возможно, однако, эта замена произошла не при переводе на греческий, а ещё до того: в той рукописной традиции, на которую опирался автор Септуагинты. В пользу этого говорит тот факт, что слова «в день шестой» стоят не только в Септуагинте и в зависимых от неё переводах, но также в Самаритянском Пятикнижии и в Книге Юбилеев (II, 16). Хендель в критическом издании еврейского текста

книги Бытия даже предполагает, что Септуагинта не просто отражает здесь чтение своего еврейского оригинала, но что это чтение является первоначальным, более аутентичным, чем масоретское [15, p. 122–123; 16, p. 138–139].

В синодальном переводе расхождение между еврейским и греческим текстом было сглажено: «И совершил Бог к седьмому дню дела Свои»; такая формулировка формально соответствует Масоретскому тексту, но по смыслу передаёт понимание Септуагинты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Велльгаузен Ю. Введение в историю Израиля. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017.
2. Joüon P., Muraoka T.A. Grammar of Biblical Hebrew (Subsidia biblica, 14/I–II). 1993. Vols. I–II. Roma, § 129, p. 3.
3. Carr D.M. Genesis 1–11. Stuttgart: Kohlhammer GmbH, 2021.
4. Westermann C. Genesis 1–11: A Continental Commentary. Minneapolis: Augsburg Publishing House, 1987.
5. Speiser E.A. The Anchor Bible: Genesis. N.Y.: Doubleday, 1964.

6. Селезнёв М.Г. Быт. 1:1, экзегеза Септуагинты, экзегеза Раши и масоретская акцентуация // Вестник РГГУ. 2012. Серия «Востоковедение. Африканистика». Т. 20. С. 126–134.
7. Тищенко С.В. До того, как был сотворён мир. Замечания по поводу современных переводов Быт. 1:1–2 // Материалы XVII Международной конференции по иудаике. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах, 2010. Т. 1. С. 9–23.
8. Skinner J. A Critical and Exegetical Commentary on Genesis. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1910.
9. Carr D.M. The Formation of Genesis 1–11: Biblical and Other Precursors. Oxford: Oxford University Press, 2020.
10. Афанасьева В.К., Дьяконов И.М. (пер., сост.). Когда Ану сотворил небо: литература древней Месопотамии. М.: Алетея, 2000.
11. Gertz J.Ch. Genesis 1–11. Leuven: Peeters, 2023.
12. de Vaux R. Ancient Israel: Its Life and Institutions. Trans. J. McHugh. London, 1961.
13. Botterweck G.J., Ringgren H. (eds.). Theological Dictionary of the Old Testament. Cambridge: Wm. B. Eerdmans Publishing Co., 17 vols. 1974–2021.
14. North R. The Derivation of the Sabbath. Biblica 36: 182–201. 1955.
15. Hendel R.S. The Text of Genesis I–II: Textual Studies and Critical Edition. Oxford: Oxford University press, 1998.
16. Hendel R.S. Genesis 1–11: A New Translation with Commentary. Yale: Yale University press, 2024.

Structure of Creation Narrative in Genesis Chapter 1

Mikhail Georgievich Seleznyov – Doctor of Philology, Professor of the Institute of Classical East and Antiquity of the National Research University Higher School of Economics (HSE), head of the project “Historical and Philological Comments on the Old Testament: Commentary on Selected Texts and Development of Principles for a Russian-Language Biblical Commentary” (21-011-44267).

E-mail: mgseleznev@gmail.com

Anna Anatolyevna Lupпова – junior researcher of the Institute for Oriental and Classical Studies HSE.

E-mail: anyaluppova@mail.ru

Leonid Viktorovich Shulyakov – lecturer at the Institute for Oriental and Classical Studies HSE.

E-mail: lshulyakov@gmail.com

The article provides a historical and philological commentary and analysis of the story describing God's creation of the world (Genesis 1:1–2:3). The story of Creation, or hexaemeron, sets the perspective for the entire narrative of the Genesis, from the prehistory of mankind to the cycle of the patriarchs. This story is distinguished by its precise composition and elevated style. The text, which is usually associated with the so-called priestly source, serves to express the most important theological ideas and can be called a liturgical hymn to the one God, His creative design and care for the world and man. The article, in particular, includes arguments in favor of understanding the first verse as a temporary subordinate clause. This interpretation conforms with the most ancient understanding of the first lines of Genesis and is well-aligned with other parallel texts not only in the book of Genesis, but also in the Mesopotamian cosmogony Enuma Elish. In studying the history of creation, the article examines ancient textual evidence, primarily the Greek translation of the Bible – the Septuagint, which reflects the reception of biblical history in the Hellenistic era.

Keywords: Bible, Old Testament, Book of Genesis, Hexaemeron, Creation History, Biblical Exegesis

REFERENCES

1. Vell'gauzen Yu. Vvedenie v istoriyu Izrailya. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2017 (in Russian).
2. Joüon P., Muraoka T.A. Grammar of Biblical Hebrew (Subsidia biblica, 14/I-II). 1993. Vols. I-II. Roma, § 129, p. 3.
3. Carr D.M. Genesis 1–11. Stuttgart: Kohlhammer GmbH, 2021.
4. Westermann C. Genesis 1–11: A Continental Commentary. Minneapolis: Augsburg Publishing House, 1987.
5. Speiser E.A. The Anchor Bible: Genesis. N.Y.: Doubleday, 1964.
6. Seleznyov M.G. Byt. 1:1, ekzegeza Septuaginty, ekzegeza Rashi i masoretskaya aktsentuatsiya // Vestnik RGGU. 2012. Seriya «Vostokovedenie. Afrikanistika». T. 20. S. 126–134 (in Russian).
7. Tishchenko S.V. Do togo, kak byl sotvoryon mir. Zamechaniya po povodu sovremennykh perevodov Byt. 1:1–2 // Materialy XVII Mezhdunarodnoi konferentsii po iudaike. M.: Tsentri nauchnykh rabotnikov i prepodavatelei iudaiki v vuzakh, 2010. T. 1. S. 9–23 (in Russian).
8. Skinner J. A Critical and Exegetical Commentary on Genesis. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1910.
9. Carr D.M. The Formation of Genesis 1–11: Biblical and Other Precursors. Oxford: Oxford University Press, 2020.
10. Afanas'eva V.K., D'yakonov I.M. (per., sost.). Kogda Anu sotvoril nebo: literatura drevnei Mesopotamii. M.: Aleteia, 2000 (in Russian).
11. Gertz J.Ch. Genesis 1–11. Leuven: Peeters, 2023.
12. de Vaux R. Ancient Israel: Its Life and Institutions. Trans. J. McHugh. London, 1961.
13. Botterweck G.J., Ringgren H. (eds.). Theological Dictionary of the Old Testament. Cambridge: Wm. B. Eerdmans Publishing Co., 17 vols. 1974–2021.
14. North R. The Derivation of the Sabbath. Biblica 36: 182–201. 1955.
15. Hendel R.S. The Text of Genesis I–II: Textual Studies and Critical Edition. Oxford: Oxford University press, 1998.
16. Hendel R.S. Genesis 1–11: A New Translation with Commentary. Yale: Yale University press, 2024.

А.В. СИЗИКОВ*

Книга Иисуса, сына Сирахова, и проект академического библейского перевода**

Статья посвящена опыту подготовки комментированного академического перевода одной из неканонических книг Священного Писания, книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова. Проект полностью был реализован силами кафедры библеистики Санкт-Петербургского государственного университета при поддержке РФФИ, а сама работа по результатам открытого конкурса монографий 2023 г. была опубликована издательством СПбГУ в 2024 г. Впервые были переведены на русский язык и опубликованы все известные древнееврейские источники книги Сираха, а книга стала первым по прошествии более ста лет комментированным научным изданием. В настоящей публикации описаны предпосылки к началу проведения исследования и причины, побудившие кафедру библеистики организовать этот проект. В статье представлены основные сложности, с которыми столкнулся коллектив авторов в процессе работы и подготовки публикации, мы также объясняем причины, которыми мы руководствовались, выбрав нашу форму представления текста и комментариев.

Ключевые слова: Бен Сира, Сирах, текстология, библейский перевод, книги Премудрости

Предпосылки к началу проекта

Идея осуществить академический перевод книги Сираха¹ на русский язык воз-

никла во время работы над критическим текстом церковнославянского перевода этой книги. Примерно треть книги

* **Сизиков Александр Владимирович** — кандидат филологических наук, и.о. заведующего кафедрой библеистики СПбГУ, руководитель проекта «Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова: перевод на русский язык с историко-филологическими и богословскими комментариями» (21-011-44142).
E-mail: alexsizikoff@yahoo.co.uk

** Участники проекта: кандидат филологических наук Юрий Павлович Варганов (два этапа); кандидат филологических наук, доцент восточного факультета СПбГУ Адель Владимировна Немировская (первый этап); доктор исторических наук, профессор кафедры библеистики СПбГУ Елена Никитична Мещерская (второй этап).

¹ Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова (Бен Сира), была составлена на древнееврейском языке в начале II в. до н.э. Согласно предисловию, в Египте внук автора перевёл книгу на древнегреческий язык в последней четверти II в. Первые древнееврейские фрагменты книги были обнаружены только в конце XIX в., полностью книга сохранилась только в переводах.

Ил. 1. Изборник Святослава, 1076 г., пергамен, РНБ, Эрм. 20:
на развороте (л. 181 об.–182) начало книги Премудрости Сираха».

Источник: <https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=F0557166-7483-4F3C-853F-74B3D5424DC5>

на церковнославянском языке в виде тематической выборки вошла в состав Изборника 1076 г. (ил. 1). Первые полные списки книги появляются только начиная с XIV в., а книга в них отличается объёмом и порядком следования глав [1]. «Предисловие внука» было не известно славянской традиции до появления Елизаветинской Библии [2]. Обращение к греческому переводу книги в составе популярного издания Септуагинты Альфреда Ральфа [3] не позволило найти удовлетворительного объяснения изменениям объёма книги в церковнославянском переводе, которых, как позже выяснилось, было несколько. Иными словами, вопрос текстологии славянской Библии нельзя решить как вопрос исключительно славистики, но только как вопрос библеистики, поэтому появилась необходимость расширить исследование, чтобы понять, как использовалась и распространялась книга Сираха в греческой традиции. Однако древнегреческий перевод книги Сираха, как, впрочем, и других книг Ветхого Завета, не является самодо-

статочным: большая степень формальной эквивалентности, нарушения греческой грамматики, необычный выбор лексики — всё это требует обращения к древнееврейскому тексту.

Как удалось установить, в России только А.П. Рождественский более 100 лет назад занимался переводом сохранившихся древнееврейских фрагментов, его работа [4] являлась единственным научным изданием Сираха на русском языке, выполненным с использованием открытых в конце XIX в. древнееврейских фрагментов книги. Некоторое удивление вызывало и то, что довольно мало внимания было уделено (как в отечественной, так и в зарубежной науке) исследованию таких важных свидетельств для понимания Священного Писания вообще и книги Сираха в частности, как «Предисловие переводчика» (или «Предисловие внука») и предисловия к этой книге в составе Синописа на Священное Писание псевдо-Афанасия Александрийского. Эти предисловия были переведены на русский язык, снабжены ком-

ментариями и опубликованы [5, 6]. Встал вопрос о дальнейшей работе по переводу книги на русский язык.

Библейский перевод в России

Проблема перевода Библии в России довольно сложная. Самым успешным и читаемым переводом является Синодальный перевод 1876 г. [7]. Это единственный полный перевод всех книг Священного Писания, в том объёме, который принят у православных христиан. Переводы Российского библейского общества, Института перевода Библии и Международного библейского общества не содержат так называемых неканонических книг. Синодальный перевод стал своего рода *textus receptus* для русских читателей, несмотря на ряд недостатков, которые, однако, присущи в той или иной степени любым библейским переводам. Из этого, на наш взгляд, следует, что, работая над новым переводом, необходимо учитывать традицию Синодального перевода в отношении как языка, так и объёма текста.

Современные переводчики Библии пользуются критическими изданиями Священного Писания, которые были не доступны в XIX в., в результате читатель сталкивается с разночтениями в библейских переводах, обусловленными использованием других источников. Такие расхождения с *textus receptus*, надо объяснять и комментировать, особенно для современного русского читателя, не избалованного обилием библейских переводов. Синодальный перевод демонстрирует преимущество по отношению к церковнославянской Библии не только в объёме текста, но и в выборе некоторых эквивалентов, хотя и не во всех случаях. С методом перевода, передачей имён собственных и выбором лексики в Синодальном переводе не всегда можно согласиться, однако, на наш взгляд, если мы выбираем другой эквивалент для одного из ключевых слов Священного Писания или транслитерируем имя собственное исходя из его оригинальной древнееврейской или

древнегреческой формы, то эти моменты следует также комментировать, сравнивая с Синодальным переводом.

Не менее значимой, чем Синодальный перевод, является для русского читателя Елизаветинская Библия 1751 г., которую использует в литургической практике Русская Православная церковь. В составе этой Библии почти у каждой книги отдельная судьба, а переводы, лёгшие в основу этого издания, много раз редактировались с использованием различных греческих и латинских источников. Происхождение многих чтений в составе церковнославянской Библии объяснить весьма непросто; тем не менее, мы полагаем, что при подготовке комментированного перевода текстологическим расхождениям также необходимо уделить должное внимание. Разумеется, такой подход потребовал отдельного исследования, которое мы предприняли, чтобы описать переводы книги Сираха, которые были доступны читателям на территории современной России [8].

К моменту завершения подготовительного этапа работы над переводом РФФИ объявил первый конкурс фундаментальных исследований в области теологии, что позволило пригласить к участию специалистов-семиологов и открыло возможность подготовить перевод книги Сираха на русский язык с комментариями в относительно короткий период. На сегодняшний день на русском языке существуют только комментарии к отдельным книгам Библии, комментированный научный перевод всего Священного Писания – вопрос будущего.

Российское библейское общество сопровождает издание своего перевода Ветхого Завета некоторым количеством примечаний в так называемых учебных изданиях, что значительно облегчает чтение, однако эти примечания не могут заменить полноценного историко-филологического и богословского комментария. Библейские книги по причине своей древности требуют научного комментария, как и любая другая древняя литература, не говоря

уже о том, что многие книги Священного Писания сложны по своему содержанию и композиции, для их адекватного прочтения необходима подготовка, своего рода «введение».

Текстология и выбор модели перевода

Книга Сираха является учебником премудрости, руководством по наставлению книжников, которым предстояло обслуживать исполнительную и судебную власть в Иудее. Это сочинение представляет большую филологическую проблему: на языке оригинала дошли лишь фрагменты рукописей, в которых содержатся примерно две трети от общего объёма книги, а древнегреческий перевод книги в разных рукописях представлен в разном объёме с большим количеством разночтений, ни одна древнегреческая рукопись не сохранила оригинального порядка следования глав, он сохранился только в латинской традиции, дочерней по отношению к древнегреческой. К моменту подачи заявки на грант рабочая группа, состоявшая из сотрудников СПбГУ А.В. Сизикова, Ю.П. Вартанова и А.В. Немировской, обсуждала две концепции перевода: «компромиссный» перевод или «независимый» перевод древнееврейских и греческих источников, представленный параллельно.

Компромиссный вариант перевода наиболее распространённый, по такой модели выполнен упомянутый выше перевод А.П. Рождественского; по этой же модели подготовлен комментированный перевод в серии Anchor Bible Commentary [9]. В этом случае исследователь проводит текстологический анализ, как правило, основанный на эклектическом методе критики текста, определяет древнейшее чтение и его переводит. Достоинством

такого метода является то, что читатель получает целостный текст и ему не нужно разбираться с критическим аппаратом. Недостатки у этого метода значительные: во-первых, появляется совершенно новый текст, который, возможно, в таком виде никогда не существовал, а потому не цитировался, не использовался в богослужении и пр. Во-вторых, сохранившиеся древнееврейские источники могут восходить к другому типу текста, чем тот, который был использован при подготовке древнегреческого перевода. В-третьих, древнееврейский текст и его древнегреческий перевод могли переживать параллельную редактуру¹.

Текстологическая сложность книги обусловлена и самим жанром: книга состоит из коротких поучений и гимнов, которые в эпоху рукописного копирования довольно часто переставлялись, пропускались или дополнялись схожими по форме предложениями из различных источников. Поскольку многие биколонны имеют одинаковое начало или конец, то возникает большое число пропусков и перестановок, вызванных писцовыми ошибками гомеархон и гомеотелевтон, некоторые чтения в древнегреческом переводе являются глоссами, инкорпорированными в текст².

В результате мы приняли решение выполнить перевод независимо с древнегреческого и с древнееврейского языков и расположить оба текста параллельно. Поскольку древнееврейские источники сохранились фрагментарно, а установить связь между рукописями не представляется возможным, мы решили переводить каждую рукопись отдельно. Предполагалось, что читатель будет знакомиться с книгой в переводе с древнегреческого, а расширять своё понимание текста и уточнять ряд деталей будет, обращаясь

¹ Нам удалось зафиксировать даже случаи культурной адаптации, когда этические наставления в переводе подстраиваются под социальные требования носителей языка, к примеру: Сир 9:9; 16:7.

² Необходимо отметить, что сохранившиеся древнееврейские рукописи содержат большое количество маргиналий, заслуживающих отдельного исследования [10]. При компромиссном переводе едва ли их можно было разместить рядом с текстом.

к древнееврейским параллелям. Мы планировали сопроводить перевод вступительной статьёй, содержащей сведения о месте и времени создания книги, а сам текст снабдить комментариями двух уровней: коротким подтекстовым текстологическим комментарием и примечаниями переводчика и затекстовым развёрнутым историко-филологическим и богословским комментарием к каждой главе. Такой план проекта был одобрен РФФИ, и мы приступили к работе¹.

Реализация проекта

В качестве исходного текста для перевода с древнегреческого языка мы выбрали лучшее на сегодняшний день критическое издание, подготовленное Й. Циглером [12]. В этом издании представлена реконструкция древнейшего текста вместе с чтениями, существующими в различных редакциях древнегреческого перевода. А.В. Сизиков перевёл весь текст книги с древнегреческого языка, включая все дополнительные чтения, отметив их курсивом. Были переведены и наиболее интересные и значимые разночтения из критического аппарата издания. Перевод с древнееврейского предполагалось делать на основании издания П. Бентьеса [13], однако это издание содержало некоторые ошибки, поэтому перевод древнееврейских источников был выполнен по цифровым фотографиям рукописей, находящихся в открытом доступе на сайте bensira.org². К сожалению, А.В. Немировская не смогла полноценно участвовать в проекте, и перевод всех древнееврейских источников осуществил Ю.П. Варганов. Был также использован материал латинских переводов (Старолатинская Библия [14] и Вульгата [15]) и древнейшего славянского перевода (были использованы рукописи XI–XVII вв., Острожская [16], Московская [17] и Елизаветинская Библии) (ил. 2).

Во время работы над переводом мы столкнулись с вполне ожидаемыми сложностями: имена собственные, безэквивалентная лексика, искажённый язык греческого перевода и пр. Самым спорным моментом оказалось преодоление так называемой устойчивой эквивалентности. Многие ключевые слова получили эквиваленты ещё в Мефодиевский период, к примеру: σοφία — «мудрость» или «премудрость», διαθήκη — «завет», πλῆσιος — «ближний». С некоторыми словами не возникает никаких проблем: «премудрость» выступает прекрасным эквивалентом для греческого σοφία или древнееврейского ḥkṁh. Гораздо сложнее со словом «завет», которое представляет собой кальку с греческого слова διαθήκη, которое в свою очередь является не совсем удачным эквивалентом для древнееврейского brt «договор». Однако здесь не обойтись без развёрнутого объяснения, что это значит в Ветхом Завете, поэтому удобнее придерживаться традиционного выбора, особенно в отношении такого значимого термина.

Совсем другая ситуация с греческим πλῆσιος «находящийся рядом, близкий», выступающим эквивалентом для древнееврейского r' «товарищ». Русское слово «ближний» является калькой с греческого, у Бен Сиры во многих случаях речь идёт о самых обычных соседях, согражданах, тогда как в современном русском языке «ближний» в значении существительного обозначает любого человека [18, с. 53]. В этом случае при переводе с греческого мы использовали эквивалент «сосед», а при переводе с древнееврейского сохранили «ближний».

После того как были осуществлены все переводы, подготовлены вступительная статья, текстологический и переводческий комментарий, мы увидели необходимость

¹ После сдачи рукописи в печать мы узнали, что схожий проект был реализован в Германии, книги вышли почти одновременно [11]. Коллеги в Германии сумели получить разрешение на воспроизведение критического текста, к сожалению, у нас таких возможностей не было.

² Дата обращения: 2.03.2025.

Ил. 2. Тырновская Библия, 70-е гг. XIV в., бумага, РНБ, ОР F.1.461. Древнейший полный список церковнославянского перевода Премудрости Сираха, на развороте (л. 338 об.–387) главы 23–24.

Источник: <https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=577670F3-7234-41AE-8F05-3DDE88A2329E>

внести некоторые коррективы в наш проект. Во-первых, необходимо было представить сведения о сирийском переводе этой книги. Для этого мы пригласили в проект известного сиролога проф. Е.Н. Мещерскую, которая заменила покинувшую проект А.В. Немровскую. Е.Н. Мещерская дополнила текстологические комментарии к переводу сведениями из Сирогексаплы и внесла большой вклад в подготовку исследовательских разделов. Решено было заменить вступительную статью двумя полноценными главами, в которых мы бы осветили проблемы изучения книги и вопрос источников, а самое главное, представили бы читателю сведения, необходимые для полноценного знакомства с книгой Сираха. Такое расположение материала давало несколько преимуществ: можно было сразу целостно представить экономическое и политическое состояние Иудеи

на момент создания книги, составленной перед самым началом Маккавейской войны, богословскую позицию автора и его интерпретацию Божественной Премудрости; исчезала необходимость представлять сложное деление текста на разделы.

Привычное нам деление книги на главы было выполнено в Средние века и едва ли соответствует содержанию книги. Осуществить внутреннее деление довольно сложно, даже границы некоторых перикоп могут быть довольно спорными, пришлось бы выделить примерно 60–70 разделов, а поскольку Бен Сира к одной теме мог обращаться несколько раз, то пришлось бы предлагать систему перекрёстных ссылок, что, на наш взгляд, не очень удобно. В результате в затекстовый комментарий в конце книги попали специфические сведения, разъясняющие имена собственные, элементы материальной и ду-

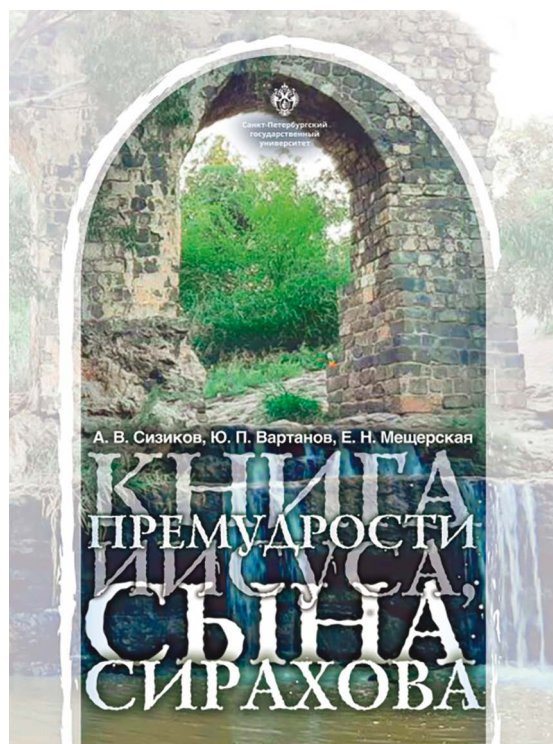
ховной культуры, литературные приёмы, цитаты, символы, образы и пр.

Весьма сложным вопросом оказалась нумерация стихов. Как мы уже упоминали выше, правильный порядок глав сохранился только в латинском переводе, во всех известных греческих списках содержание глав 30–36 имеет следующий порядок: 30:1–24; 33:13b; 34:1–31; 35:1–24; 36:1–16a; 30:25–40; 31:1–31; 32:1–26; 33:1–13a; 36:16b–31. Более того, поскольку объём текста в Ватиканском кодексе, который послужил источником для многих изданий Септуагинты, отличается от объёма текста Вульгаты, в различных изданиях представлена разная нумерация.

Генри Свит [19] в своём издании Септуагинты ввёл двойную нумерацию, которая стала конвенциональной для издания критических текстов. Тем не менее в издании Альфреда Ральфа [3], которое некоторые исследователи славянской Библии почему-то предпочитают Гёттингенской Септуагинте [12], представлена уникальная нумерация, не совпадающая ни с одним другим изданием греческого, латинского или древнееврейского текстов. В Синодальном переводе в книге Сираха своя нумерация, во многом сложившаяся под влиянием очень неудачного с точки зрения текстологии издания Московской Септуагинты [20]. Мы приняли решение разместить двойную нумерацию, как это было сделано в издании Й. Циглера, вводить нумерацию стихов по Синодальному переводу мы не стали, поскольку это бы привело к ещё большим сложностям.

Издание

За два года работы мы подготовили рукопись книги, состоящей из двух вводных исследовательских глав, перевода древнегреческого текста с текстологическим комментарием и примечаниями переводчика, содержащими альтернативные чтения различных редакций, варианты чтения по латинским и сирийским источникам, перевод всех древнееврейских источников (вместе с маргиналиями), снабжённых также тексто-

Ил. 3. Обложка издания «Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова: перевод на русский язык с историко-филологическими и богословскими комментариями»

логическими и переводческими примечаниями, затекстовый историко-филологический и богословский комментарий.

Результаты нашей работы получили положительную оценку экспертов РФФИ, что позволило нам принять участие в открытом конкурсе научных монографий СПбГУ. Рецензентами выступили д.филол.н., проф. СПбГУ А.А. Алексеев и д.и.н., в.н.с. Института истории РАН Л.А. Герд. Получив одобрение издательства, коллектив авторов приступил к подготовке издания. Нам пришлось отказаться от идеи параллельного размещения переводов с древнееврейского и древнегреческого языков: большие лакуны в древнееврейских источниках вынуждали бы оставлять большое число свободного места на листе, количество и порядок следования стихов также отличается, поэтому параллельное расположение переводов могло бы создать ложное представление о бытовании книги в древнееврейской традиции.

Для того чтобы стилистически гармонизировать труд трёх авторов, издательство СПбГУ назначило стилистического редактора В.С. Щеглову, которая оказала неоценимую помощь в подготовке издания. Е.Н. Мещерская взяла на себя труд подготовить указатель к изданию, А.В. Сизиков составил предисловие. В процессе подготовки к изданию был немного расширен раздел, посвящённый текстологии. В середине 2024 г. монография была издана [21] (ил. 3). Российский читатель впервые получил перевод всех древнееврейских источников и перевод с древнегреческого со всеми дополнениями, содержащимися в редакциях Оригена и Лукиана, с учётом сирийских и латинских источников. Нам

также удалось продемонстрировать причины текстологических различий между нашей работой, Синодальным переводом и церковнославянским наследием.

Заключение

Разумеется, два года работы над комментариями — это совсем немного для такого скромного коллектива авторов. Комментирование библейской книги может и, пожалуй, должно быть многолетним процессом. Возможно, после подготовки критического издания церковнославянского перевода мы ещё вернёмся к этому переводу и комментарию. Одной из задач нашего проекта был поиск формата создания академического комментария.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сизиков А.В. Книга Премудрости Иисуса, Сына Сирахова в Изборнике 1076 г. и полных списках // *Fons Sapientiae Verbum Dei: Сборник научных статей в честь 80-летия профессора Анатолия Алексеевича Алексеева* / Ред. А.В. Сизиков. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 127–140.
2. Библия сирѣчь кнѣи сѣценнагw писанія ветхагw и новагw завѣта. СПб., 1751.
3. *Hē palaiā diathēkē kata tous o', Septuaginta: in 2 vols. Hē palaiā diathēkē kata tous o' / Ed. A. Rahlfs. Verkleinerte Ausgabe in einem Band. Athēnai: Bibliḱē Netairia, 1979. Vol. 1–2.*
4. Рождественский А.П. Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова. Введение, перевод и объяснение по еврейскому тексту и древним переводам. СПб., 1911.
5. Сизиков А.В. Пролог Книги Иисуса, сына Сирахова в русском переводе // *Rocznik Teologiczny Warszawa*. 2020. Vol. LXII. № 1. Pp. 25–38.
6. Сизиков А.В. «Альтернативный пролог» к греческому тексту книги Премудрость Иисуса, сына Сирахова // *Библия и христианская древность*. 2020. Vol. 3. № 7. Pp. 197–208.
7. Священные книги Ветхаго завѣта въ русскомъ переводѣ. СПб.: Синодальная типография, 1876.
8. Сизиков А.В. Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова в церковнославянских и русских переводах // *Rocznik Teologiczny*. 2021. Vol. 63. № 3. Pp. 773–813.
9. Di Lella A.A.O. *The Wisdom of Ben Sira: A New Translation with Notes : The Anchor Bible. The Wisdom of Ben Sira / A.A.O. Di Lella, P.W. Skehan. 1st ed. New York: Doubleday, 1987. Vol. 39.*
10. Вартанов Ю.П. Маргиналии в еврейских рукописях кн. Йешуа бен Сиры (Иисуса, сына Сирахова) // *Библия и христианская древность*. 2022. Т. 4. № 16. С. 120–165.
11. *Das Weisheitsbuch Ben Sira / Jesus Sirach: Synopse Der Hebraischen, Griechischen, Lateinischen Und Syrischen Texttraditionen Mit Deutscher Übersetzung. Antiquus. Supplementa, 1). Das Weisheitsbuch Ben Sira / Jesus Sirach / eds. H.-J. Fabry [et al.]. Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co, 2024.*
12. *Septuaginta: Vetus Testamentum Graecum. Auctoritate Academiae Scientiarum Gottingensis editum. Vol. XII,2: Sapientia Iesu Filii Sirach: Septuaginta: Vetus Testamentum Graecum. Auctoritate Academiae Scientiarum Gottingensis editum. Septuaginta / Ed. J. Ziegler. 2., durchges. Aufl. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1980. XII/2.*
13. Beentjes P.C. *The Book of Ben Sira in Hebrew: a text edition of all extant Hebrew manuscripts and a synopsis of all parallel Hebrew Ben Sira texts: Supplements to Vetus Testamentum. The Book of Ben Sira in Hebrew / P.C. Beentjes. Leiden; New York: Brill, 1997. Vol. 68.*

14. Vetus Latina. Die Reste der Altlateinischen Bibel. Sirach (Ecclesiasticus): Vetus Latina. Die Reste der Altlateinischen Bibel / Eds. A. Forte, W. Thiele. Freiburg: Verlag Herder, 1987. 11/2.
15. Biblia sacra: iuxta latinam Vulgatam versionem ad codicum fidem. Sapientia Salomonis. Liber Niesu filii Sirach. XII. Vatican: Typis polyglottis vaticanis, 1964.
16. Библия сирѣч книги ветхаго и новаго завѣт. Острог: Иван Фёдоров, 1581.
17. Библия сирѣчь книги ветхагѣ и новагѣ завѣта по ѡзыку славенску. М., 1663.
18. Большой академический словарь русского языка. Т. 2. / Ред. Л.И. Балахонова, Н.В. Соловьёв, К.С. Горбачевич (глав. ред.). М.: Наука, 2005.
19. Swete H.B. The Old Testament in Greek according to the Septuagint: In 3 vols. Vol. 3. London: Cambridge University Press, 1907.
20. Та Biblia toutestin, Ἐ Theia Grafḗ tēs Palaias te kai kainēs Diathḗkēs. Mosha: en tō Agiōtatēs Synodou Tipografēiō, 1821.
21. Сизиков А.В. Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова: перевод на русский язык с историко-филологических и богословских комментариев / А.В. Сизиков, Ю.П. Вартанов, Е.Н. Мещерская. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2024.

The Wisdom of Jesus, Son of Sirach, and the Project of Academic Bible Translation

Aleksandr Vladimirovich Sizikov — Candidate of Science (Philology), acting head of the Department of Biblical Studies at St. Petersburg State University, head of the project “The Wisdom of Jesus the Son of Sirach: Translation into Russian with Historical, Philological and Theological Annotations” (21-011-44142).
E-mail: alexsizikoff@yahoo.co.uk

The article is dedicated to the experience of preparing an annotated academic translation of one of the non-canonical books of the Holy Scripture – the Wisdom of Jesus the Son of Sirach. The project was fully implemented by the Department of Biblical Studies of St. Petersburg State University with the support of the Russian Foundation for Basic Research. Following an open competition of monographs in 2023, the work was published by St. Petersburg State University Publishing House in 2024. For the first time, all known ancient Hebrew sources of the Book of Sirach were translated into Russian and published, and in more than a hundred years the book was the first annotated scientific publication. This publication describes the background to the study and the reasons that prompted the Department of Biblical Studies to organize this project. The article describes the main challenges that the team of authors faced in their work and preparation of the publication, and also explains the reasons that guided the team in choosing the specific form of presentation of the text and annotations.

Keywords: Ben Sira, Sirach, textology, biblical translation, Book of Sirach

REFERENCES

1. Sizikov A.V. Kniga Premudrosti Iisusa, Syna Sirakhova v Izbornike 1076 g. i polnykh spiskakh // Fons Sapientiae Verbum Dei: Sbornik nauchnykh statei v chest' 80-letiya professora Anatoliya Alekseevicha Alekseeva / Red. A.V. Sizikov. SPb.: ILI RAN, 2022. С. 127–140 (in Russian).
2. Библия сирѣчь кнѣги сщѣннагѣ писанія ветхагѣ и новагѣ завѣта. СПб., 1751.

3. Hē palaiā diathēkē kata tous o', Septuaginta: in 2 vols. Hē palaiā diathēkē kata tous o' / Ed. A. Rahlfs. Verkleinerte Ausgabe in einem Band. Athēnai: Bibliē Hetairia, 1979. Vol. 1–2.
4. Rozhdestvenskii A.P. Kniga premudrosti Iisusa, syna Sirakhova. Vvedenie, perevod i ob"yasnenie po evreiskomu tekstu i drevnim perevodam. SPb., 1911 (in Russian).
5. Sizikov A.V. Prolog Knigi Iisusa, syna Sirakhova v russkom perevode // Rocznik Teologiczny Warszawa. 2020. Vol. LXII. № 1. Pp. 25–38 (in Russian).
6. Sizikov A.V. «Al'ternativnyi prolog» k grecheskomu tekstu knigi Premudrost' Iisusa, syna Sirakhova // Bibliya i khristianskaya drevnost'. 2020. Vol. 3. № 7. Pp. 197–208 (in Russian).
7. Священные книги Ветхаго завѣта въ русскомъ переводѣ. СПб.: Синодальная типография, 1876.
8. Sizikov A.V. Kniga Premudrosti Iisusa syna Sirakhova v tserkovnoslavvyanskikh i russkikh perevodakh // Rocznik Teologiczny. 2021. Vol. 63. № 3. Pp. 773–813 (in Russian).
9. Di Lella A.A.O. The Wisdom of Ben Sira: A New Translation with Notes : The Anchor Bible. The Wisdom of Ben Sira / A.A.O. Di Lella, P.W. Skehan. 1st ed. New York: Doubleday, 1987. Vol. 39.
10. Vartanov Yu.P. Marginalii v evreiskikh rukopisyakh kn. Ieshua ben Siry (Iisusa, syna Sirakhova) // Bibliya i khristianskaya drevnost'. 2022. T. 4. № 16. S. 120–165 (in Russian).
11. Das Weisheitsbuch Ben Sira / Jesus Sirach: Synopse Der Hebraischen, Griechischen, Lateinischen Und Syrischen Texttraditionen Mit Deutscher Übersetzung. Antiquus. Supplementa, 1) Das Weisheitsbuch Ben Sira / Jesus Sirach / eds. H.-J. Fabry [et al.]. Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co, 2024.
12. Septuaginta: Vetus Testamentum Graecum. Auctoritate Academiae Scientiarum Gottingensis editum. Vol. XII,2: Sapientia Iesu Filii Sirach: Septuaginta: Vetus Testamentum Graecum. Auctoritate Academiae Scientiarum Gottingensis editum. Septuaginta / Ed. J. Ziegler. 2., durchges. Aufl. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1980. XII/2.
13. Beentjes P.C. The Book of Ben Sira in Hebrew: a text edition of all extant Hebrew manuscripts and a synopsis of all parallel Hebrew Ben Sira texts: Supplements to Vetus Testamentum. The Book of Ben Sira in Hebrew / P.C. Beentjes. Leiden; New York: Brill, 1997. Vol. 68.
14. Vetus Latina. Die Reste der Altlateinischen Bibel. Sirach (Ecclesiasticus): Vetus Latina. Die Reste der Altlateinischen Bibel / Eds. A. Forte, W. Thiele. Freiburg: Verlag Herder, 1987. 11/2.
15. Biblia sacra: iuxta latinam Vulgatam versionem ad codicum fidem. Sapientia Salomonis. Liber Hiesu filii Sirach. XII. Vatican: Typis polyglottis vaticanis, 1964.
16. Библиа сирѣч книги ветхаго и новаго завѣт. Острог: Иван Фёдоров, 1581.
17. Библиа сирѣчъ книги ветхагw и новагw завѣта по ѡзыку славенску. М., 1663.
18. Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka. T. 2. / Red. L.I. Balakhonova, N.V. Solov'yov, K.S. Gorbachevich (glav. red.). М.: Nauka, 2005 (in Russian).
19. Swete H.B. The Old Testament in Greek according to the Septuagint: In 3 vols. Vol. 3. London: Cambridge University Press, 1907.
20. Ta Biblia toutestin, Ē Theia Grafē tēs Palaiās te kai kainēs Diathēkēs. Mosha: en tō Agiōtatēs Synodou Tipografeiō, 1821.
21. Sizikov A.V. Kniga Premudrosti Iisusa, syna Sirakhova: perevod na russkii yazyk s istoriko-filologicheskimi i bogoslovskimi kommentariyami / A.V. Sizikov, Yu.P. Vartanov, E.N. Meshcherskaya. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2024 (in Russian).

ПОДДЕРЖАННЫЕ НАУЧНЫЕ ПРОЕКТЫ КОНКУРСА «ТЕОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

ИСТОРИЯ ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ, ФИЛОСОФИИ, НАУКИ

Вдовина Г.В. Философская теология Франсиско Суареса.

Проект № 21-011-44040

Гапоненков А.А. Библейская экзегеза в трудах университетских учёных – религиозных мыслителей (С.Л. Франк, Г.П. Федотов, Н.С. Арсеньев).

Проект № 21-011-44221

Дмитриев И.С. Слово Бога и Книга Природы в фокусе человеческого познания (Взаимодействие христианской теологии и науки на разных исторических этапах).

Проект № 21-011-44078

Евлампиев И.И. Формирование религиозных традиций русской культуры в конце XVIII – первой половине XIX века (на материале философии и литературы).

Проект № 21-011-44093

Ибрагим Т. Модернизаторский потенциал философской теологии фальсафы.

Проект № 21-011-44037

Коначева С.А. Мышление бытия и вера Откровения: пути соотнесения в немецкоязычной протестантской теологии и русской религиозной философии XX века.

Проект № 21-011-44030

Легеев М.В. Богословие истории в XX веке: Восток и Запад.

Проект № 21-011-44069

Макаров Д.И. Взаимодействие и взаимопритяжение античных и средневековых философско-богословских традиций в трудах Феодора Метохита и Никифора Григоры.

Проект № 21-011-44214

Масленников Д.В. Идея Бога и образ теологии в философских дискурсах зрелого модерна и постмодерна.

Проект № 21-011-44055

Михальченко С.И. Теология в научном наследии и деятельности Е.В. Спекторского эмигрантского периода: теория, практика, документы.

Проект № 21-011-44015

Сарабьев А.В. Религиозно-мистические традиции суфиев, алавитов и исмаилитов (на примере работ Абу ал-Маджда Санаи, Макзуна ас-Синджари и Насира Хусрава).

Проект № 21-011-44130

Светлов Р.В. Формирование рациональной теологии в античности и раннем средневековье.

Проект № 21-011-44178

Сухова Н.Ю. Богословская мысль в контексте модернизации: митрополит Филарет (Дроздов) и имперские институты его времени.

Проект № 21-011-44119

Щукин Т.А. Формирование понятия «теологии» как науки и её концептуального аппарата в византийской христианской теологической мысли конца V – начала VIII в. в контексте научно-философского знания поздней античности.

Проект № 21-011-44263

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Бутаков П.А. Сокрытый Бог: аргументы аналитической теологии в свете византийской патристики и философии естественного языка.

Проект № 21-011-44070

ТЕОЛОГИЯ В МЕЖРЕЛИГИОЗНОМ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ: ДИАЛОГ, ЭКУМЕНИЗМ, ФУНДАМЕНТАЛИЗМ. ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Дашковский П.К. Положение религиозных общин в региональном пространстве Сибири в контексте перехода от имперской к советской системе государственно-конфессиональных отношений: междисциплинарное исследование.

Проект № 21-011-44027

Кечкин И.Э. Православная Церковь и экуменизм: анализ диалога и взаимодействия на основе официальных документов Всемирного Совета Церквей (ВСЦ).

Проект № 21-011-44111

ТЕОЛОГИЯ И НАУКИ О РЕЛИГИИ: ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ФЕНОМЕНОВ

Пронина Т.С. Религиоведение и теология в образовательном пространстве Российской Федерации: на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Проект № 21-011-44106

Шугуров М.В. Многообразие теологических, философских и научных подходов к постижению феномена христианского религиозно-мистического опыта: горизонты и пределы междисциплинарного синтеза.

Проект № 21-011-44095

ТЕОЛОГИЯ И ФИЛОЛОГИЯ. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПЕРЕВОДА СВЯЩЕННЫХ ТЕКСТОВ, АНАЛИЗА ИСТОЧНИКОВ И ДОКУМЕНТОВ

Афанасьева Т.И. Монашеское келейное правило на Руси в домонгольский период: литургические источники, их богословская и филологическая интерпретация.

Проект № 21-011-44032

Бутова Р.Б. Дневник начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина). 1882–1889 гг.

Проект № 21-011-44187

Дружинина Е.А. Письмо Аристея: перевод текста, историко-филологический комментарий и теологический анализ.

Проект № 21-011-44092

Крысько В.Б. Земной рай в византийской и древнеславянской письменности: «Сказание отца нашего Агапия».

Проект № 21-011-44102

Лебедев П.Н. Критическое издание памятника раннехристианской литературы «Страсти свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников»: перевод латинской и греческой версий произведения, сопровождаемый подробным научным комментарием, экскурсами в богословскую, историческую, литературоведческую проблематику текстов.

Проект № 21-011-44147

Магомедова П.А. Исламский дискурс: теологическая мысль и коммуникация в русскоязычной оболочке.

Проект № 21-011-44245

Селезнёв М.Г. Историко-филологические комментарии к Ветхому Завету: комментирование избранных текстов и разработка принципов русскоязычного библейского комментария.

Проект № 21-011-44267

Сизиков А.В. Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова: перевод на русский язык с комментариями.

Проект № 21-011-44142

Смолина А.Н. Разработка способов и моделей анализа религиозных текстов как один из путей развития теоллингвистики.

Проект № 21-011-44099

Шитиков П.М. Библейские концепты: новый подход к изучению священных текстов.

Проект № 21-011-44157

ТЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАДИЦИЙ И РОЛИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

Алиева Л.В. Роль церкви в жизни населения на оккупированной территории Псковского края (1941–1944).

Проект № 21-011-44230

Бирюкова Ю.А. Православное духовенство на Юге России в годы войн и революций начала XX в.

Проект № 21-011-44120

Васильева С.В. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви на территории Внутренней Азии в условиях трансграничья (XVII–XXI вв.).

Проект № 21-011-44156

Давыдов И.П. Ритуальные механизмы этноконфессиональной и религиозно-политической самоидентификации в исторической ретроспективе.

Проект № 21-011-44227

Иванов А.А. Православное осмысление социализма: церковный опыт России, СССР и Русского Зарубежья.

Проект № 21-011-44084

Костовска С.К. Храм и ландшафт.

Проект № 21-011-44277

Марченко А.Н. Епископское служение в Русской Православной Церкви в контексте государственно-церковных отношений в СССР в 1941–1964 гг.

Проект № 21-011-44202

Пантелеев А.Д. Политическое измерение раннехристианской агиографической литературы.

Проект № 21-011-44180

Тантлевский И.Р. Истоки и пути формирования теологических концепций в христианстве и иудаизме: иудео-христианская полемика в поздней античности и в средние века в приложении к проблеме межрелигиозного диалога в современной России.

Проект № 21-011-44058

Хондзинский П.В. Латинская церковная традиция IV–VII вв. в современном научно-богословском контексте.

Проект № 21-011-44125

ТЕОЛОГИЯ И ЦЕННОСТИ: МОРАЛЬ, ПРАВО, ИСКУССТВО, ОБРАЗОВАНИЕ. РЕЛИГИЯ И ТЕОЛОГИЯ КАК ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

Баграмян Э.Р. Факторы формирования социокультурной идентичности студентов в условиях поликонфессиональности: теологический и психолого-педагогический подходы.

Проект № 21-011-44224

Безруких О.Е. Наследие святителя Тихона Задонского и формирование национально-духовной идентичности в современном социокультурном пространстве.

Проект № 21-011-44191

Борисов С.В. Храмовое зодчество XXI века: теолого-педагогические подходы в архитектурном образовании.

Проект № 21-011-44094

Квливидзе Н.В. Византийское богослужение и формирование живописных алтарных программ в храмах X–XIV вв.

Проект № 21-011-44196

Овчинников А.И. Право и правосознание в теологическом измерении: история и современность.

Проект № 21-011-44228

Симбирцева Н.А. Теологическое образование в условиях цифровой культуры.

Проект № 21-011-44091

Сычев А.А. Нормативные измерения христианских канонов: традиции и динамика.

Проект № 21-011-44239

Сюбарева И.Ф. Религиозное образование: организационно-правовая модель в публичном пространстве России.

Проект № 21-011-44064

Филиппов В.М. Семья как ценность в российской и европейской теологической традиции: компаративистское исследование.

Проект № 21-011-44210

ТЕОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: НЕРАВЕНСТВО, ВОЙНЫ, ТЕРРОРИЗМ, СЕМЬЯ И ГЕНДЕР, ТРАНСГУМАНИЗМ, ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ДР.

Аринин Е.И. Теология (богословие) и религиоведение в России: между медиа и диалогом экспертов.

Проект № 21-011-44195

Михель Д.В. Биотехнологическая революция в медицине как новый большой вызов для российского общества: теологическое объяснение развития наук о жизни в перспективе биокапитализма.

Проект № 21-011-44043

Орлов М.О. Взаимодействие светского и религиозного мировоззрения как теологическая проблема: социальные риски, вызовы цифровизации и основания гражданского диалога.

Проект № 21-011-44127

Шелманов А.О. Исследование факторов взаимодействия религии и современного цифрового общества на основе анализа проявлений религиозной нетерпимости в текстах социальных медиа с применением методов искусственного интеллекта и обработки больших объёмов текстовых данных.

Проект № 21-011-44242

ТЕОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И КОГНИТИВНЫХ НАУК

Лаврентьев А.В. Болезнь и исцеление в богословско-антропологической перспективе.

Проект № 21-011-44082

Проничкин С.В. Разработка научно-методических подходов к анализу религиозного дискурса в социальных сетях.

Проект № 21-011-44124

ДИАЛОГ НАУКИ И РЕЛИГИИ. ТЕОЛОГИЯ И ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВСЕЛЕННОЙ И ЧЕЛОВЕКА, ЭВОЛЮЦИЯ, АНТРОПНЫЙ ПРИНЦИП И ДР.

Иванов А.В. Диалог науки и религии: исторические традиции, современные тенденции, проблемы и перспективы.

Проект № 21-011-44073

Катасонов В.Н. Фундаментальные темы диалога науки и религии.

Проект № 21-011-44038

Кривовичев С.В. Феномен жизни в естественных науках и теологии: история и современность.

Проект № 21-011-44141

Храмов А.В. Эволюционизм как проблема христианской теологии: исторический анализ.

Проект № 21-011-44042

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2025, № 2 (121)

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rcsi.science
<https://rcsi.science>

Подписано в печать 20.06.2025. Формат 60×90 ¹/₈.
Усл. печ. л. 20. Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 300 экз. Заказ № 361313

Отпечатано в типографии ООО «Вива-Стар».
107023, г. Москва, ул. Электрозаводская, д. 20, стр. 3